О.А.АРТАМОНОВА, С.А.ПЛЕТНЕВА

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ САРКЕЛА-БЕЛОЙ ВЕЖИ
(по материалам работ в цитадели)

Левобережное Цимлянское городище, известное в науке еще в первой половине XIX в., представляло собой развалины хазарской крепости Саркел и древнерусского степного городка Белая Вежа, что было неопровержимо доказано в ряде работ М.И.Артамоновым (1; 2; 3; 4 и др.). Раскопки на этом памятнике были начаты М.И.Артамоновым в 30-х годах, а продолжены и широко развернуты в 1949-1951 гг. возглавляемой им Волго-Донской новостроечной экспедицией (рис.1).

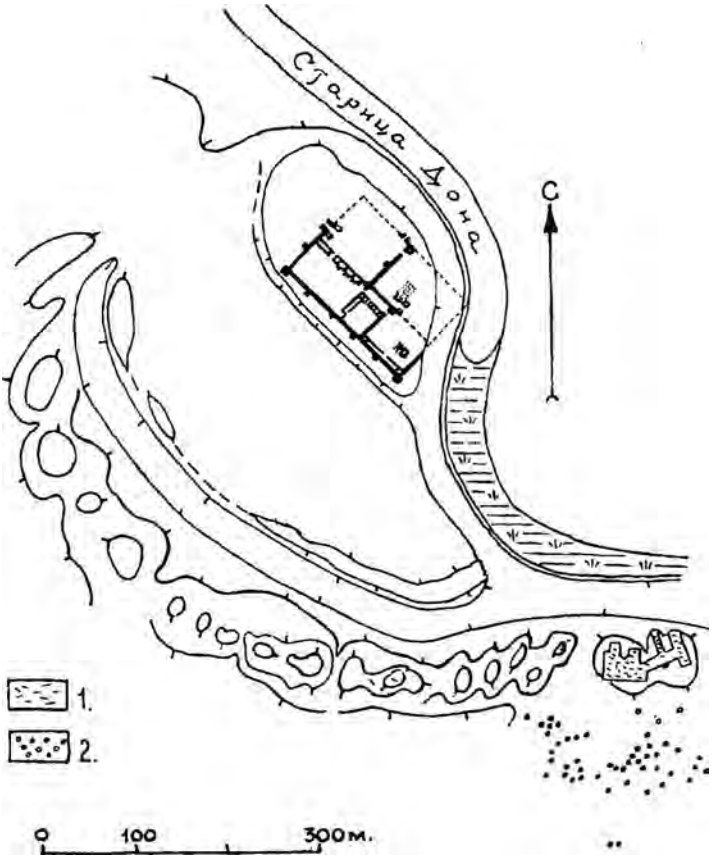

Рис. 1. Схематический общий план Саркела - Белой Вежи.
1 - погребения беловежцев на выкидах из рва, *2* - подкурганные захоронения кочевников.

Работы приходилось вести в крайне тяжелых условиях и в предельно краткие сроки, поэтому сейчас приходится пожалеть, что на городище была вскрыта всего треть его площади (около 8000 кв.м) причем примерно на половине ее верхний слой снимали скрепером, поскольку для проведения планомерных работ не оставалось времени: их прекратили перед самым пуском воды в Цимлянском водохранилище. Городище оказалось на дне водоема, в 10-15 км от берега. Несмотря на все эти трагические для изучаемого памятника обстоятельства, его раскопки дали ценнейший информативный материал по истории и культуре как Саркела, так и Белой Вежи.

Значительная часть материалов Волго-Донской экспедиции была обработана еще в 50-е годы. Результатом явилась публикация трех томов "Трудов ВДЭ", вышедших в серии МИА в 1958, 1959 и 1963 гг. под редакцией М.И.Артамонова. Собственно саркело-беловежским (городищенским) материалам в этих томах посвящено более 50 п.л. Однако, многие проблемы, связанные с этим памятником, остались недостаточно освещенными, а некоторые категории вещей — необработанными. Добавим, что ряд опубликованных статей в настоящее время несколько устарел и нуждается в дополнениях и корректировке.

Одним из наименее изученных вопросов является, по нашему мнению, стратиграфия городища. Толщина культурных напластований на нем равнялась 2,5-3м. Благодаря письменным сообщениям о постройке крепости в 30-х гг. IX в. и об оставлении Белой Вежи основным населением в 1117 г., можно уверенно говорить о том, что эти напластования накопились примерно за 28 лет жизни на этом поселении. Известна еще одна дата в его жизни, а именно 965 год — год взятия Саркела князем Святославом Игоревичем, после чего крепость получила русское наименование Белая Вежа (калька тюркского Сар-кел). Этот факт с самого начала работ на памятнике позволил относить культурный слой к двум периодам: саркельскому и беловежскому. Однако, из-за очень сильной перекопанности и сконцентрированности напластований на малой площади разделить их, казалось, было практически почти невозможно. Стратиграфическое исследование "мешанины" прослоек и перекопов представлялось настолько бесперспективным, что было произведено искусственное разделение слоя не на прослойки, а на пласты толщиной от 10 до 50 см и соотнесение этих пластов с находками в них, что дало возможность проследить изменение состава находок на городище в целом и на отдельных его участках. А это в свою очередь позволило установить, что перемешанность культурного слоя была значительно меньше, чем это представлялось при визуальном наблюдении, а также продатировать пласты находками и наоборот — установить даты многих вещей по принадлежности их к тому или иному пласту.

Эта большая работа была проведена несколькими археологами, чьи статьи опубликованы во втором томе Трудов ВДЭ (МИА, № 75).

Особенно выразительным оказался массовый керамический материал: тысячи обломков разнотипной и разновременной посуды IX-XII вв. заполняли культурный слой. Количественные колебания наличия тех или иных типов сосудов позволили выявить периоды расцвета и упадка на разных этапах существования этого поселения (см. статьи В.Д.Белецкого и С.А.Плетневой). Распространение в пластах обломков разнотипных стеклянных браслетов, керамических и шиферных

пряслиц подтверждает правомерность деления слоя на пласты и их хронологические рамки (см. статьи З.И.Львовой и В.П.Левенка). В.Д.Белецкий распределил по пластам (глубинам) многочисленные остатки жилых комплексов, обнаруженных в слое, и таким путем датировал эти комплексы, отнеся их к определенному (саркельскому или беловежскому) периоду.

Приходится пожалеть, что очень плохая сохранность жилых комплексов помешала исследователю обработать все обнаруженные в слое материалы, т.к. определить типологические особенности построек по вскрытым остаткам нередко было абсолютно невозможно. Так, из 1017 остатков развалин, которые В.Д.Белецкий счел возможным связывать с жилищами, менее половины было включено им в работу (в тексте говорится о 477 комплексах, а в прилагаемых таблицах — о 336). Существенно, что попавшие в типологию и стратиграфические таблицы остатки жилищ далеко не всегда обладают признаками, которые позволили бы уверенно говорить об их типологической принадлежности, а следовательно в стратиграфические таблицы они были помещены условно. В частности, из 258 жилищ с кирпичными печами (беловежских) только 8, по словам самого автора (5, с.99), можно считать дошедшими до нас в такой мере, которая позволяет говорить об их характерных признаках и тем более - о совокупности признаков. Столь же неправомерны подсчеты, касающиеся "кочевнических жилищ": из 69 включенных в эту группу только в двух сохранился квадратный в плане слой глинобитного пола с кирпичным очажком в его центре, большинство же представлено в статье обрывками глинобитных полов или очажками без полов. В "салтово-маяцкую" группу жилищ включено не 41 (как в тексте) и не 53 (как в таблице), а всего 26, из 30 жилищ "роменско-боршевской" группы только о 21 можно было сказать, что они входят в эту группу, у 9 нет характерных для группы признаков. Таким образом, количество жилищ обоснованно включенных в типологию не превышает 100-120 комплексов, а это дает безусловно менее выразительную картину распределения их в слое, чем это представлено в статье В.Д.Белецкого.

Совсем недоказанной кажется нам локализация групп разнотипных (разноэтничных) жилищ на территории крепости. Определяя ареалы, автор использует не только все данные неправомерно "раздутых" им групп, но и включает в них не раскопанные площади и даже не существовавшие (обвалившиеся) части городища (5, рис.22).

Подводя итоги проведенных исследований, приходится признать, что их стратиграфический аспект в настоящее время не может считаться удовлетворительно решенным. Это только предварительные наброски, позволяющие при их сопоставлении друг с другом сделать некоторые наблюдения и выводы о хронологии слоя и об истории Саркела - Белой Вежи.

Представляется необходимым, продолжив начатую сорок лет назад работу, прежде всего попытаться создать картину сменяемости исторических периодов и изменений, происходивших в саркельской крепости и на беловежском поселении. Осуществление этого исследования возможно только на нескольких участках городища, раскопанных полностью — от верхнего мусорно-дернового слоя до материка (рис. 2). Это раскопы в западном углу крепости и у ее Главных ворот (раскоп I), в средней части северо-западной половины крепости (раскоп II) и в ее южном

углу (раскоп "цитадель"). Поскольку одна из авторов[1] лично вела в поле наблюдения над работами в цитадели и тогда же разбиралась, насколько это было возможно, в хитросплетениях слоя с целью выявления в нем жилых горизонтов, попытаемся именно на материалах этого обширного и сложного участка вернуться к работе по стратиграфии этого памятника.

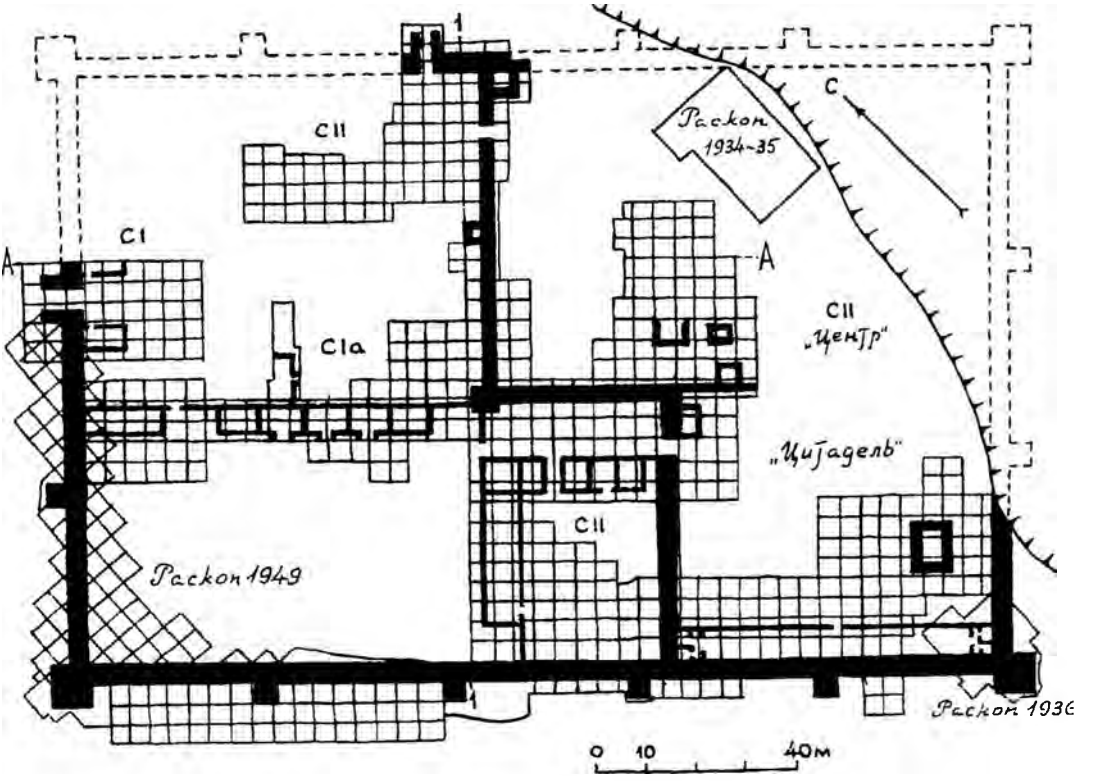

Рис. 2. Схематический план крепости с "сеткой" разбивки на раскопы и квадраты.

Предварительно напомним читателям, что руководители экспедиции, зная уже по раскопкам 1934-1936 гг. о перемешанности культурного слоя, в котором обычно невозможно уловить сменяющие друг друга уровни древних дневных поверхностей, постоянно следили за точной фиксацией глубин всех обнаруженных на городище находок (от массовых обломков керамики до монет и произведений прикладного искусства), а также глубин (уровней) открывавшихся жилых, производственных и хозяйственных объектов. Фиксация велась от общего для всего городища "0", который находился на уровне основания бесфундаментных кирпичных стен крепости, всюду поставленных на единую тщательно отнивелированную

[1] О.А.Артамонова в 1951 г. руководила работами на всем городище, уделяя особенно пристальное внимание раскопу в цитадели.

строителями материковую поверхность. Поэтому все глубины (а вернее "высоты") на этом памятнике обозначались со знаком "+", кроме, естественно, тех, которые находились ниже материка (в ямах, котлованах, и случайных углублениях-неровностях материковой поверхности).

Раскоп в южном углу цитадели, пожалуй, самый крупный по вскрытой площади. Размеры его основной части 1440 кв.м (90 квадратов по 16 кв.м каждый). К ней вплотную примыкает раскопанный и расчищенный участок юго-западной стены с одной из серединных башен (всего 13 квадратов = 208 кв.м). Кроме того, рядом с этим раскопом, на южной угловой башне и участке около нее внутри крепости расположен раскоп М.И.Артамонова 1936 г., размеры которого 272 кв.м (17 квадратов).

Поверхность всего участка была сравнительно с остальной площадью городища ровная, т.е. без множества заметных перекопов - заплывших длинных траншей и шурфов, закладывавшихся казаками для добычи и поисков кирпичей из саркельских кладок. Они зафиксированы были в основном только над линией крепостной стены (рис. 3). Мощность культурного слоя на раскопе почти всюду не превышала 2,5 - 2,7 м. О его характере мы можем судить по трем профилям, снятым на раскопе по линиям 23, О, С.

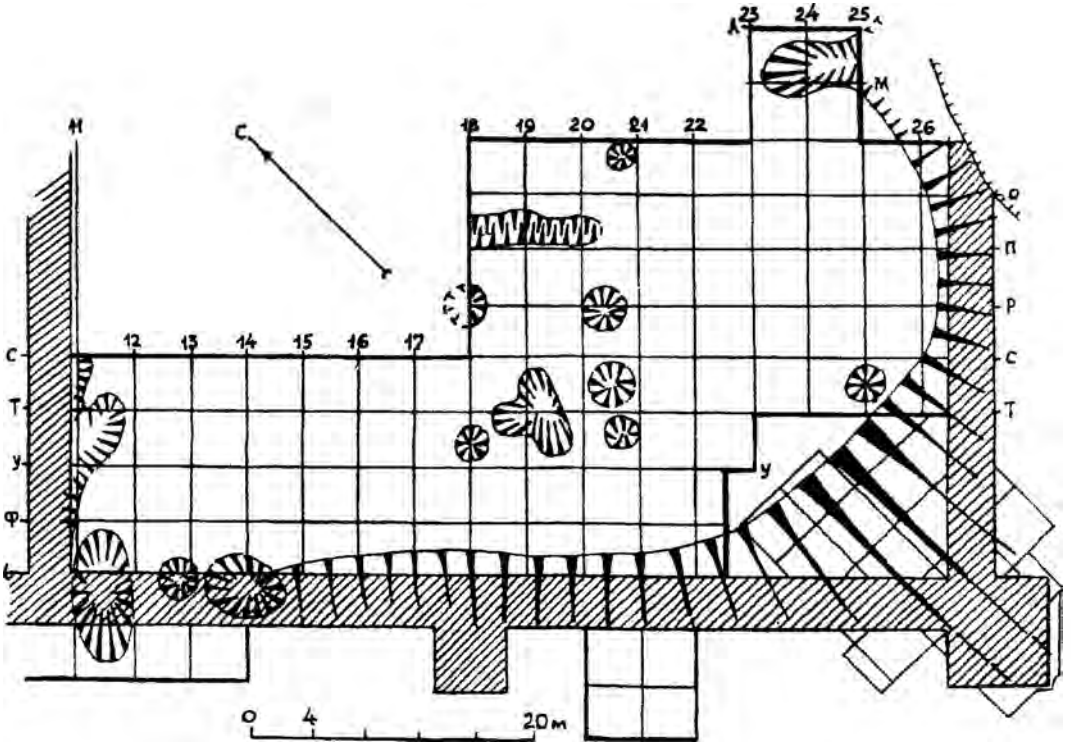

Рис. 3. План раскопа "цитадели" с нанесенными на него ямами грабительских перекопов.

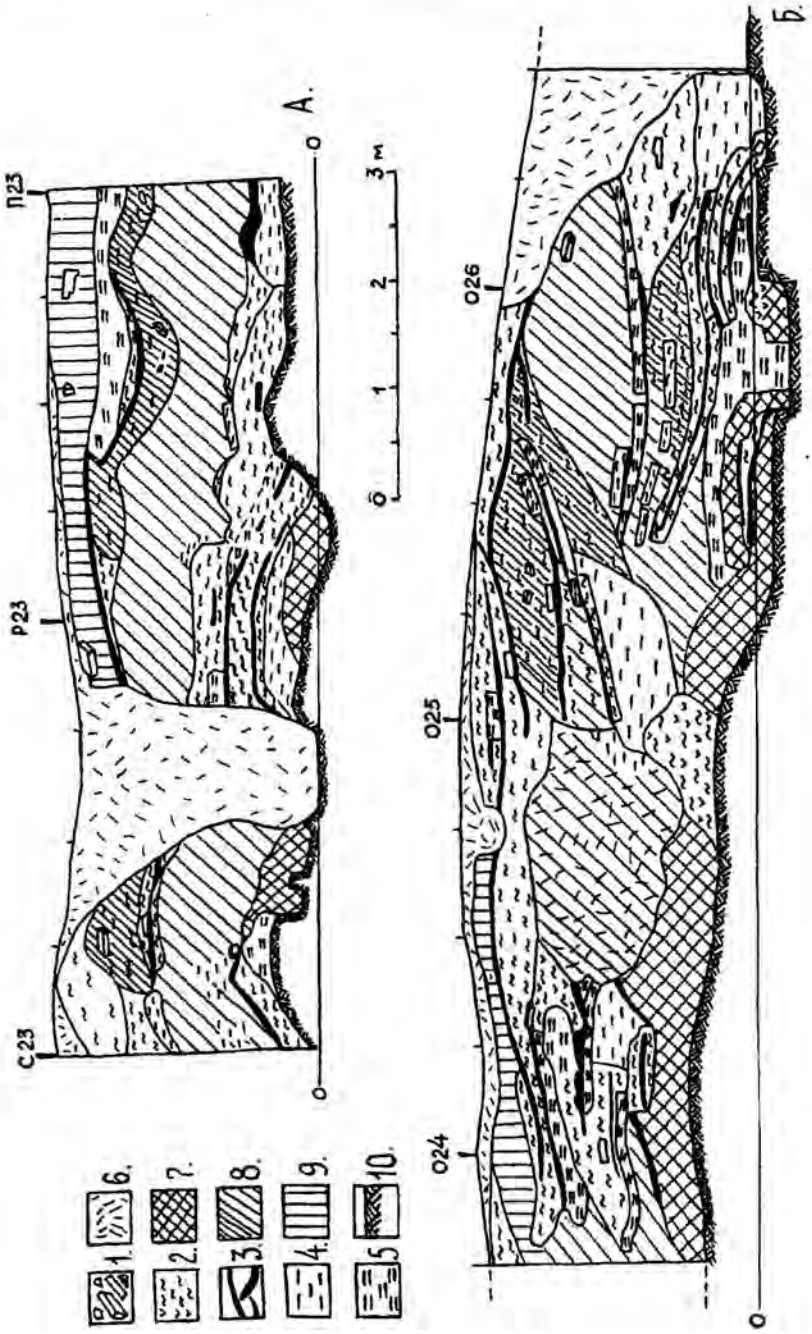

Рис. 4. Профили раскопа: А - по линии 23, Б - по линии О. *1* - кирпичи и их обломки, *2* - уголь и зола, *3* - прослойки сгоревшего дерева, *4* - глина, *5* - обожженная глина, *6* - мусор, *7* - слой Саркела, *8* - слой Белой Вежи XI в., *9* - слой XII в., *10* - материк.

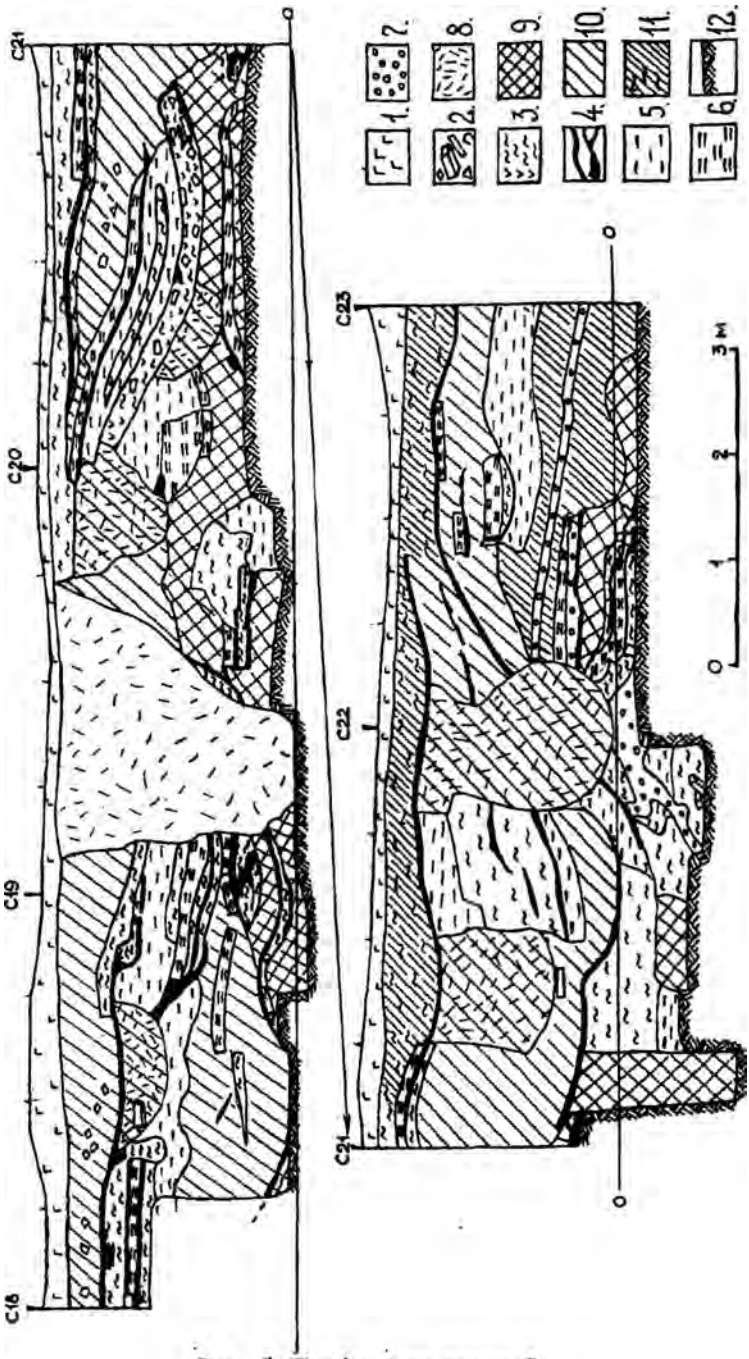

Рис. 5. Профиль по линии С.

1 - дерн, *2* - кирпичи, *3* - угли и зола, *4* - сгоревшее дерево, *5* - глина, *6* - обожженная глина, *7* - известь, *8* - мусор, *9* - слой Саркела, *10-11* - слой Белой Вежи, *12* - материк.

Профиль по линии 23 (рис. 4*а*) представляет собой разрез всего двух квадратов: от пикета С до П (длиной 8 м). В нем бросается в глаза громадная полностью затянувшаяся яма-траншея XIX в., уничтожившая стену центральной постройки этой части цитадели — донжона. Глубина ее от современной поверхности 2,2 м. Расплывшийся выброс из этой ямы покрывал большое пространство по обеим сторонам траншеи. Под ним лежали наслоения различных оттенков серого цвета: светло-золистого, темно-серого (почти черного), желтоватого (глинистого). Верхний золистый слой подстилается прослойкой интенсивного пожарища, состоявшего из золы, угля, обоженной глины, сажи и пр. Эта прослойка сменяется "спокойным" темно-серым слоем, насыщенным, вероятно, разными органическими остатками и выбросами. Ниже следует прослойка другого мощного пожара, состоявшая из тоненьких прослоечек сгоревших, как бы "сплющенных" жилищ и других построек. Последний слой представлен плотным сероватым предматериком с натеками глины (иногда зеленоватой). Здесь он прослеживался местами, т.е. не по всей длине профиля.

Профиль по линии О — разрез четырех квадратов — от пикета 23 до 27 (длина 16 м) (рис. 4*б*). Как и на предыдущем профиле, в нем хорошо выделялась широкая и глубокая траншея, до основания разрушившая юго-восточную стену крепости. В целом слой на этой линии был сильно перекопан глубокими (до материка) ямами с расплывчатыми очертаниями и аморфным заполнением. Тем не менее, даже здесь видны прослойки двух пожарищ, разделенные серым "спокойным" слоем, а также почти по всей длине прослежен светло-серый золистый верхний слой, перекрытый мусором от разрушенной траншеей стены.

Профиль по линии С от пикета 18 до 23 (общая длина 32 м). Слой, как и всюду, сильно перекопан еще в древности (рис.5). Он прорезан несколькими большими, видимо, хозяйственными ямами, спускавшимися с разных глубин и врезавшимися друг в друга. Две ямы и котлованы двух жилищ углублены в материк на 1 - 1,2 м. Мусорно-дерновый слой в этой части раскопа перемешан с золой, попавшей, вероятно, в него из подстилавшего его светло-серого золистого слоя, в котором попадались обоженные в пожаре блоки сырцовых кирпичей. Ниже прослеживаются и прослойки двух мощных пожарищ, разделенные темно-серым слоем, который пронизан несколькими тонкими прослойками пожаров. Под прослойкой нижнего пожарища кое-где виден сероватый предматерик с включениями прослоек глины.

Таким образом, исследование культурного слоя позволяет, как нам представляется, с уверенностью говорить, во-первых, о том, что слой на раскопе довольно четко делится на три, отделенные друг от друга пожарами, тотально уничтожившими все постройки. Во-вторых, пожары были разделены друг от друга слоем "спокойного существования" толщиной не менее 1 м. В-третьих, и этот "спокойный" слой нередко пронизан прослойками пожаров, имевших, видимо, локальный характер.

Существенно также подчеркнуть, что прослеженные слои лежали очень неровно, местами они исчезали совсем. К тому же, все они многократно перекапывались, прорезались ямами и траншеями. Несмотря на разрушенность слоя, сделанные наблюдения при сопоставлении их с письменными свидетельствами позволили

исследователям еще в 30-х годах предположить, что нижний мощный слой пожарища следует связывать с взятием и разгромом Саркела Святославом Игоревичем в 965 г., а верхнее пожарище — с гибелью Белой Вежи в 1117 г.

Начнем характеристику открытых материалов с нижнего (самого раннего) горизонта городища, поднимаясь затем, вслед за накоплениями культурного слоя, на вышележавшие уровни, соответствующие более поздним хронологическим периодам истории данного поселения.

1. Кирпичные здания и стены цитадели

Крепость Саркел ставилась на чистом, не заселенном ранее месте (3, с.27; 6). Стены ее возводились на подчищенной и тщательно отнивелированной поверхности материка, очевидно являясь первичной застройкой данного участка берега.

Кирпичным сооружениям Саркела была посвящена статья П.А.Раппопорта (1959). В ней он подробно останавливается на описании остатков этих сооружений и в ряде случаев дает свои соображения об их функциональном назначении. Естественно, что постройки и стены, исследованные в раскопе южной части цитадели, заняли значительное место в его работе (7, с.28-32, рис.25-30).

В этом раскопе были вскрыты остатки и следы двух крепостных стен: юго-восточной и юго-западной, общая длина которых 61+27=88 м, а также часть внутренней стены цитадели, отделяющей ее от остальной площади крепости (в раскопе она прослежена в длину на 16 м). Помимо того были расчищены следы двух башен: одной из четырех башен юго-западной стены (башни "А") и в примыкающем к этому участку раскопе 1936 г. — угловой (южной) башни.

Фактически это были отпечатки кирпичей на материковой глине, перемежавшиеся с участками, на которых эти отпечатки были стерты. В исключительных случаях сохранились остатки кирпичных кладок: один-два ряда недобранных казаками кирпичей (рис. 6). На плане дневной поверхности южного угла цитадели хорошо видны заплывшие мусором, проходившие по стенам Саркела траншеи (рис. 3). Очевидно до разборки стен, т.е. до XIX в. они возвышались над поверхностью, что и позволило так точно по ним прокладывать кирпичедобывающие карьеры.

Кроме внешних стен в этой части цитадели были выстроены два крупных здания (по нумерации П.А.Раппопорта — II и III). Здание II представляло собой толстостенный прямоугольник в центре площадки южного угла. П.А.Раппопорт полагает, что постройка была высокой, возможно даже трехэтажной. Она была ориентирована, как и сама крепость, углами по сторонам света. Вход, вероятно, находился на северо-западной стороне. Перед ним была сооружена вымощенная двумя слоями кирпичей площадка, размеры которой чуть больше площади, занятой зданием. Все вместе взятое свидетельствует о важном значении этого здания в крепости. Скорее всего оно служило "донжоном" или домом главы гарнизона крепости. Стены и кирпичная площадка были разрушены задолго до крепостных стен. Площадка вся изрезана ямами беловежского времени. Тогда же разобрали стены донжона примерно до высоты +0,7 м. Именно на этом уровне культурного слоя он и был, по-видимому, полностью разрушен.

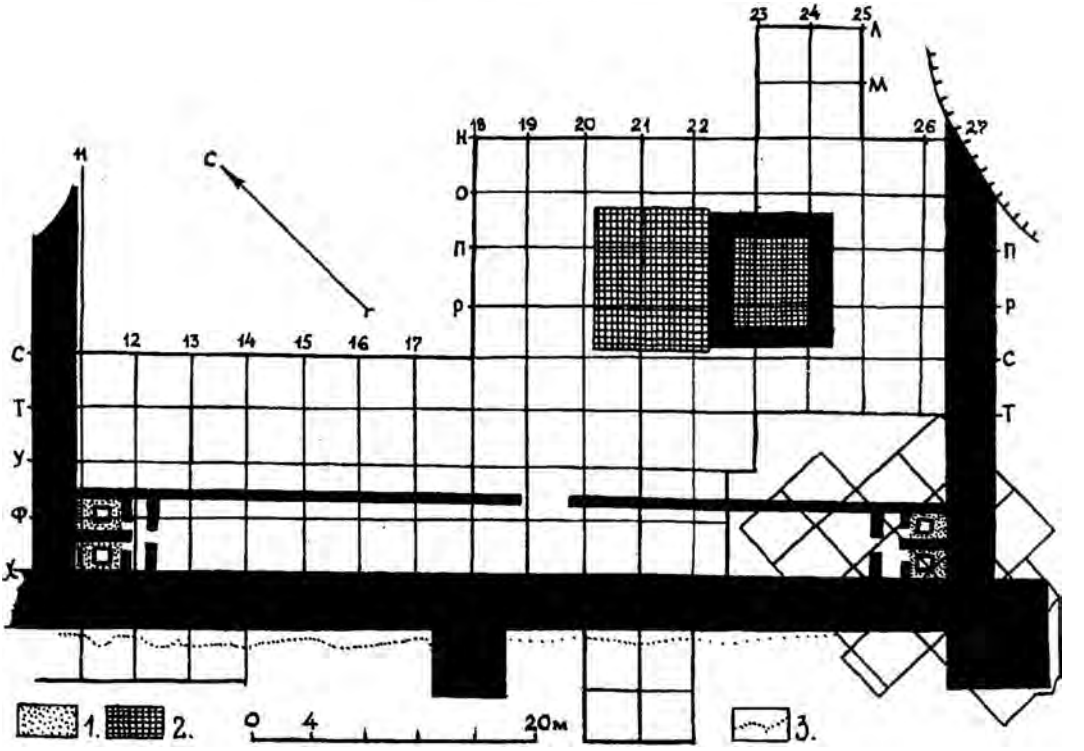

Рис. 6. Крепостные сооружения Саркела, открытые в раскопе "цитадель".
1 - известковая заливка пола, *2* - кирпичная вымостка, *3* - контур известковой "отмостки".

Здание III (длинное) размещено вдоль юго-западной стены крепости от юго-восточной стены до стены цитадели. Ширина его всего 6 м, а ширина стены, отделяющей внутреннее пространство этого здания от остальной площади цитадели, 1 м. В этой стене примерно на середине ее длины был прослежен вход. На обоих концах здания отделены кирпичными перегородками два помещения, в которых в двух отдельных камерах сооружены облицованные кирпичом, квадратные в плане, с деревянными массивными крышками погреба.

Можно предполагать, что помещения были арсенальными, а в целом здание III использовалось в качестве казармы. Причем нижний этаж, вероятно, был конюшней, а над ней на втором этаже располагались воины. Крыша была деревянной и одновременно служила вместе с частью стены широким валгангом, т.е. была существенной частью фортификации.

Сохранность этого здания, как и всех кирпичных сооружений Саркела, очень плохая: кладки в основном разобраны до основания и примерно на трети длины даже отпечатки кирпичей стерты с материковой поверхности. Однако от длинной стены остались крупные блоки, местами достигавшие 7-8 рядов кирпичей — 0,6-0,65 м высоты. Над этой стеной, как и над донжоном, на современной по-

верхности не было и следов перекопа, следовательно, ее не было видно в XIX в. Очевидно она также была разрушена значительно раньше, почти одновременно с донжоном.

П.А.Раппопорт, благодаря многочисленным измерениям кирпичей всех построек Саркела, установил, что в разных строениях использовались кирпичи разных размеров: 24 x 24 x 5 см и 27 x 27 x 7 см. Первые отличались прекрасным качеством глины и обжига и сложены на столь же качественном известковом растворе. Вторые - рыхлые, а известковый раствор с большим процентом песка, более слабый, крошащийся. Измерения дошедших до нас оснований и отпечатков стен позволили предположить (6), что соответственно размерам кирпичей строители при возведении стен пользовались двумя мерами длины: в основе первой лежала мера в 8 см (и многочисленные кратные к ней), в основе второй — 7 см (тоже с кратными). В зданиях и стенах, сложенных из кирпичей первой группы, совершенно нет кирпичей второй группы, а в зданиях второй группы нередко попадаются кладки с кирпичами обоих размеров. П.А.Раппопорт справедливо объясняет этот факт тем, что постройки второй группы немного более поздние, чем первые, или, вернее их сооружали в тот же хронологический период, но после того, как первые были уже поставлены.

Открытые на исследуемом юго-западном отсеке цитадели кирпичные стены четко делятся на две группы. Стены и башни крепости, внутренняя стена цитадели возводились в первый строительный период, а донжон, площадка перед ним, "казарма" и "арсенальные" помещения в ней сооружались во второй период.

Вполне вероятно, что в первый период в строительстве принимали активное участие византийские архитекторы, предложившие рецепты глиняного кирпичного теста, температуру печей и состав известкового раствора. Однако непосредственное руководство работами осуществляли хазарские мастера и именно они, согласно местной традиции, ставили стены без фундамента и дали установку на размер кирпичей, не соответствующий византийскому. Как бы там ни было, но ясно, что первоначально, при строительстве самых важных объектов с точки зрения византийцев, они активно участвовали в работе. Окончив ее, константинопольские архитекторы отбыли домой, хазары сами достраивали здания, которые были им необходимы, изменив при этом качество материалов и взяв за основу иную меру длины.

В цитадели необходимыми являлись, естественно, дом главы гарнизона (донжон) и помещение для воинов и их коней. Следует сказать, что донжон был построен с большой тщательностью, о чем свидетельствует прекрасно замощенная двумя рядами кирпичей площадка перед входом и такой же пол внутри здания (на первом этаже). Стену казармы складывали более небрежно. Сохранились даже места в кладках, где видно, что кирпичи укладывались не на известковый, а на глиняный раствор. Это тоже было местной традицией: глиной в качестве связующего раствора и обмазки стен (своеобразной штукатуркой) широко пользовались в Хазарии и в последующие годы в Саркеле и далее — в Белой Веже.

Таким образом, первым периодом жизни в цитадели является время строительства крепости, которое, как мы знаем, происходило в 30-х гг. IX в., а точнее — с 833-34 гг. примерно по 837-38 гг. Постройки, возведенные в это краткое четы-

рех-пятилетие удалось разделить на две временные группы. Это первое хронологическое наблюдение, о котором мы можем говорить с достаточной уверенностью.

Культурные напластования, которые здесь возможно было бы связывать с жизнью только что отстроенной крепости, отсутствуют. Очевидно территория содержалась в чистоте и бытовые отложения убирались. В цитадели жили только воины ежегодно сменяемого гарнизона. Никаких частных построек (ни стационарных, ни сезонных) ставить не разрешалось.

2. Бытовая застройка цитадели

Однако спустя полстолетия жизнь в крепости и в цитадели изменилась. Цитадель стала застраиваться. Произошли и другие изменения. О них подробно рассказывается в книге, посвященной Саркелу (6, глава IV), поэтому в данной работе мы ограничимся краткой характеристикой этих весьма существенных преобразований без их детального описания обнаруженных на данном уровне остатков построек.

Прежде всего в цитадели появились небольшие домики, в основном сконцентрированные вокруг донжона (рис. 7). Сохранность их очень плохая, особенно в завалах пережженной глины северо-западнее донжона, где нередко нельзя даже разобрать к какому слою относятся эти завалы. Очевидно, только, что там были строения первой застройки цитадели, перекрытые более поздними постройками. Определить типы этих разрушенных и разровненных домиков не было возможности.

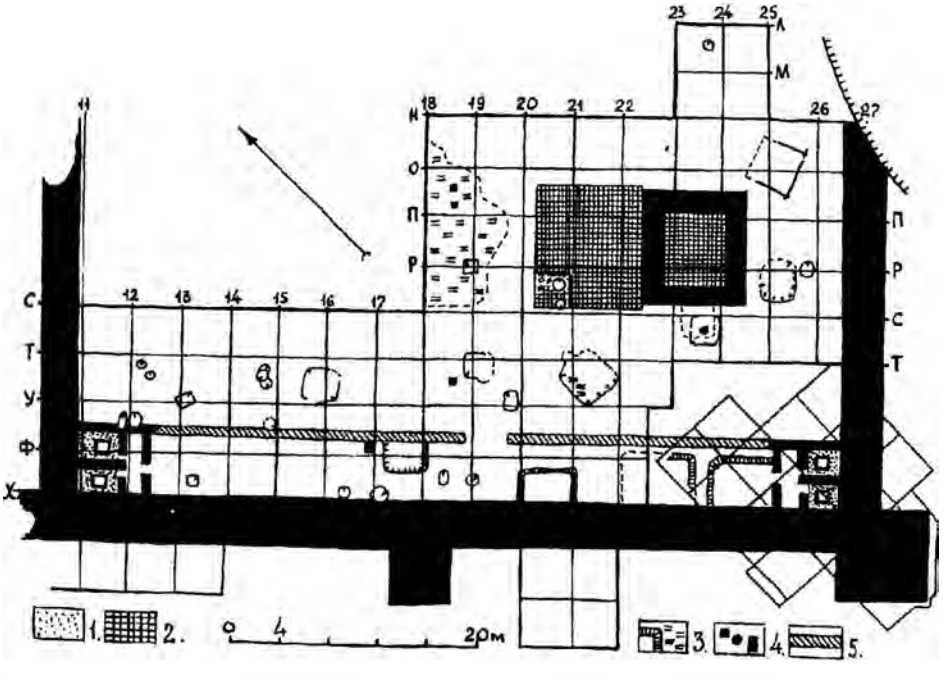

Рис. 7. Хазарская застройка цитадели. *1* - известковая заливка пола, *2* - кирпичная вымостка, *3* - обожженная глина, *4* - печи и очаги, *5* - разрушенная кирпичная стена.

Остальные сооружения, относимые нами к этому периоду, несмотря на многочисленные перекопы и ямы, прорезавшие их, сохранились лучше. Во всяком случае они дают представление о типах построек, а значит более или менее верные возможности их реконструкции. Всего было открыто семь остатков жилищ. Пять из них были слабо (до 0,5 м) углубленными в материк полуземлянками. Пол у них без подмазки — материковый, входы длинные, стены турлучной конструкции, т.е. плетневые, обмазанные с обеих сторон глиной, очаги открытые, помещенные в центре пола, реже в углу или у одной из стенок. Все эти признаки характерны для жилищ салтово-маяцкой культуры — культуры Хазарского каганата.

К сожалению, они прослеживались не в каждом из обнаруженных жилищ: от одного сохранилась часть котлована с очагом в центре пола, в двух на полу остались ямки от жердей (основы плетня), у одного прослежен длинный вход, а в другом в полу вырыта небольшая ямка, в которой погребен череп коня (закладная жертва?), что также встречалось в жилищах хазарского времени, открытых на других раскопах.

Особый интерес представляют два наземных, т.е. не углубленных в материк жилища. Так, совершенно необычным является расположение наземного жилища на кирпичной вымостке перед входом в донжон. Его поставили точно на западный угол вымостки. Постройка погибла в сильном пожаре, пол был глинобитным сильно прокаленным в пожаре так же, как и рухнувшие на него глинобитные стены. В северном углу этого здания находились, по-видимому, глинобитные печь и тандыр (от них сохранились только куски прокаленной глины), а в полу — две большие ямы — погреба или зернохранилища. Создается впечатление, что эта постройка служила каким-то хозяйственным помещением для владельца донжона, скорее всего — пекарей. Этим объясняется и необычность размещения ее перед кирпичным зданием, являвшимся одним из главных в крепости.

Второе наземное жилище находилось поблизости от восточного угла донжона. Надо сказать, что это единственный пример наземного бревенчатого (срубного) жилища в Саркеле того времени. Сруб был поставлен на глиняной "подушке", т.е. пол у него был глинобитный, вдоль бревен снаружи была сооружена завалинка из вынутых из кладки кирпичей, а кровля сложена из жердей, куги и слоя глиняной обмазки.

Рядом с жилищами нам удалось выделить и несколько хозяйственных комплексов, сосуществовавших с ними. Прежде всего это хозяйственные ямы, вырытые с уровня материка или немного выше его (около 10-15 см). Принадлежность их к этому слою устанавливается также по находкам в их заполнении обломков характерных хазарских горшков и лощеной керамики, и, что особенно существенно, благодаря своеобразным покрытиям поверхности ям зеленой глиняной обмазкой, типичной, как показали исследования саркельского слоя, именно для этого периода. Помимо ям к слою относятся четыре небольшие прямоугольные погребка с облицовкой массивными тополевыми плахами.

Наконец, в тот же период начали появляться в Саркеле оригинальные, получившие особенной распространение в последующие века, небольшие открытые квадратные очажки, со стенками из четырех поставленных на ребро кирпичей.

Подом у него служил пятый, уложенный плашмя, а чаще под был глинобитный, сильно обожженный (рис. 8).

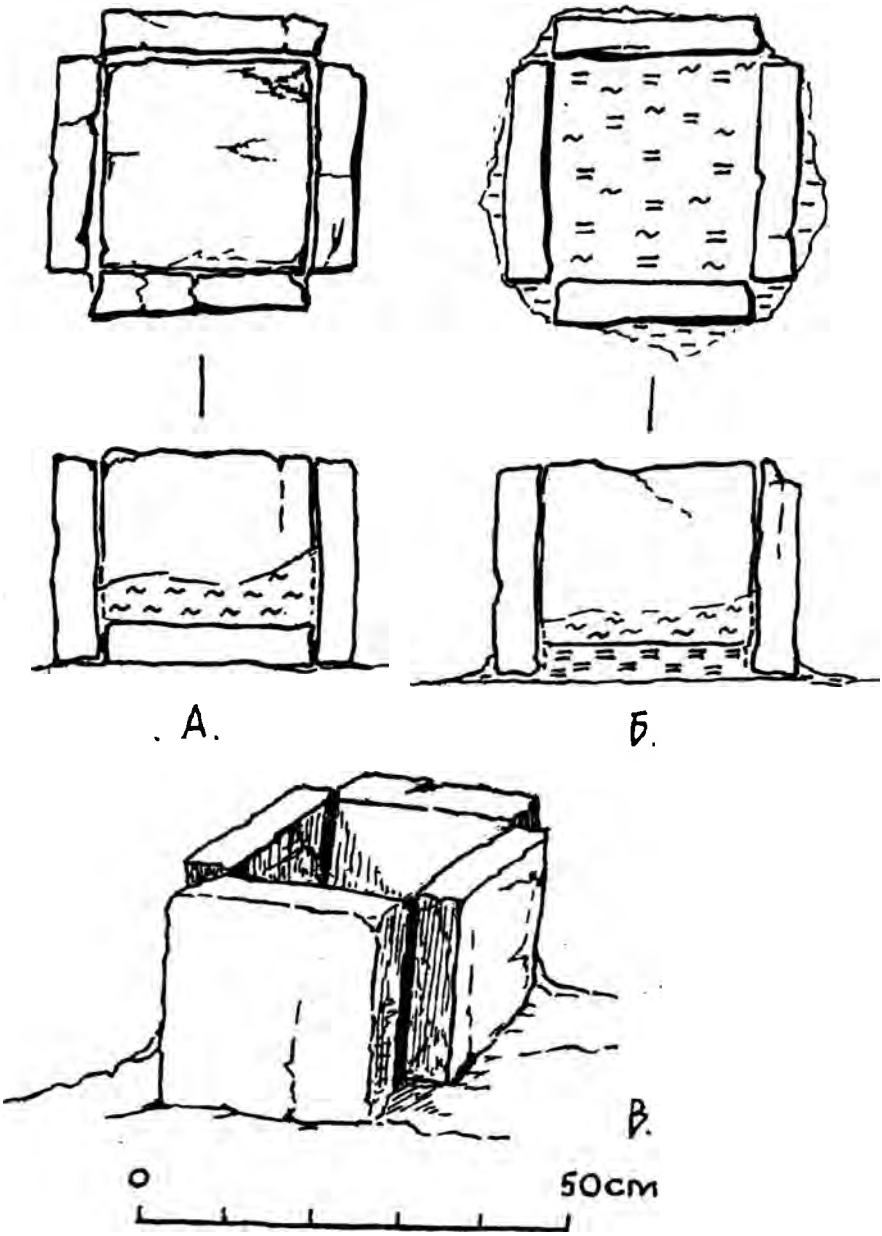

Рис. 8. Очажки. *А* - тип 1 (пятикирпичный), *Б* - тип 2 (четырехкирпичный), *В* - общий вид.

Таким образом, участок вдоль длинного здания и вокруг донжона начал активно застраиваться. Но это было не единственным изменением в цитадели. Наиболее важным явилось разрушение длинного здания, прекращение его использования в качестве казармы-конюшни.

Это следует из ряда фактов. Прежде всего явственно прослеживается "пренебрежение" к существованию и сохранности длинной тонкой стены здания, в которую врезаны с внешней стороны ямы с зеленой обмазкой, причем в одной из круглых ям находилось захоронение ребенка, совершенное по обряду (скорчено на боку) свойственному языческим представлениям основной массы населения Хазарии. Еще выразительнее выглядит факт застройки внутреннего пространства конюшни. Помимо уже упомянутого (одного из четырех) погребка, там было выкопано четыре ямы (обмазка в них — зеленая глина) с соответствующими находками обломков кухонных горшков и лощеной посуды, а также пристроенная к внутренней стороне прямоугольная печь с глинобитным подом, обставленным кирпичами. Такие печи, судя по находкам в соседних раскопах, появились в Саркеле в период бытовой застройки крепости в хазарское время. Рядом с этой печью к той же стене была пристроена типичная полуземлянка с полом без подмазки.

Противоположная стена длинного здания, являвшаяся, как говорилось, и крепостной стеной, также весьма интенсивно использовалась в новой застройке этого участка. К ней было пристроено три наземных довольно больших помещения, сгоревших в сильном пожаре. Пристроенные стены их были глинобитные, облицованные досками. Кровля — из широких плах и жердей, сгоревшие обломки которых были разбросаны по полу. Пол материковый, неровный, без подмазки. Сохранность построек очень плохая — дошли только нижние части стен в виде прокаленных оранжевых полос глины, обрамленных серым пеплом, видимо, деревянной облицовки. Вероятно, постройки были нежилыми — пол в этих помещениях был без подмазки и ни в одном не было обнаружено даже следов очага или иного отопительного устройства. Пол весь покрыт мелкими рытвинами, а в одной из построек внутри, вдоль стены прослежены глубокие ямки от крупных столбов, явно не относившихся к конструкции постройки. Не исключено, что это были остатки коновязи, а сами глинобитные здания конюшнями (в таком случае понятна и изрытость пола), сооруженными вместо разрушенного значительно более обширного и благоустроенного (теплого) помещения того же назначения.

Причины разрушительных действий жителей Саркела непонятны, в крепости, не только в цитадели, прослежены следы таких разрушений, свидетельствовавших о серьезных перепланировках, связанных, видимо, с притоком в крепость "гражданского" населения. Это явно был второй этап жизни в хазарском Саркеле. Следует подчеркнуть, что в то время разрушения не были тотальными. Нередко полуразрушенные помещения использовались в качестве основы для новых построек. В какой-то мере это проявилось и при строительстве на участке, занятом ранее длинным зданием. В нем основательно "реконструировали", по существу уничтожили, конюшню, но оставили в целости "арсенальные отсеки", продолжавшие функционировать, вероятно, согласно задуманному назначению.

Сохранение главных необходимых для жизни в крепости кирпичных зданий наряду со строительством новых значительно более легких жилых и хозяйствен-

ных построек стало одним из основных признаков второго этапа существования хазарского Саркела. Другим столь же существенным признаком наступления нового времени является смешение строительных традиций в бытовом строительстве, которое проникало даже в наиболее привилегированную и военизированную часть крепости — цитадель. Мы видели, что здесь, наряду с характерными для хазарского времени полуземлянками с открытыми очагами, размещенными обычно в центре пола, ставили и наземные дома с глинобитными полами и даже печами в углах жилищ. Стены у тех и других были, как правило, турлучные, но появились уже срубные дома и стены из глинобита, покрытые досками. Что касается печей, то их сооружение вообще только еще начало осваиваться: они представляли собой просто обставленные кирпичами прямоугольные большие очаги открытого типа, типологически близкие четырехкирпичным очажкам также с глинобитным подом, которые появились в цитадели в тот же период.

Выделение комплексов хазарского времени представляло значительную трудность. Выше мы уже говорили, что нижний предматериковый слой, который можно было бы связывать с саркельскими сооружениями, практически почти полностью уничтожен перекопами. Только местами он прослеживался на профилях до уровня 0,1-0,2 м. Почти всюду видно, что он перекрыт слоем пожарища, который также сохранился отнюдь не на всей вскрытой площади. Выявить находки, происходившие исключительно на небольших "обрывках" саркельского слоя (включая пожарище), практически невозможно, поэтому о вещевом, в основном керамическом, комплексе, характерном для Саркела, дают представление только находки на полу и в заполнении котлованов жилищ, погребов и хозяйственных ям. Преобладают в них обломки кухонных хазарских горшков (и котлов с внутренними ушками), тмутараканских кувшинов, серых лощеных и без лощения сосудов. Характерно, что амфор в несколько раз меньше, чем тмутараканских кувшинов, хотя, как и последние, это был широко распространенный в Хазарии тарный сосуд. Много попадалось обломков лепных сосудов, преимущественно горшков. Среди них изредка встречались обломки сосудов с так называемым "роскошным" орнаментом (гирляндами, арками, спиралями, насечками и пр.), которые связываются с печенего-гузской этнической группировкой. Совершенно отсутствуют в этих комплексах обломки славянских (боршевских) горшков, что также является типичным признаком комплексов хазарского времени. Отдельные находки обломков круглых в сечении браслетов черного стекла, железные серпы, обломок косы, стремя, пластинки от казана, рыболовный крючок, бронзовый ключик-амулет в целом датируются концом IX - первой половиной X вв. Обнаруженные в одном из погребов три половинки диргемов относятся к значительно более раннему времени (VII - началу IX вв.) и не могут уточнить дату слоя. Только четвертый обломок — половина куфического дирхема IX в., возможно, синхронен годам постройки и первым десятилетиям жизни крепости.

Пожарище, перекрывавшее предматериковые наслоения и жилища, погибшие в едином мощном пожаре, позволяют думать, что это тотальное бедствие вполне можно связывать с взятием Саркела Святославом Игоревичем в 965 году.

3. Первичная застройка цитадели после 965 года

Начнем характеристику этих комплексов от северо-западного участка до юго-восточного его края (рис. 9).

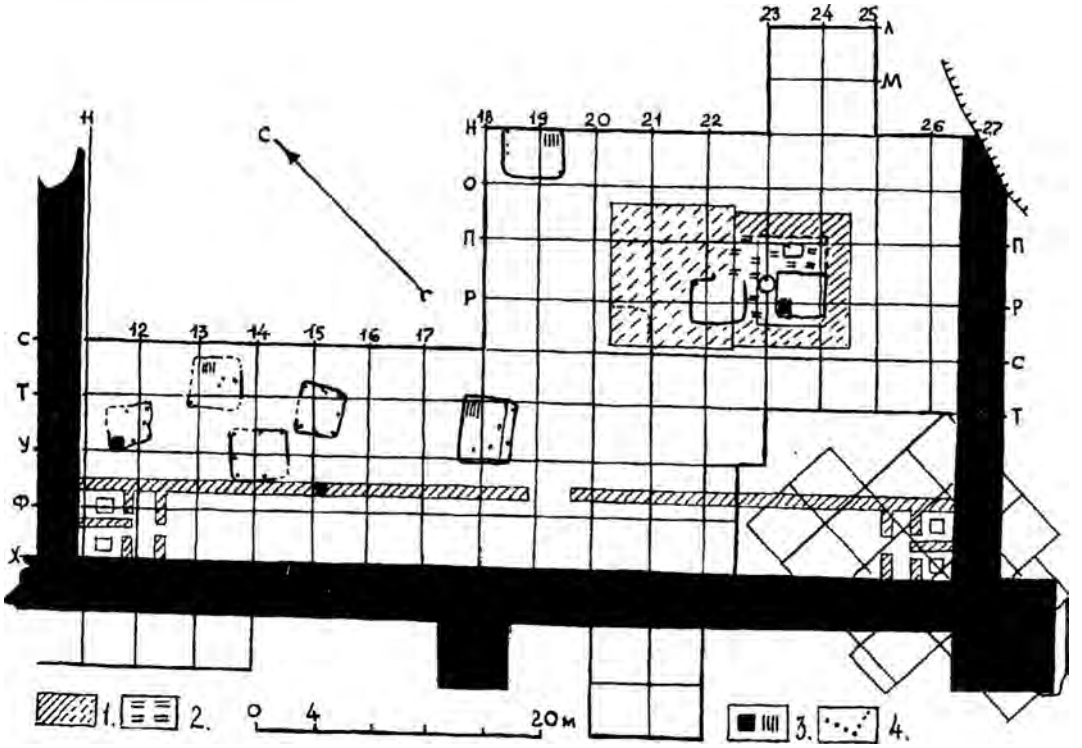

Рис. 9. Застройка цитадели боршевскими домиками (после 965 г.).
1 - разрушенные кирпичные здания, *2* - обожженная глина, *3* - печи и их развалы, *4* - ямки от столбов.

1. В кв. VII-T12 была расположена полуземлянка (полевой № 18), котлован которой углублен в материк на 0,54 м (рис. 10*а*). Форма его в плане трапециевидная, наиболее длинная сторона — северо-западная — 3,5 м, остальные – 3 м. Стенки котлована сильно изрезаны более поздними ямами, поэтому размеры его установлены только благодаря сохранившимся ямкам от угловых столбов. Из-за перекопов не удалось проследить и место входа в эту постройку. Ориентировано жилище было углами по сторонам света, т.е. в соответствии с направлением стен крепости. Пол материковый, без подмазки. Помимо угловых ямок от столбов на нем прослежены ямки от четырех промежуточных — в середине каждой стороны. Все ямки были забиты тополевыми углями, а стенки полуземлянки были "обшиты" тополевыми плахами, следы от которых в нескольких местах стен котлована хорошо заметны.

Обугленные обломки жердей кровли попадались на полу и в заполнении котлована. Интересно, что лежали они на полу в двух направлениях: крест на-

крест — из угла в угол. Очевидно, крыша была четырехскатная. В западном углу жилища находилась печь-каменка, сложенная из больших блоков песчаника, промежутки между которыми забиты мелкими камешками. Под у нее глинобитный, прокаленный, засыпанный золой.

При расчистке печи были обнаружены несколько обломков боршевского горшка, а в заполнении котлована обломки: тмутараканских кувшинов (27)[2], амфор (2), боршевских горшков (22), хазарских кухонных горшков (3), лощеных сосудов (2). Костей животных не было.

2. Котлован второй близкой типологически полуземлянки (№ 19) был обнаружен в кв. Т13-С14 (с частичным заходом на соседние квадраты). Ориентирован он, как и предыдущая, углами по сторонам света, а углублен в материк на 0,54 м. Форма котлована немного трапециевидная, размеры его 4 х 4,5 м. Котлован сильно изрезан поздними ямами, стенки его местами полностью уничтожены, однако на сохранившихся участках удалось проследить следы деревянной облицовки. Пол глинобитный, в западном углу, на середине юго-восточной стенки и в центральной части пола сохранились ямки от крупных столбов, а у северо-восточной стенки на полу обнаружен завал сгоревшего дерева и куги, вероятно, от рухнувшей крыши. От печи сохранились в северном углу только завал кусков кирпича и мелких камней (размер его 1,7-1,2 м), смешанный с обожженной глиной, а с северо-востока этот завал ограничен большим песчаниковым камнем-плитой и грудой плотно слежавшейся прокаленной глины. Эти остатки не позволяют восстановить конструкцию печи, но очевидно, что это тоже была каменка, сооруженная с использованием кирпичей и обмазанная глиной.

В заполнении котлована обнаружены обломки тмутараканских кувшинов (33), амфор (11), боршевских горшков (17), причем один из них — в развале печи, один обломок древнерусского горшка, шиферное пряслице. Последние находки были обнаружены в верхнем слое заполнения и, возможно, попадали в него из верхних слоев в перекопах, частично разрушивших котлован.

3. Третья полуземлянка (№20) была расположена всего в 2 м юго-западнее южного угла предыдущей (рис. 10*б*). Пятно ее было обнаружено на уровне материка, в который котлован был углублен на 0,47 м. Ориентирован он углами по сторонам света. Юго-западная его сторона вплотную примыкает к разрушенной уже, но еще стоящей над поверхностью стеной кирпичного здания (конюшни - казармы). Форма котлована в плане неправильно прямоугольная, три его стороны разной длины — от 4 до 3,5 м. Котлован сильно изрезан поздними перекопами, но в полу удалось проследить ямки от угловых и серединных столбов, сегментовидные в плане (от горбылей). Стены были облицованы деревом — у восточного угла сохранились следы досок. Остатков печи обнаружено не было и не вполне ясно где она находилась. Пол в полуземлянке неоднократно подмазывался глиной. В центре он немного осел. Оказалось, что под подмазкой лежал щит из пяти плах, перекрывавший более раннюю (хазарского времени) яму, засыпанную землей. Земля оседала, пол в этом месте много раз подмазывался и несмотря на это остался слегка вогнутым. Помимо этой ямы под полом полуземлянки было обнаружено еще три забитые землей ямы, все, естественно, более раннего (хазарского) перио-

[2] Здесь и далее в скобках дано количество обнаруженных керамических обломков или костей.

да. Обломки керамики в них относятся исключительно к хазарскому периоду, одна из них обмазана зеленой глиной.

Находки из заполнения котлована были перемешаны с находками из ямы, срезавшей его южный угол, поэтому судить о керамическом комплексе, характерном для полуземлянки вряд ли возможно.

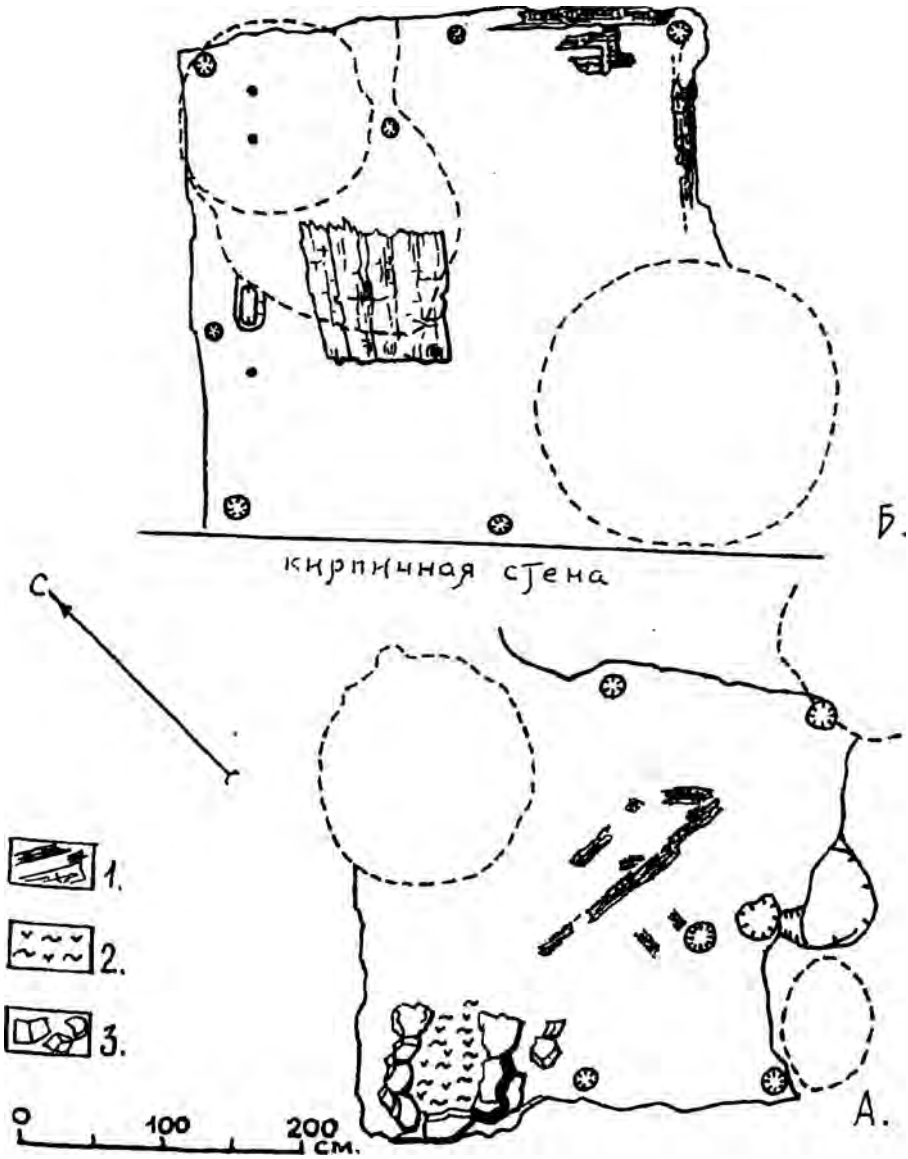

Рис. 10. Боршевские полуземлянки: *А* - № 18, *Б* - № 20.
1 - сгоревшие плахи, *2* - уголь, зола, *3* - камни.

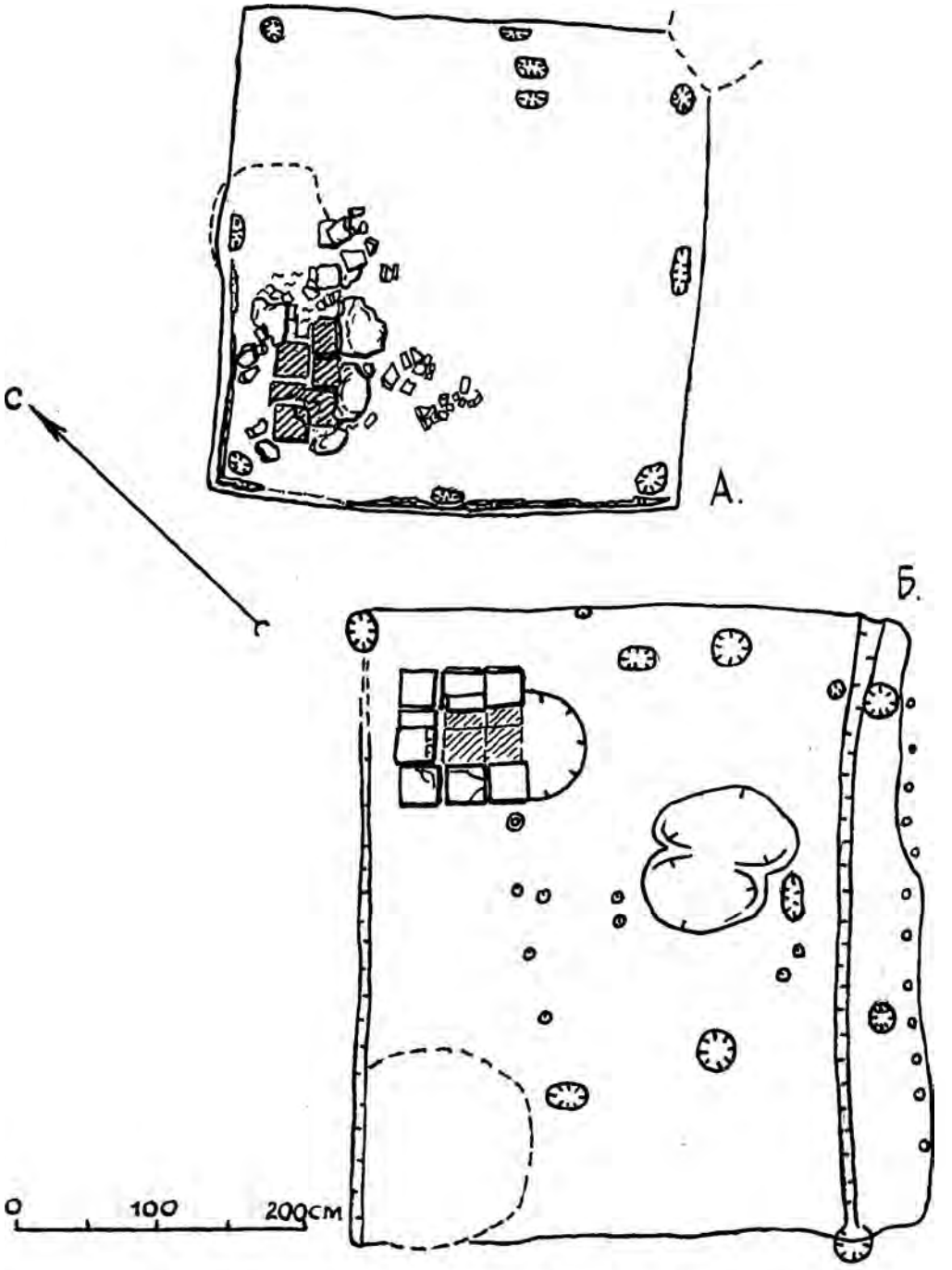

Рис. 11. Боршевские полуземлянки: *А* - № 21, *Б* - № 23.

4. Четвертая полуземлянка (№ 21) находилась на кв. У14-Т15 и У15-Т16. Открыта она была на уровне материка, котлован был углублен в него на 0,26 м (рис. 11*а*). Форма котлована в плане квадратная: 3,25 х 3,5 м, ориентирован он по углам света. Стены были облицованы деревянными плахами, следы которых сохранились вдоль юго-западной и северо-западной стенок. Пол глинобитный, покрытый слоем золы и сажи. В углах и на середине каждой из сторон прослежены ямки от столбов — круглых и сегментовидных плах. В западном углу находилась печь обращенная устьем на СВ. Под ее вымощен шестью кирпичами, а основанием стенок служили крупные блоки песчаника, свод был выложен из кирпичей, завалившихся внутрь печи. Под покрыт слоем золы и сажи. Перед устьем вырыта квадратная предпечная яма глубиной 0,20 м. Эта яма и частично стена жилища перекрывали более раннюю яму, относящуюся к хазарскому времени (обмазана зеленой глиной, находки — исключительно обломки хазарских горшков и лощенной керамики). Эта ранняя яма была углублена в материк на 0,65 м, ее утрамбовали слоем глины и превратили в предпечную. В северо-восточной стенке, рядом с промежуточным столбом был поставлен еще один очень массивный прямоугольный столб, возможно являвшийся косяком двери.

При расчистке печи были обнаружены обломки хазарского кухонного и боршевского горшков, а в заполнении жилища — обломки тмутараканских кувшинов (70), амфор (4), боршевских горшков (5) и лощеных сосудов (3).

Жилище перекрыло не только обмазанную глиной сгоревшую (судя по заполнению ее сгоревшими плахами и жердями) яму, но и находившееся рядом жилище, также полуземлянку, но типологически относящуюся к хазарскому времени — пол у нее без подмазки, а очаг в виде "корытообразного" углубления, заполненного углем и золой, находился в центральной части пола. Комплекс находок в его заполнении явно относился к хазарскому времени, но в нем попадались и обломки боршевских горшков, очевидно попавших в котлован при его засыпке во время сооружения.

5. Следующая синхронная предыдущим полуземлянка (№ 23) находилась на расстоянии почти 10 м от № 21 (кв. У17-Т18 и У18-Т19). Пятно ее котлована было обнаружено на уровне "0", в материк он был углублен на 0,3-0,35 м. Размеры котлована большие: 4 х 4,3 м (рис.11*б*), северо-западная стенка почти на всю высоту срезана более поздним жилищем. Ориентирован котлован углами по сторонам света. Пол жилища многослойный: верхний уровень находился всего на глубине 0,13 м, под ним — утрамбованная прослойка мусора и под ней нижняя подмазка толщиной 3-5 см. В северном углу и в середине двух стенок сохранились ямки от столбов. Вдоль северо-западной и юго-восточной сторон прослежены канавки-желобки со следами лежавших в них довольно массивных тополевых плах, а параллельно юго-восточному желобку вплотную к стенке котлована — ямки от вбитых в пол жердей. В северном углу жилища располагалась печь, сложенная из крупных кирпичей размером 28 х 28 х 7 и 30 х 30 х 8 см, вынутых, очевидно, из активно разбираемой стены длинного здания, выстроенной, как говорилось, из кирпичей второго этапа стройки. Только под ее выложен был кирпичами первого этапа (25 х 25 х 5 см). Печь квадратная в плане, размеры ее 0,9 х 0,93 м, топка шириной в 0,35 м. Кладка стен печи отличается от всех предыдущих тем, что

кирпичи поставлены вокруг пода не на ребро, а уложены плашмя, сохранились стенки печи на 3-4 ряда. Устье печи обращено на ЮВ, перед ним в полу находилось полукруглое углубление предпечья. Интересно, что как и в жилище № 21, предпечье устроено в более ранней засыпанной яме, заполнение которой осело. В центральной части пола была вырыта неглубокая хозяйственная яма, состоящая из двух овальных отделений: 1 х 0,5 и 0,7 х 0,5 м. Яма закрывалась прямоугольной крышкой (1 х 1 м), сбитой из нескольких плах, уложенной "заподлицо" с верхней поверхностью пола. Там же в центре было прослежено несколько ямок от массивных столбов и жердей, расположенных беспорядочно. Назначение их неясно. вход в жилище, вероятно, находился в восточном углу, между двух столбов.

При зачистке пола были обнаружены обломки тмутараканских кувшинов (9), амфор (1), лощеных сосудов (3), мелких обломков лепных сосудов, железные нож и ключ, а в заполнении - обломки подобных кувшинов (20), хазарских горшков (11), лощеных сосудов (3), мелких неясной культурно-этнической принадлежности лепных сосудов (5), шиферное пряслице, кости быка, овцы, свиньи, цапли.

Обнаруженный материал не дает как будто данных для уверенного отнесения этой полуземлянки к тому же времени, что и рассмотренные выше. Ясно только по соотношению находок обломков тмутараканских кувшинов и амфор, по находкам обломков лощеных сосудов и вместе с ними — шиферного пряслица, что они могут быть синхронны (вторая половина X в.?).

Такие особенности жилища как фундаментально построенная печь, являвшаяся, благодаря использованию кирпичей, несколько усовершенствованной "каменкой", подмазка пола позволяют относить его к группе полуземлянок "боршевского типа".

6. Еще одна полуземлянка (№ 17), относящаяся к той же группе, обнаружена в кв. О18-Н19 на расстоянии 16 м к северо-востоку от предыдущей. Ее котлован был углублен в материк на 0,6-0,7 м (рис. 12*а*). Он прямоугольный, ориентированный углами по сторонам света, размеры его 3,75-3,25 м. Кое-где на юго-западной и юго-восточной стенках сохранились следы деревянной облицовки, а в южном углу и у северо-восточной стенки — ямки от столбов. Пол глинобитный и он перекрывал более ранние хозяйственные ямы, в которые подмазка немного осела. В восточном углу находилась печь, от которой остался только покрытый золой глинобитный обожженный под и развал кирпичей и камней.

Находки в заполнении: обломки хазарских кухонных и боршевских горшков, много обломков тмутараканских кувшинов, обломок черного стеклянного браслета и масса костей животных.

Котлован этого жилища прорезал слой пожарища более раннего, видимо, хазарского наземного дома, следы которого прослежены в основном на кв.П18-О19.

Особый интерес представляют остатки построек, перекрывающих донжон.

7. Одна из них расположена внутри донжона в его южном углу (кв. Р23-П24). Кирпичный пол при ее сооружении был разобран и котлован углублен в материк примерно на 0,3 м. Юго-восточной стенкой служила, очевидно, стена донжона, северо-восточная была "наращена" толстым слоем глинобита шириной в 1 м и высотой 0,4 м (рис. 12*б*). Сверх эта стенка была выложена слоем кирпича. По-видимому, именно на эту высоту возвышалась в то время разрушенная стенка

донжона, использованная в строительстве полуземлянки. Северо-западная и юго-западная стенки прослежены только в материке. Каковы были верхние конструкции стен и кровли выяснить не удалось, но, судя по тому, что пол был усыпан слоем угля, они, как и в предыдущих постройках, были деревянные. Размеры жилища небольшие: 3 х 2,77 м. Пол глинобитный, сильно обожженный. В западном углу находилась печь, сложенная из блоков песчаника и битого кирпича. Под глинобитный, прокаленный, покрытый слоем угля и золы. Форма печи овальная, устье обращено на СВ, размеры ее — 0,5-0,6 м. На полу полуземлянки при расчистке обнаружены обломки хазарских горшков, а в заполнении попадались, помимо хазарских, и обломки боршевских сосудов.

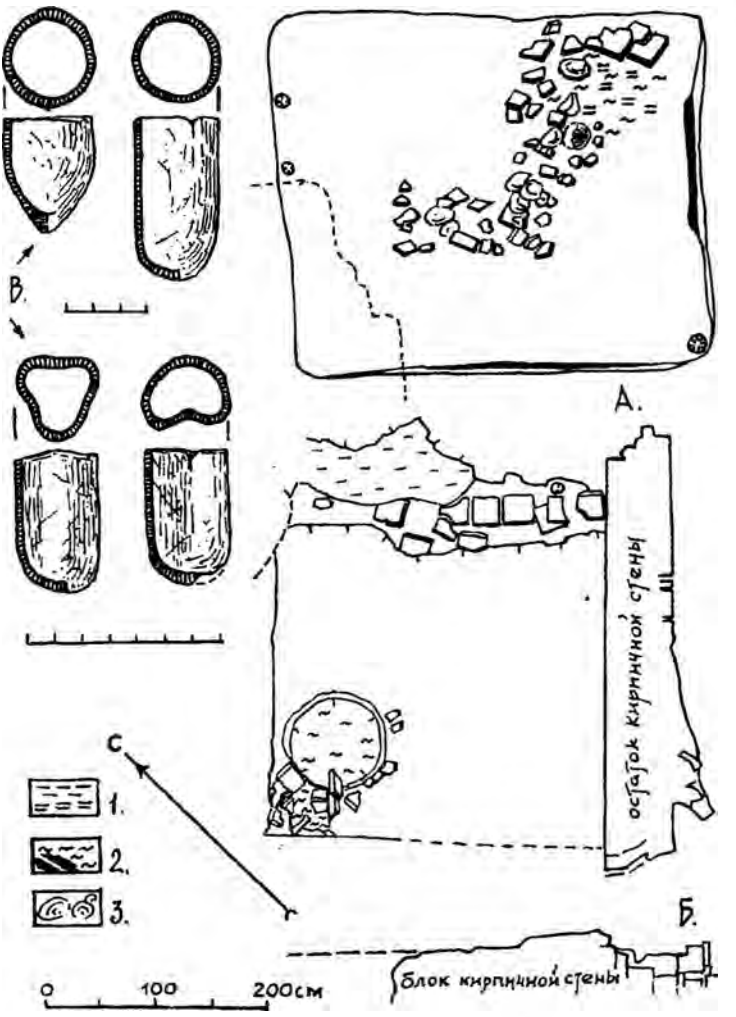

Рис. 12. Боршевские полуземлянки: *А* - № 17, *Б*- № 27, *В* - глиняные тигельки. *1* - глина и обожженная глина, *2* - зола и угли, сгоревшее дерево, *3* - камни.

8. Аналогичная постройка - квадратная полуземлянка (3 х 3,5 м) находилась рядом — на расстоянии 2,5 м к северо-западу (кв. Р21-П22 и Р22-П23). При ее сооружении была прорезана часть кирпичной платформы перед донжоном и край его северо-западной стены там, где находился вход в донжон. Углубление котлована в материк такое же, как у предыдущего жилища — не более 0,3 м. Пол и стены котлована почти сплошь изрезаны ямами различной величины. Ни одна из них не была исследована, поэтому остается неясным какие из ям в полу относились к этой постройке. Пол был практически полностью уничтожен, только в северном углу сохранилась ямка от массивного круглого в разрезе столба. Остатков печи обнаружить не удалось.

9. В пространстве между обеими постройками слой от "О" до уровня +0,5 м представлял собой спекшуюся глиняную массу с включениями в нее угля, золы, кусков железа и слитков бронзы, перемежающуюся прослойками чистой пережженной глины. Слой был прорезан круглой ямой (диаметр 1,3 м), углубленной в материк на 0,5-0,7 м. Заполнена она была тем же прокаленным слоем глины и углями с включениями большого количества костей животных. Другая яма, относящаяся к этому же комплексу, находилась у его северного края. Она почти квадратная (1,2 х 1,4 м), углубленная в материк на 0,5 м и почти полностью заполненная углем, среди которого были обнаружены кости коровы и овцы. Наиболее существенными находками комплекса являются многочисленные тигельки и их обломки (рис. 12*в*). Так, в нижней прослойке угля на уровне "О" было обнаружено 13 тигельков, немного выше, около круглой ямы — 8 целых и 30 обломков таких же тигельков, а на уровне +0,45 м — еще несколько тигельков со следами на них подтеков меди и бронзы.

В целом представляется очевидным, что развал является предельно разрушенной литейной мастерской с литейными горнами, от которых сохранились только их нижние, врытые в материк части (обе ямы), развалы прокаленной глины от их верхних наземных конструкций, уголь и много тиглей, которыми пользовались, вероятно, несколько одновременно работавших ремесленников. Не исключено, что обе соседние постройки-полуземлянки принадлежали этим ремесленникам, причем одна из них (юго-восточная) могла быть жилой, а вторая (северо-западная) служила рабочим помещением мастеров, обрабатывающих отлитые в форме предметы (именно из-за нежилого назначения в нем и не было печи, остатки которой в виде хотя бы обожженного пятна могли быть на полу).

Находки обломков керамики в развале немногочисленны. Обнаружены обломки тмутараканских кувшинов (24), по одному обломку амфоры, лощенного и поливного сосудов, хазарских горшков (5) и лепных кочевнических с богатым орнаментом сосудов (17). В слое пережженной глины около ямы был врыт лепной кочевнический горшок с насечками по краю венчика и ногтевым орнаментом на плечиках. Очевидное преобладание здесь кочевнической посуды позволяет предполагать, что мастерская принадлежала степняку-литейщику, занявшему одно из наиболее удобных и защищенных мест в крепости.

Итак, мы видели, что все рассмотренные постройки, относимые нами ко второму периоду застройки цитадели после гибели в пожаре сооружений саркельского времени врезаны в материк на глубину от 0,2 до 0,5 м. Ясно, что материк у-

таких жилищ не был уровнем их постройки, т.к. стандартные углубления котлованов славянских полуземлянок 0,7-1 м, а следовательно уровни их сооружения и жизни находились выше — в пласте культурного слоя толщиной не менее +0,5 м от "О".

Однако в этом же самом пласте сосредоточены и все открытые нами остатки построек хазарского времени. Отделить одни от других было весьма затруднительно, приходилось привлекать не столько стратиграфические данные, сколько типологические признаки. Так, в хазарский период были включены, как говорилось, жилища, в которых удалось проследить характерные для того времени признаки: отсутствие подмазки полов, очаги в центре помещений, турлучные стены полуземлянок и наземных жилищ и пр. Существенен и состав находок в них — характерный хазарский керамический комплекс. Кроме того, к более раннему времени следовало относить все строения, перекрытые полуземлянками следующего (боршевского) периода.

Весь материк вокруг построек обоих периодов изрезан многочисленными хозяйственными ямами, нередко слившимися друг с другом, выявляясь на материке в виде больших неопределенных очертаний пятен. К сожалению, большая часть ям из-за недостатка времени не была исследована: обычно они только оконтуривались и их заполнение вынималось примерно на глубину 0,1-0,2 м. Уровень устий ям также оставался невыясненным, поскольку пятна ям становились заметными только на материке, а это далеко не всегда был уровень их устий.

В ряде случаев ямы все-таки хронологически определены благодаря тому, что их перекрыли (частично или полностью) боршевские полуземлянки, а также по одной из характернейших особенностей ям саркельского времени — обмазке стен и дна плотной зеленой глиной. Все они, насколько удалось проследить, погибли в пожаре и после были засыпаны и утрамбованы окружающим их слоем. Находки в них — обломки керамики исключительно хазарского комплекса. Несколько исследованных ям на основании только обнаруженных в них обломков боршевских горшков мы считаем возможным отнести ко времени существования боршевских полуземлянок.

Очевидное смешение в нижнем пласте комплексов двух периодов столь же выразительно выявляется при анализе находок, обнаруженных в нем (с уровня "О" до +0,5 м). Особенно четко это удалось проследить на массовом керамическом материале, что для слоя всего Саркела было отмечено в работах В.Д.Белецкого и С.А.Плетневой (5, с.65, 73, 89, 98; 8, с.260-266).

Нижний пласт характеризовался преобладанием в нем обломков тарной привозной посуды, причем обломков тмутараканских кувшинов в нем в 3-4 раза больше, чем амфорных. В бытовой керамике наиболее значительное место занимают безусловно типичные хазарские группы: кухонные гончарные горшки и котлы, лощеные и нелощеные серые столовые сосуды, лепные грубые горшки. Однако почти равное с этой керамикой количество обломков обнаружено в этом пласте боршевской и кочевнической лепной посуды. В статье С.А.Плетневой помещен дополнительный чертеж так называемого керамического профиля, составленный только по материалам культурного слоя цитадели. На нем прекрасно видно, что

нижний слой насыщен тремя основными группами бытовой керамики: хазарской, славяно-боршевской и кочевнической (с "роскошным" орнаментом).

Такую же неоднородную (смешанную) картину дают и другие категории предметов, обнаруженных в нижнем пласте цитадели и, в целом, на всем городище (6).

Странная перемешанность материалов и фактическое отсутствие слоя, относящегося к собственно Саркелу, казалось непонятным и, главное, нередко приводило исследователей к неверным выводам. Так, появились версии о раннем заселении крепости славянами-боршевцами (Белецкий, Плетнева) и, естественно, о возникновении в крепости вместе с ними ведущих ремесел (9).

Однако мы видели, что все хазарские комплексы в цитадели сгорели, а некоторые из них явно перекрыты полуземлянками боршевского типа. Это, как нам представляется, свидетельствует о гибели их в тотальном пожаре и о новой застройке цитадели после этого.

Следует помнить, что слой в хазарское время накапливался, особенно в этой привилегированной части крепости, медленно, т.к. мусор выбрасывался со стен за пределы крепости или же сгребался в старые хозяйственные ямы, превращаемые в помойки. Во время взятия крепости этот слой был почти повсеместно уничтожен, перемешавшись с пожарищем. Последующее строительство довершило этот процесс. Вот так и образовался слой, который можно назвать слоем гибели Саркела и рождением Белой Вежи. Характерно, что он насыщен обломками посуды: ее обычно разбивали в самые бурные периоды жизни поселений, каким и являлся период разгрома Саркела и последующий затем активной застройки.

4. Второй этап строительства

Укрепленное мощными, хотя и частично разрушенными стенами поселение развивалось весьма интенсивно. Об этом мы можем судить, последовательно развертывая "свиту слоев" в цитадели.

Перейдем к рассмотрению напластований, нижняя граница которых находится на уровне +0,4-0,5 м, а верхняя +1 м. Эти уровни несомненно условны, однако, нам представляется, что своеобразие построек в совокупности с некоторыми изменениями в составе массовых находок позволяет выделить напластования этой части культурного слоя и связать их со следующим хронологическим периодом истории Белой Вежи (рис. 13).

Прежде всего рассмотрим последовательно, как в предыдущем разделе, т.е. в направлении с северо-запада к юго-западу, остатки жилых и хозяйственных комплексов этого пласта.

1. В кв. Т11-С12 на уровне +0,43 м были открыты остатки печи и рядом с ней — очажок из четырех кирпичей. Пол вокруг был уничтожен перекопами, но при расчистке очажка были обнаружены: обломки тмутараканских кувшинов (74), амфор (17), лепных сосудов (66), обломков лепного котла с внутренним ушком, обломки хазарских горшков, целый квадратный светильник, обломок непонятного железного орудия (топора?).

2. В кв. Т13-С14 на уровне +0,4-0,6 м был открыт глинобитный пол размером 4 х 2,3 м. В центре открытой площадки обнаружены два очажных обожжен-

ных пятна, одно из которых окружено полукругом сильно обожженных камней. Рядом с очагом стоял сероглиняный лепной грубый горшок с орнаментом по венчику и у основания ручек. У второго пятна также находились разбросанные камни и обломки кирпичей. Находки на полу: обломки тмутараканских кувшинов (5), лепных сосудов (4), хазарских кухонных горшков (3), а также — кости овец (20), коровы (10), лошади, птиц и рыб.

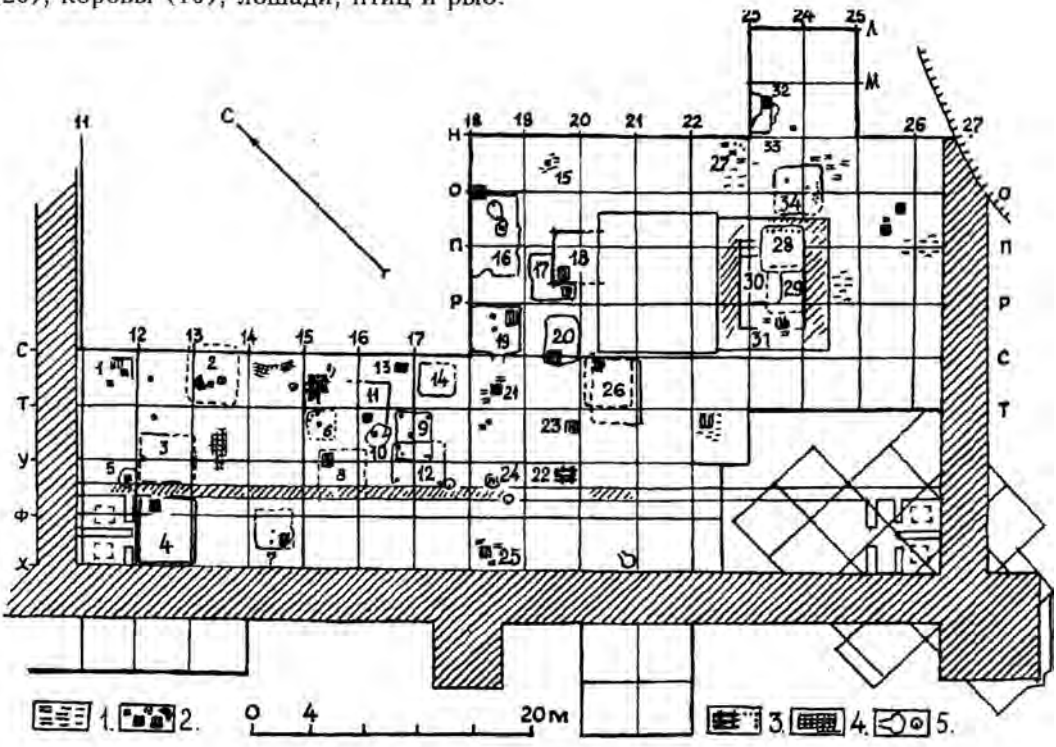

Рис. 13. Вторая беловежская застройка.
1 - глина и обожженная глина, *2* - печи, развалы печей и очажки, *3* - сгоревшие деревянные конструкции, *4* - кирпичные вымостки, *5* - гончарная печь и ямы.

3. В кв. У12-Т13 на уровне +0,4-0,6 м расположены остатки жилища в виде "массива" частично обожженной глины, прослоенной пятнами угля (рис. 14*а*). Размеры его 4,6 х 3,5 м, а толщина 0,3 м. Под завалом глины прослежен слегка обожженный глинобитный пол. Возможно, к этому жилищу относится очажок из пяти кирпичей, находившийся всего в 1 м от северо-восточного края пола. По-видимому, им не успели даже воспользоваться до гибели жилища, т.к. кирпичи не были закопчены, а сам он заполнен не золой, а просто мусорной землей. В развале были найдены обломки точильных брусков, хазарского горшка и лощеного сосуда, обломки кочевнических горшков с богатым орнаментом по венчикам и целый четырехугольный светильник.

4. В кв. Х12-Ф13 на уровне +0,6-0,7 м обнаружен глинобитный пол большого сгоревшего жилища (4,25 х 4,60 м). Центральная часть пола уничтожена пере-

копом, но его края с юго-востока и северо-запада прослеживались четко (рис. 14). В северном углу располагалась печь, стоявшая немного выше пола (на 0,2 м), т.к. она была помещена над развалом кирпичной стены саркельского здания. При сооружении печи развал стены был обмазан глиной, на которую и уложили 4 кирпича пода, сверху также обмазанного глиной. Под был сильно прокален и покрыт золой. От стенок печи кирпичей не сохранилось. При расчистке пола этого жилища были обнаружены обломки тмутараканских кувшинов (60), лепных сосудов (27), в том числе 3 боршевских, хазарских горшков (17) и один – лощеного сосуда. Кроме того на полу была найдена заготовка янтарного крестика.

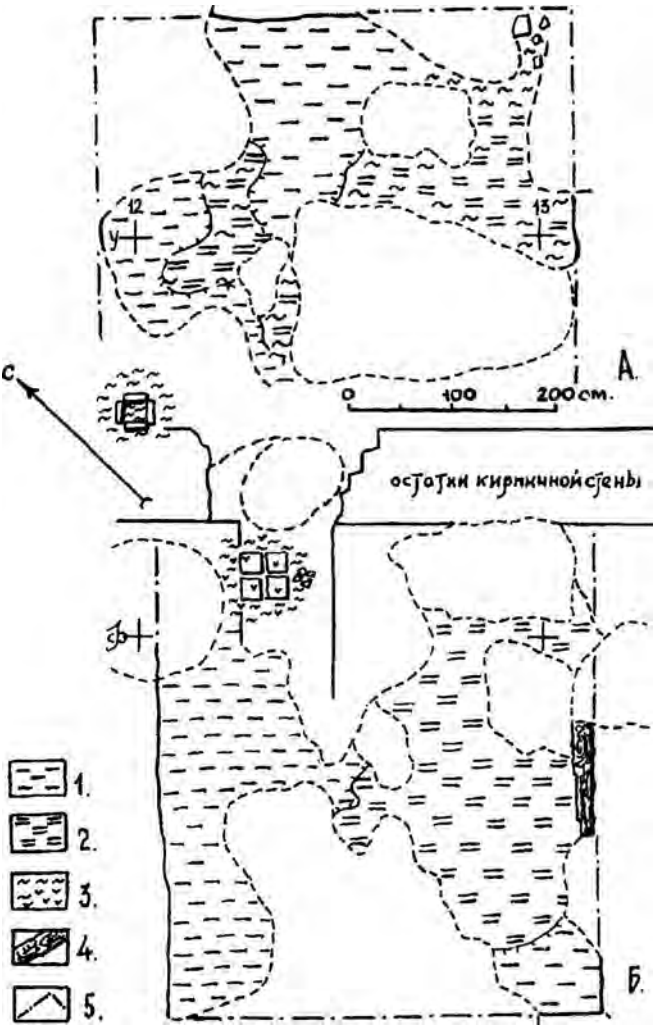

Рис. 14. Остатки наземных жилищ: *А* - № 3, *Б* - № 4. *1* - глина, *2* - обожженная глина, *3* - уголь, зола, *4* - сгоревшая плаха, *5* - предполагаемая граница пола.

5. В кв. Ф12-У13, всего в 1 м от северо-восточного края жилища на уровне +0,8 м находился очажок из 4 кирпичей с глинобитным подом (рис. 14). Вокруг него прослежены остатки глинобитного пола (в поперечнике примерно 0,7 м). При расчистке этого комплекса было обнаружено несколько обломков тмутараканских кувшинов, амфор, хазарского горшка, кочевнических лепных сосудов, венчик горшка с вертикальным "рифлением" и нарезками по краю венчика, псалий из рога оленя, а также кости овец (38), коровы (11), лошади (4), собаки, кабана и рыб.

6. В кв. У15-Т16 на уровне +0,9 м прослежены остатки глинобитного пола, хорошо сохранившегося в северном углу, где вдоль северо-западного края четко прослежены ямочки от жердей. В углу на расстоянии 0,75 м от краев пола находился очажок из пяти кирпичей. Внутри очага и вокруг на полу — зола. Кое-где на полу разбросаны куски глиняной обмазки от стен.

7. В кв. Х14-Ф15 на уровне +0,7 м обнаружен глинобитный обожженный пол (2,75 х 2 м). В южном углу — развал печи, от которой сохранился один подовый кирпич, с двух сторон обставленный двумя рядами поставленных на ребро кирпичей. Вокруг разбросано большое количество кусков замешанной на соломе глиняной обмазки, на которой сохранились отпечатки прутьев от деревянного каркаса. Пол был покрыт слоем гари, а вдоль северо-западной стенки обнаружены куски сгоревших тополевых плах. На центральной части пола прослежены ямки от двух столбов, вероятно, поддерживавших конек крыши. На полу при расчистке были обнаружены шиферное пряслице, обломок желтой бусины и втоптанный в пол обломок тмутараканского кувшина.

8. В кв. Ф15-У16 и У15-Т16 на уровне +0,45 м находилось жилище, от которого сохранился развал печи-каменки и под ним — участки обожженного пола. На полу обнаружены обрывки сгоревшей веревки, а в развале печи медная монета херсонесского чекана Романа II (959-963).

9. В кв У16-Т17 и У17-Т18 обнаружены на уровне +0,9 м участки глинобитного пола и четко выявились четыре ямки от угловых массивных столбов, что позволяет определить размеры этой постройки: 4 х 3 м (рис. 15). Ориентировано жилище было углами по сторонам света, как, судя по такой же ориентировке очажков и печей, по направлению некоторых сохранившихся очертаний полов, было характерно для всех вышеописанных комплексов этого горизонта. В центральной части постройки был поставлен обычный очажок из пяти кирпичей. Пол вокруг него сильно обожжен и на нем разбросаны куски обгорелых плах, угли, слой золы. В южном углу жилища обнаружены остатки сгоревших плах и большой кусок глиняной обмазки стены. Вдоль юго-западной стены прослежены два ряда ямок от жердей, рядом с ними — куски обожженной обмазки с отпечатками прутьев. Видимо, стены были турлучные, угловые столбы предназначались для поддержки кровли и, возможно, плетневой основы стен. При зачистке пола были обнаружены немногочисленные обломки амфор, тмутараканских кувшинов, хазарского горшка, лепного кочевнического горшка, обломок бронзовой поделки, кости коровы, овцы, птицы и рыб.

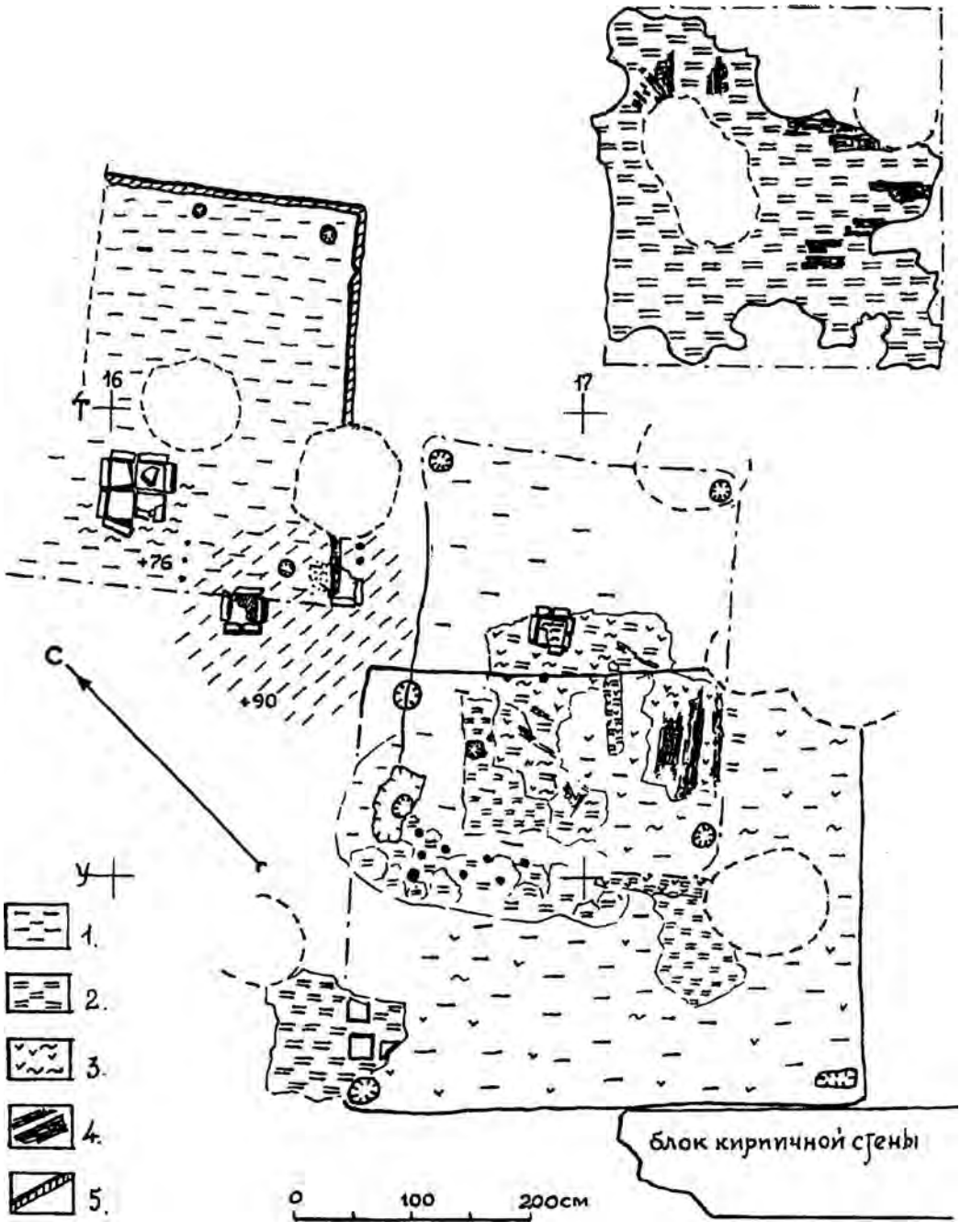

Рис. 15. Остатки наземных жилищ №№ 9-12, 14. *1* - глина, *2* - обожженная глина, *3* - уголь, зола, *4* - обгорелые плахи, *5* - следы деревянного тлена.

10. На том же уровне (+0,9 м) у северо-западной стенки этого дома на небольшом участке глинобитного пола находился очажок из пяти кирпичей и остатки какой-то конструкции, от которой сохранились два кирпича, поставленных на ребро, и углубление, заполненное речным песком (рис. 15). При расчистке остатков этого комплекса были обнаружены обломки тмутараканских кувшинов (43), амфор (80, лепных горшков (33), кости овец (90), коровы (51), лошади (4), кабана и сайги (по одной), рыб, а также непонятного назначения стеклянный литой конус, высота и диаметр которого — 4 см.

11. Пол этого жилища явно перекрывал пол следующего, который был прослежен в кв. Т16-С17 на уровне +0,76 м (рис. 15). От этого жилища сохранилась довольно значительная площадка пола размером 3,4 х2,25 м, четко окаймленная с юго- и северо-востока узкой канавкой, заполненной древесной трухой: остатками деревянной облицовки стен. В полу выявлены в углах и на середине северо-восточной стороны ямки от столбов. В южном углу находилась печь. От нее остался под, сложенный из четырех кирпичей и обставленный вертикально стоявшими на ребре кирпичами.

Это жилище одно из немногих на городище погибло не от пожара, а было разрушено в процессе сооружения немного более поздних построек и ям. Оно, как и все предыдущие, было наземным со стенами, видимо, из досок (не турлучных), обмазанных глиной, кровля держалась на угловых и серединных столбах, возможно была двускатной. Находок при расчистке пола обнаружено немного — это обломки тмутараканских кувшинов (16), амфор (9), хазарского горшка (1). Интересно, что даже при малом количестве обломков соблюдается процентное соотношение отдельных групп. Очевидно, преобладание тмутараканских кувшинов, амфор много меньше и соответственно еще меньше — кухонной посуды.

12. В кв. Ф16-Т18 на уровне +0,55 м обнаружены остатки жилища очевидно частично перекрытого предыдущим (рис. 15). От него сохранились участки сильно обожженного глинобитного пола, покрытого золой и углями, и ямки от трех угловых столбов (южного, западного и северного), благодаря которым можно установить очертания и размеры этой постройки — 4,25 х 3,75 м. Восточный угол срезан поздней ямой. В западном углу обнаружен развал печи: груда обожженной глины и три кирпича в ней. Находки на полу: обломки хазарского горшка, лепного кочевнического с гирляндообразным орнаментом, несколько обломков лепных сосудов без орнамента и тмутараканских кувшинов, кости сайги и овцы.

13. В кв. Т16-С17 на уровне +0,75 м была обнаружена печь (рис. 15; 16*а*). Стенки ее были выложены из вертикально стоявших кирпичей — по три на каждой. Печь отличалась от аналогичных ей (синхронных и более поздних) "неподогнанными" углами, т.е. кирпичи одной стороны заметно выступали за линию перпендикулярной ей стенки, в южном углу на юго-западной стенке кирпич даже нарочито надломлен. Устье печи находилось с северо-востока, кирпичный под у устья отсутствовал, тогда как юго-восточная часть печи выложена шестью кирпичами. На этом поду лежала осевшая на него, треснувшая во многих местах, но в целом сохранившая форму глиняная слегка обожженная верхняя часть печи с горловиной для выхода дыма. изнутри печи во многих местах сохранились участ-

ки толстой обмазки. Кирпичи, из которых сложена печь двух размеров: 30 х 30 см и 25 х 25 см. Пол жилища вокруг этой печи полностью уничтожен перекопами.

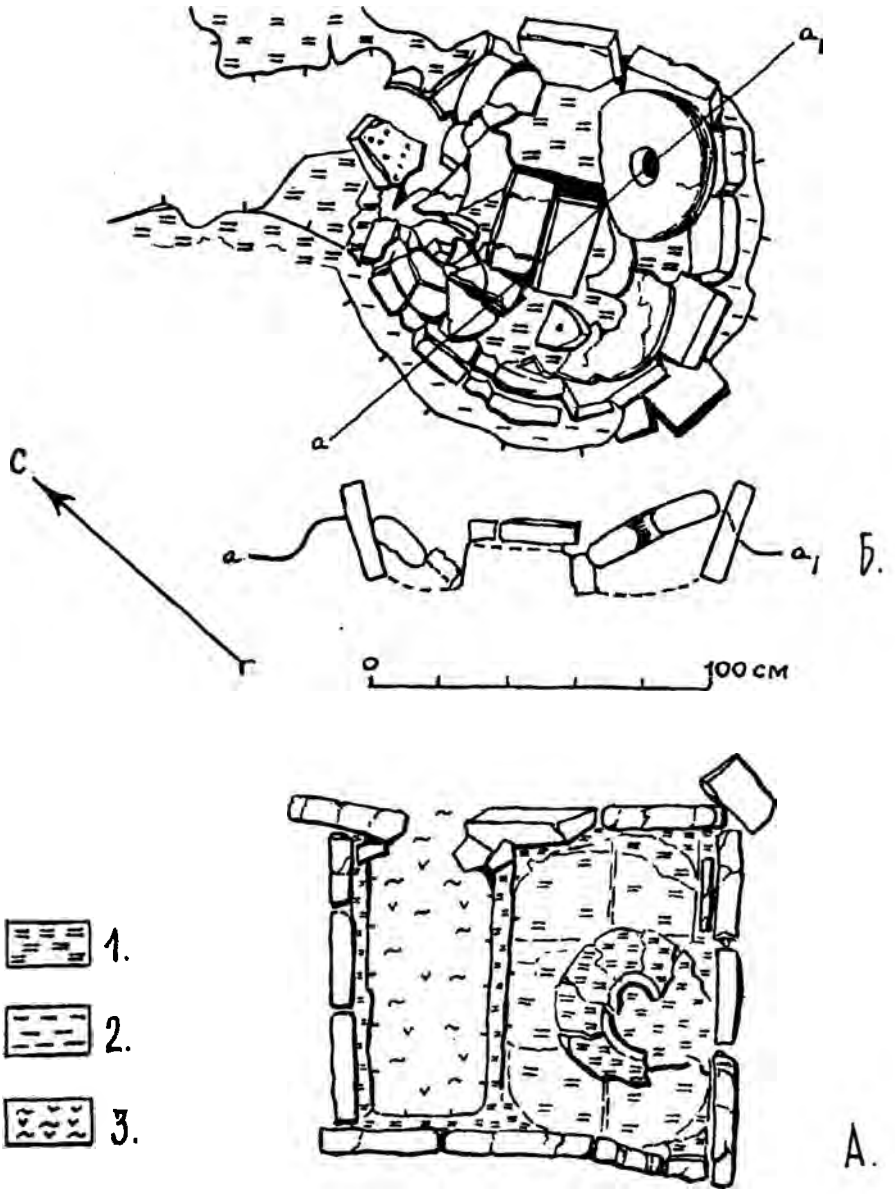

Рис. 16. Печи: *А* - печь сложной конструкции, служившая, вероятно, для выпечки хлеба, *Б* - гончарная печь для обжига глиняных амулетов-"лепешечек".
1 - обожженная глина, *2* - глина, *3* - зола, угли.

14. В кв. Т17-С18 на уровне +0,47 м обнаружены остатки обожженного глинобитного пола жилища, погибшего в пожаре (рис. 15). На полу — рухнувшие обгорелые плахи. Размеры открытого участка пола 3 х 3 м. Печи не было, вероятно, она находилась в восточном углу, срезанном перекопом. Находок при расчистке пола мало: один раздавленный хазарский горшок и кости овцы и сайги.

15. В кв. О19-Н20 на уровне +0,53 м сохранился участок глинобитного пола размером 0,85 х 0,7 м. На нем — очажок из пяти кирпичей, заполненный светло-серой золой.

Рядом с этим участком, но выше его примерно на 0,2 м (кв. П19-О20) находился столь же небольшой участок пола, а на нем три кирпича — остатки пода печи.

16. В кв. П18-О19 на уровне +0,4 м почти на всей площади квадрата прослежен слой глинобитного пола, в его центральной части расположены две ямы. Одна из них — хозяйственная (погреб?) овально-грушевидная в плане (1,4 х 1 м), глубиной 1 м. Вторая яма представляет собой практически овальное углубление в полу, в котором стоял очажок из четырех кирпичей (с глинобитным подом). В западном углу этой постройки находилась печь, от которой сохранился завал кусков кирпичей и мергеля, перемешанных с обожженной глиной и золой.

По-видимому, это жилище перестраивалось дважды, смещаясь при этом на 1-1,5 м то к северо-востоку, то к юго-западу. При этом во всяком случае один раз была перенесена и печь, глинобитный развал которой был обнаружен снаружи жилища у его северного угла.

17. В кв. Р19-П20 на уровне +0,54 м открыт глинобитный прокаленный пол постройки размером 3 х 3 м (рис. 17). Остатки сгоревших стен и крыши в виде кусков плах и жердей разбросаны по всему полу. В центре пола обнаружена ямка от массивного столба, поддерживавшего кровлю. Печь, видимо, находилась в южном углу, где было в полу расчищено особенно сильно прокаленное пятно. Печь не сохранилась, поскольку, очевидно, была разровнена при сооружении над пожарищем этого жилища другого сгоревшего помещения срубного типа.

18. Пол этого жилища обнаружен на уровне +0,79 м. От сруба сохранились только канавки от бревен нижнего венца. Северо-западная канавка прослежена на всю длину, что дает возможность установить, что с СВ на ЮЗ длина жилища была 4 м (рис. 17). Вероятно, оно было квадратным, но часть его срезана большим перекопом. Печь находилась в западном углу. Устье ее обращено на юго-восток, под немного углубленный, глинобитный, заполненный углем и золой и завален обломками кирпичей и камней. Размеры печи: 1х1 м. Возле печи стоял боршевский горшочек с веревочным орнаментом на плечиках. На полу были обнаружены обломки тмутараканских кувшинов (22), лепных сосудов, среди которых около трети относились к боршевским (50), хазарских горшков (7) и три точильных камешка.

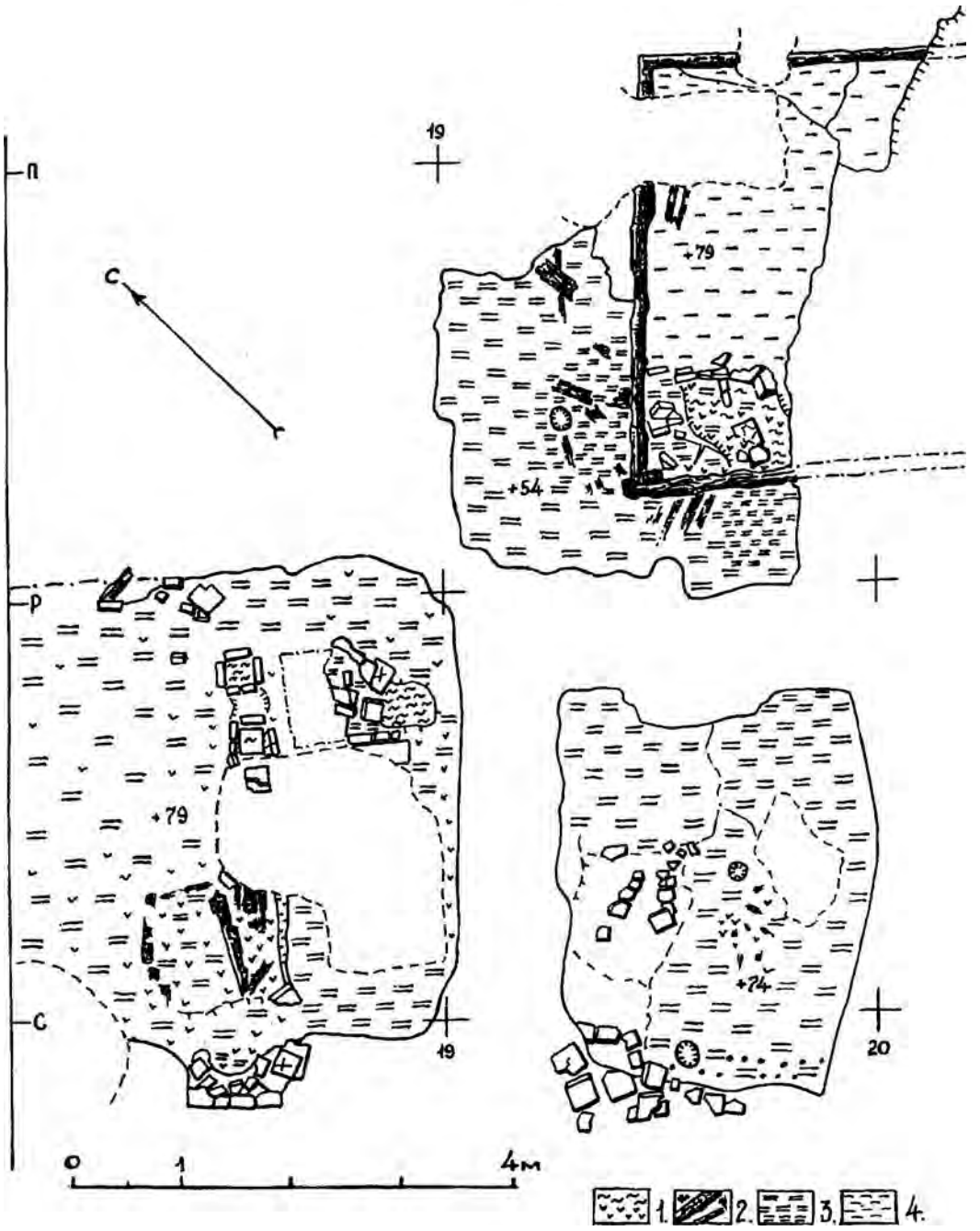

Рис. 17. Остатки наземных жилищ №№ 17-20.

19. На том же уровне, в кв. С18х-Р19, т.е. рядом с предыдущим домом располагалось еще одно жилище, примерные размеры которого 4 х 4 м. Жилище сгорело: глинобитный пол сильно обожжен. В юго-восточной части под сильно изрезан перекопами, однако на самом краю перекопа, в восточном углу удалось открыть остатки печи и два очажка. От печи сохранились частично кирпичи пода, обмазанные глиной, три кирпича на юго-западной стенке, завал обломков кирпичей и кусков обмазки. Устье печи было обращено на юго-восток, т.е. почти вплотную к стене жилища, от которой ее отделяла предпечная ямка диаметром всего 0,5 м. Очаги были поставлены у задней стенки печи. Один из них — обычный, сооружен из пяти кирпичей, заполнен до половины слоем золы, другой — из четырех кирпичей с плотно утрамбованным глиняным подом, толщиной 5 см. Он неоднократно подновлялся: нижний под был перекрыт слоем золы, который замазан слоем глины. Этот новый под снова покрыт золой и затем вновь обмазан глиной. Общая толщина всех подмазок и слоев 0,2 м, т.е. они занимали фактически все внутреннее пространство очажка, так и оставленного в жилище "запечатанным" последней глиняной подмазкой-пробкой. Рядом же с ним поставили новый очажок, действовавший до гибели жилища.

Находки при расчистке этого жилища: обломки тмутараканских кувшинов (32), амфор (15), обломок пифоса, обломок светильника и подвесного горшочка с отверстием в центре дна, шиферное пряслице.

20. В кв. С19-Р20 на уровне +0,77 м всего в 1 м к юго-востоку от предыдущего жилища стоял еще один дом, от которого сохранилась площадка обожженного глинобитного пола размером 3,75 х 2,7 м. Границы пола условны, т.к. он со всех сторон нарушен перекопами также, как и его центральная часть, прорезанная поздними ямами. В западном углу находилась печь, развал которой попал даже за границы пола. Вдоль юго-западной стороны обнаружены два ряда ямок от жердей и две — от довольно массивных столбов. При расчистке пола найдены обломки тмутараканских кувшинов (53), амфор (9), лепных грубых сосудов (24), хазарских горшков (3), бронзовые колечко и гвоздь, медная сильно стершаяся монета X - начала XI вв., железная скобочка, кости коровы, овцы, кабана, лошади.

21. В кв. Т18-С19 на уровне +0,81 м обнаружены остатки разрушенной печи на глиняном полу. Сохранились несколько кирпичей пода, три кирпича юго-восточной стороны, обломки на северо-восточной. При расчистке этого развала были найдены обломки тмутараканских кувшинов (28), амфор (6), лепных сосудов (6), лощеных (2), лепной игрушечный горшочек, кости коровы, овцы, кабана, кости и чешуя рыб.

22. В кв. Ф19-У20 на уровне +0,9 м обнаружены остатки деревянной конструкции неясного назначения, состоявшие из нескольких широких плах: две лежали параллельно друг другу на расстоянии 1 м, остальные на них — перпендикулярно им, причем некоторые подстилали большие плахи, другие перекрывали. Создается впечатление, что это сгоревшая рухнувшая плашмя стена, но рядом нет никаких иных следов строения, возможно, что это пол какого-то сарайчика. То, что последнее предположение вполне вероятно, подтверждается фактом нахождения на плахах белого производственного песка, который на стене никак не мог бы удержаться. Кроме того, здесь было найдено костяное лощило-конек, также про-

изводственного назначения. Находок керамики в этом производственном помещении было немного: это обломки лепных сосудов и тмутараканских кувшинов, разбросанных по всей площади пола. Костей животных не было.

23. В кв.У19-Т20 на том же уровне были открыты остатки большой печи: часть кирпичного пода, куски кирпича и обожженной обмазки. Под покрыт слоем золы. При зачистке завала найдены немногочисленные обломки керамики: амфор (3), лепных горшков (25), хазарских горшков (2), два точильных камешка, два обработанных рога оленя, кости кабана, коровы, овцы, оленя, лошади, сайги.

24. В том же квадрате, но на уровне +0,40 м находился развал печи-каменки, округлой в плане и сложенной из камней без раствора глины. Под глинобитный, прокаленный, на нем - слой угля и золы. При расчистке были найдены кости коровы, лошади, овцы, керамики не было.

25. В кв.Х18-Ф19 на уровне 0,44 м у самой крепостной юго-западной стены расположено было жилище, от которого остался совсем небольшой участок пола и на нем несколько кирпичей пода печи и завал кирпичных обломков. Пол был обожжен и покрыт слоем угля. При расчистке были обнаружены обломок лощеного сосуда и хазарского горшка.

26. В кв. Т20-С21 на разных уровнях данного пласта открыты участки неоднократно горевшего и отстраивавшегося дома. К верхнему полу, находившемуся на уровне +1,14 м, относился участок пола (2,5 х 1,25 м), на котором прослежены ямки от кольев и довольно крупных столбов, куски сгоревших плах и остатки очажка (подовый кирпич и зола на нем и вокруг). Этот пол перекрыл пол, расположенный на уровне +0,76 м, а под ним прослежены слой пола на уровне +0,54 м и участок пола на уровне +0,57 м с остатками разрушенной печи, от которой сохранился под из четырех кирпичей, три кирпича стенок и несколько больших известковых блоков.

27. В кв. О22-Н23 на уровне +0,74 м в северной половине квадрата были прослежены остатки глинобитного утоптанного пола, в центральной части которого находился развал какого-то очага: куски обмазки, уголь и зола, а рядом — ямки от столбиков. В остатках этого комплекса обнаружены обломки тмутараканских кувшинов (10), амфор (2), лепных сосудов (7), обломки бронзовой пронизки из соединенных между собой шариков (рис. 18), бусина, светильник, обломки тигелька. При разборке пола были найдены обломки железных предметов, светильник, бронзовая бляшка, половина пряслица и "пробка" из стенки сосуда.

28. В кв. П23-О24 на уровне +0,77 м открылась разрушенная стена донжона и на ней были прослежены ряд из шести ямок от вбитых кольев и параллельный ему ряд, который состоял из двух таких же ямок и трех столбовых (диаметром 15-20 см). Кирпичи стены были выровнены и покрыты налетом тонкой прослойки культурного слоя с вкраплениями кусочков глины, раздробленными костями животных, мелкими обломками керамики. Поверх этой прослойки лежал слой перегорелой глины перекрытия. Размеры завала 3,75 х 3 м, жилище было прямоугольным, углами ориентировано по странам света. Следов печи в развале этой постройки не обнаружено. Находок в завале немного. Это обломки тмутараканских кувшинов (4), амфор (6), лепных сосудов (5), бронзовое плоское колечко и два обломка поливных сосудов.

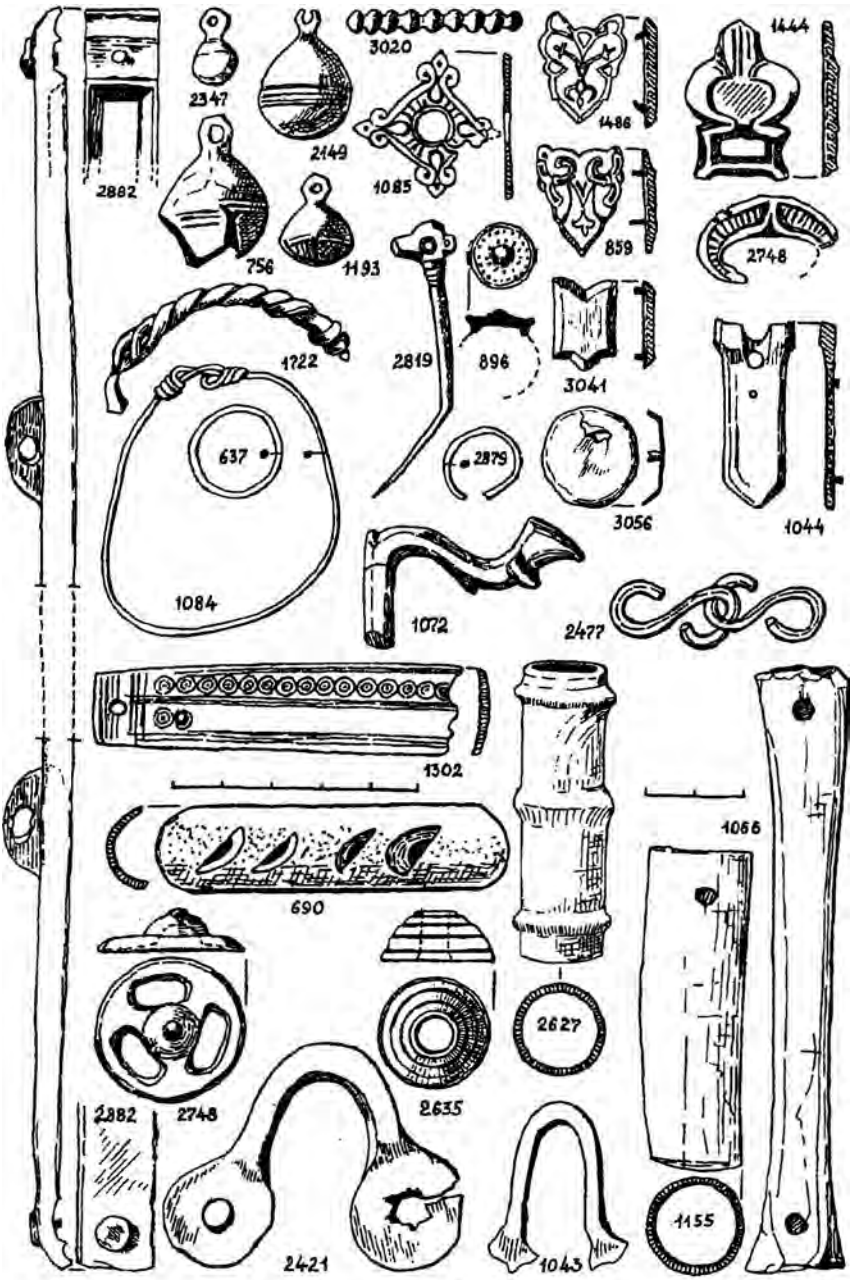

Рис. 18. Вещи из бронзы (и серебра), кости и рога, характеризующие вещевой комплекс слоя второй беловежской застройки (*№№ здесь и на других аналогичных "вещевых" таблицах соответствуют полевой описи находок раскопа "цитадель 1951 г."*).

29. В кв. Р23-П24 на уровне +0,5 м выявлены остатки еще одного домика. Размеры сохранившегося участка глинобитного пола 3 х 2 м. Пол покрыт слоем рухнувшей на него кровли (горелыми прутьями и кугой, кусками обожженной обмазки). Печи или очажка не было: края пола и центральная его часть разрушены поздними ямами. На полу обнаружены большой жернов (диам. 0,45 м), три тигелька, много обломков криц и заготовленные для обработки 14 рогов сайги. Сгоревший дом очевидно принадлежал плавильщику или косторезу.

30. Поблизости от этого дома, возможно сооруженный немного позднее, в том же квадрате на уровне +0,53 м находилась еще одна постройка. Ее северо-западной стенкой была стена донжона, пол был глинобитный обожженный, прослежен на площади 3 х 3 м. Никаких следов рухнувших стен и кровли на нем не было, находок немного: раздавленный лепной горшочек с налепным валиком, врезанными линиями и ямочным орнаментом, пряслице из стенки сосуда, кости коровы, лошади, овцы, рыб.

31. В кв. С23-Р24 сохранился еще один участок глинобитного обожженного пола на уровне +0,54 м. Размеры его всего 1,3 х 1,25 м. Поверхность покрыта сгоревшей соломой. Развал печи перекрывал стену донжона.

32. В кв. Н23-М24 на уровне +0,96 м обнаружен глинобитный пол, покрытый завалом обгорелых плах, жердей, угля и золы. Находок мало: несколько обломков тмутараканских кувшинов (9), амфор (6), лепных сосудов (28), хазарских горшков (14).

33. В том же квадрате на уровне +0,4 м обнаружен пол другого также сгоревшего жилища, перекрытого полом предыдущего. На этом полу сохранился развал печи с глинобитным прокаленным подом и несколькими кирпичами на южном углу и северо-восточной стенке. Юго-восточная стенка ее срезана перекопом. Над ней и на полу разбросаны куски жердей, плах, пережженной глины от кровли. Рядом с этим полом с северо-востока обнаружена куча желтой отмученной глины, видимо, гончарный запас.

34. В кв. О23-Н24 (в основном) на уровнях +0,74 и +0,61 м на большой площади (3,75 х 3 м) прослежен глинобитный обожженный пол, сильно изрезанный по краям и в центре многими перекопами. Только вдоль юго-восточной стороны сохранился участок с восемью ямками от жердей и двумя — от столбиков. Видимо, стены были плетневые (турлучные). Печь находилась в южном углу, который был срезан ямой.

В том же квадрате расчищен на втором уровне другой пол, еще более изрезанный перекопами. Он также обожжен, т.е. относился к сгоревшему жилищу, затем восстановленному и снова сгоревшему.

Находки были учтены с обоих полов вместе: это обломки тмутараканских кувшинов (32), амфор (27), лепных сосудов (17), хазарских горшков (4), а также кости коровы (119), овец (174), лошади (14), кабана (7), сайги (7), козы (3), рыб и птиц.

Таким образом, ознакомление с остатками домостроительства позволяет констатировать в нем ряд принципиальных изменений. Наиболее существенным является несомненно строительство наземных домов, полностью заменивших полуземлянки предыдущего периода. Несмотря на очень плохую сохранность этих остат-

ков, мы можем, рассмотрев все развалы в совокупности, выявить некоторые детали строительных приемов и восстановить общий облик этих домиков. Это были однокомнатные строения, размеры которых не превышали 16 кв.м. Пол всегда покрывался плотной глиняной подмазкой, стены, как правило, были турлучные, кровля сооружалась из камыша на жердевом каркасе и обмазывалась слоем глины. Опиралась она, если была четырехскатной, на угловые столбы, или двускатной, конек которой лежал на серединных столбах.

Следует сказать, что первые постройки этого типа, обычно без подмазки на полу, появились еще в Саркеле, сосуществуя с полуземлянками, которые, как и в первый беловежский период, были ведущей формой жилища.

Наряду с турлучными строениями нередко сооружались и срубные домики (№ 18). Существенно, что эта постройка отличалась от остальных конструкцией печи, явно относящейся к боршевскому типу печей-каменок и находками на полу и возле печи значительного количества боршевской керамики.

Вторым нововведением явилась почти повсеместная замена печей-каменок (и тем более - открытых очагов) печами, сложенными из кирпичей: с квадратным подом из четырех или девяти кирпичей, со стенками в нижней части из поставленных на ребро кирпичей и с глиняным сводом, а иногда даже со стенками из кирпичей, уложенных рядами на глиняном растворе.

Значительно большее место в хозяйстве жителей цитадели заняли очажки, причем в отличие от более ранних, они сложены обычно не из четырех, а из пяти кирпичей. Ставили их внутри жилищ рядом с печью (1 и 19) или чаще в центре пола (5, 9,10) так, как обычные тарелкообразные очаги в полуземлянках хазарского времени. В таких случаях они имели значение обычных отопительных устройств. Однако были очажки, поставленные и вне помещений (кв. Т12-С13, У18-Т19, Н23-М24). Все они активно использовались, т.к. обычно завалены золой и углями и вокруг них попадались, как на полу жилищ, обломки посуды и кости животных.

Плохая сохранность жилищ, не позволяет в ряде случаев восстановить связь этих очажков с конкретными комплексами, хотя априорно можно говорить, что они входили в хозяйственные системы (дворы), объединенные тем или иным соседним с ним жилищем.

Безусловно в "дворы" или усадьбы входили и кирпичные вымостки. Делали их тогда на характерных, не использовавшихся позднее глиняных толстых подмазках, своеобразных "подушках" (кв. Х14-Ф15, У13-Т14, Т14-С15). Все они сильно разрушены, поэтому восстановить их размеры и понять назначение вряд ли возможно. Ясно, что это были открытые площадки во дворах. Одна из них была даже двуслойной (У13-Т14), т.е. ремонтировалась. Нижняя вымостка состояла из беспорядочно набросанных на "подушку" кирпичей, а на верхней подмазке кирпичи лежали, видимо, правильными рядами, хотя сохранилась верхняя вымостка плохо - от нее осталось только три кирпича и три половинки. Только одна вымостка этого слоя (кв. О22-Н23), состоявшая из целых и обломков кирпичей, была выложена без глиняной подмазки. Частично она была перекрыта полом жилища (№ 27).

Мы уже говорили, что весь материк на раскопе изрезан громадным количеством ям. Три очевидно были врезаны в него с уровня этого слоя.

Одна из них (кв. Т14-С15) является частью какого-то хозяйственного комплекса. Она цилиндрическая (очень немного расширяющаяся ко дну), диаметром 0,6 м, глубиной 1 м. В ее заполнении много костей животных и обломков лепной посуды (кочевнической и боршевской). Кроме того в ней найден лепной светильник и пряслице из лощенного сосуда. Рядом с этой ямой находилась совсем небольшая яма (размеры ее 0,5 х 0,26 м), углубленная в слой всего на 0,2 м с вертикальными сильно обожженными стенками и плоским дном, заполненная белым песком. В непосредственной близости от этих ям (кв. Т15-С16), выше их на 0,25-0,4 м был обнаружен развал, состоявший из сгоревших ивовых плах, соединенных поперечными плахами и обожженной глиной. Возможно, это остатки сгоревшего и рухнувшего навеса, перекрывшего в свое время обе ямы и площадку, при расчистке которой была обнаружена куча чешуи и обугленные куски невода, сплетенного из витой веревки. Кроме того в развале были обнаружены обломки бронзовой пластинки и люстрового сосуда, кусок янтаря, глиняная "лепешка"-амулет (10), бусина, пронизка и бронзовая пряжка, обломки тмутараканских кувшинов, амфор, лепных горшков, крышка, украшенная грубым "ногтевым" орнаментом, обработанный рог сайги (кочедык?) и медная позолоченная монета Василия II и Константина VIII (976-1025).

Вторая яма, вероятно, относилась к постройке № 12, поскольку находилась вплотную у ее юго-западной стенки и была обнаружена на том же уровне, что и остатки постройки (+0,55 м). Диаметр ее устья 0,7 м, дна 1,2 м, глубина 1,4 м. Яма прорезала сохранившуюся здесь на высоту около 0,5 м стену кирпичного здания казармы. В ее заполнении было много обломков тмутараканских кувшинов, амфор, лепных сосудов, костей овец, коров, свиньи, бобра, птиц и рыб. Там же были обнаружены шиферное пряслице и костяная рукоятка.

Третья яма была обнаружена в кв. Ф18-У19. Она овальная в плане (1,3 х 1 м), глубиной 0,9 м. Заполнение ее сильно гумусированое с большим количеством чешуи и костей рыб, перемешанных с зеленоватой глиной. Заполнение было забито обломками керамики, преимущественно амфор (из них 11 с граффити) и лепных сосудов. Яма окружена синхронными ей остатками жилых комплексов. Очевидно и она была связана с одним из них.

Таким образом, и у нас есть все основания говорить, что жилые постройки здесь "сопровождались" разнообразными хозяйственными дворовыми дополнениями: очажками, навесами, ямами, вымостками.

В непосредственной близости от них сооружались и производственные помещения. Такова, по-видимому, постройка плавильщика или костореза (№ 30), расположенная "стена к стене" с жилищем (№ 29). О гончарстве может свидетельствовать находка около жилища № 33 запаса гончарной глины.

К этому же слою следует отнести и еще одно очень интересное производственное сооружение — весьма своеобразную гончарную печь (рис. 16*б*). Она была обнаружена в кв. Х20-Ф21 у юго-западной крепостной стены на уровне +0,49 м. Печь круглая, большая, вырыта была в культурном слое, почти вплотную к стене. Стенки ее были облицованы десятью немного наклонно поставленными со стенка-

ми "котлована" печи слоем глиняной обмазки и обмазанными изнутри глиной. Диаметр ее пода 0,8 м. В центре пода стоял земляной столб с двумя полукирпичами, уложенными на нем сверху.

Устье печи обращено на север, оно представляло собой "канавку", дно и стенки которой обмазаны глиной и сильно обожжены. Перекрытия устья и топочной камеры не сохранились. Печь завалена обломками толстых (10 см) глиняных дисков, замешанных на просяной мякине. Всего были обнаружены остатки шести дисков, судя по расположению обломков, диски служили перекрытием топочного помещения, одновременно являясь подом обжигательной камеры, до нас не дошедшей. Два диска перекрывали заднюю часть печи, одной стороной опираясь на центральный столб, другой — на кирпичи стенок. Один диск сохранился почти полностью. Диаметр его 0,5 м, толщина более 10 см, отверстие в центре тоже 10 см. Другой, судя по обломкам, был аналогичен первому. Обломки остальных дисков находились в передней части топки. Два из них прямоугольные со скругленными углами, один перекрывал устье печи. На нем был нанесен орнамент — беспорядочно расположенные на одной из поверхностей ямочки. На другом такие ямки нанесены только вдоль края, а на середине помещен круглый в плане валик, обрамляющий отверстие. На обломках остальных дисков также сохранились следы орнаментации в виде отпечатков пальцев и ямочек в различных сочетаниях. В слое над печью много кусков обмазки, возможно, от разрушенной обжигательной камеры.

Находки над печью и вокруг нее: обломки тмутараканских кувшинов (80), амфор (11), хазарских пифосообразных сосудов (40), хазарских горшков (16), лепных (4), один обломок лощеного сосудика. Костей животных не было, что подтверждает, как нам кажется, производственное назначение печи, поскольку, как правило, в районах расположения керамических печей на других памятниках бытовые отбросы отсутствовали.

Совершенно необычным в этой печи представляется перекрытие в виде глиняных орнаментированных дисков. Создается впечатление, что печь предназначалась для обжига не тяжелых керамических сосудов, а значительно более легких предметов (земляной центральный столб не выдержал бы веса сосудов). Форма и орнаментация сосудов фактически идентичны глиняным "лепешечкам", обнаруженным на городище в комплексах, датировавшихся X в. (10). Не исключено, что сооружена печь была специально для обжига глиняных оберегов: маленьких (до 5 см) кружочков, возможно, вмазывавшихся в стены жилищ.

Частые пожары, перестройки и перепланировки жилищ не позволяют выявить какой-либо устойчивой планировки в их расположении на раскопанном участке. Очевидна только одна общая для всех черта — ориентировка углами по сторонам света, т.е. в соответствии с ориентировкой крепостных стен, еще служивших, видимо, одним из оборонных рубежей этого активно застраивавшегося поселения. Несмотря на строго соблюдавшуюся ориентировку отдельных построек, нам не удалось проследить ни малейшего стремления к созданию "рядности" общей планировки и, тем более, свободных проездов между постройками или группами построек. Домики беспорядочно разбросаны по всей площади южного угла цита-

дели. Интересно, что застройка этого периода перекрыла не только стену длинного здания, но и стены донжона, остатки которых, высотой примерно 0,5 м уже ко времени постройки над ними жилищ полностью сравнялись с дневной поверхностью. Это еще раз подтверждает наше наблюдение, что второй беловежский слой стал нарастать, начиная с уровня +0,4 и, местами, +0,5-0,6 м.

Если в домостроительстве в то время, сравнительно с предыдущим периодом произошли существенные изменения, то керамический комплекс изменился немого. Это видно и по находкам в "закрытых комплексах" (на полах жилищ) и в слое, окружавшем эти жилища. Так, по-прежнему преобладающая группа керамики представлена обломками тмутараканских кувшинов (более 500 в жилищах и более 2000 в слое) амфор, как и ранее, значительно меньше (соответственно — более 90 и 1500). Существенно также и то, что подавляющее большинство обломков принадлежит амфорам X в. и на них изредка (всего 32 обломка) нанесены граффити, которые не встречались на амфорах IX в. Обломков лепной посуды почти также много, как кувшинов (более 300 и 1500), но в этом слое совсем нет обломков лепных хазарских горшков, резко уменьшается количество обломков боршевской посуды и увеличивается кочевнической, украшенной богатой орнаментацией.

Заметно (вдвое) уменьшилось количество обломков хазарской керамики (как в жилищах, так и в слое). Однако обломков кухонных хазарских горшков достаточно много (50 и более 500) для заключения о том, что производство и использование их еще активно продолжалось на этом поселении. Таким образом, керамические материалы позволяют в целом датировать слой не позже конца X - самого начала XI вв.

Вещевые немногочисленные находки в "закрытых комплексах" и в слое не противоречат этой дате (рис. 18). Наиболее весомым ее подтверждением являются византийские монеты середины X в. (959-963 гг.) и последней четверти X - начала XI вв. Именно к этому времени относятся обнаруженные в слое обломки черных стеклянных браслетов (11, с.323), обломки люстровых поливных сосудов из жилища № 28 (12, с.304), заготовка янтарного крестика (жил. № 4) и некоторые другие предметы, верхняя дата которых доходит до середины XI в. и даже до XII в., например, двусторонний гребень (13, рис.5), шиферные пряслица, топорик-амулет Перуна (14, с.43), лощило-конек и др. Попадали в слой из нижних наслоений и более ранние вещи, в частности, серебряные литые бляшки, украшавшие воинские пояса и походные сумки, многочленная бронзовая пронизка, ногтечистка или булавка с головкой баранчика на конце (рис. 18).

В значительной степени это следует объяснять естественной диффузией слоя: предметы вместе с грунтом перемещались в нем. Кроме того, у многих вещей был длительный срок существования (особенно у украшений), растягивавшийся иногда до 100-150 лет.

Большой интерес представляет видовой состав стада и промысловых животных, который оказался очень стабильным на всем протяжении жизни как в Саркеле, так и в Белой Веже. Среди домашних животных превалируют овцы (в комплексах более 300 костей, в слое — более 1500) и коров (соответственно более 200 и около 1000 костей), птиц и рыб. Костей лошади в 10-15 раз меньше, а кости остальных животных домашних (собак, кошек, свиней, коз, верблюда) и диких

(кабана, сайги, оленя, лося, бобра, лисы, волка, барсука) представлены единичными находками.

Что же представляла собой Белая Вежа во второй пол. X - начале XI в.?

По-видимому, это было поселение сельского типа. Об этом свидетельствуют, во-первых, отсутствие "рядности", т.е. уличной планировки, явная разбросанность жилищ, во-вторых, недостаточное развитие ремесел, стоявших тогда на уровне домашних (косторезное, плавильное), в-третьих, угасание хазарского гончарства (уменьшение стандартной гончарной посуды) и переход его почти полностью в женские руки (преобладание лепной посуды).

Основным направлением сельскохозяйственных работ было, судя по составу стада, отгонное скотоводство. Земледелие, во всяком случае у жителей исследуемого участка цитадели, не играло заметной роли. Фактически никаких следов его здесь не обнаружено, за исключением находки одного жернова в жилище № 29. Это несомненно отличает Белую Вежу от других древнерусских синхронных ей поселений.

Было и другое более значимое отличие, а именно несомненность ее торговых связей с таманскими и крымскими городами. Это подтверждается большим количеством в слое тарной, привозной из тех областей, посуды (кувшинов и амфор), хотя ее стало вдвое меньше, чем в предшествующее время — и в цитадели, и на всем городище (8, рис.45). Но торговля продолжалась и это, очевидно, было решающим условием для быстрого превращения поселения в небольшой оживленный торговый и производственный степной городок.

Перейдем далее к следующему этапу развития Белой Вежи — этапу ее городской жизни.

5. Городская застройка

В этом разделе статьи мы рассмотрим напластования культурного слоя от уровня +1 м до уровня +1,8 м.

Подавляющее большинство остатков строений в пределах этих уровней очень плохой сохранности. Это преимущественно обрывки обоженных полов неопределенных очертаний, в ряде случаев — с развалами печей на них и завалами горелых обмазки и деревянных конструкций от стен и кровли.

Представляется целесообразным разделить открытые развалины построек на два "полупласта". К первому относятся остатки на уровнях от +1 до +1,5 м, а ко второму — от +1,5 до 1,8 м. В результате такого разделения удалось выявить некоторые различия в расположении построек на двух уровнях, т.е. хронологические изменения планировки участка.

В нижний (первый) полупласт входят 22 развала жилых и хозяйственных строений, несколько ям и кирпичных вымосток (рис. 19).

1. В кв. Ф12-У13 на уровне +1,25 м обнаружен участок пола (2 х 1,7 м) с развалом печи на нем, находившейся, видимо, в его восточном углу. Печь ориентирована углами по странам света, что позволяет установить и ориентировку самого жилища. Размеры печи 0,8 х 0,75 м, под у нее глинобитный, прокаленный, покрыт слоем золы. Стенки печи из кирпичей, поставленных на ребро, и двух половинок нижнего жернова. При расчистке пола попалось несколько обломков

керамики (амфор, древнерусских горшков и лепных сосудов, а также "конек"-лощило.

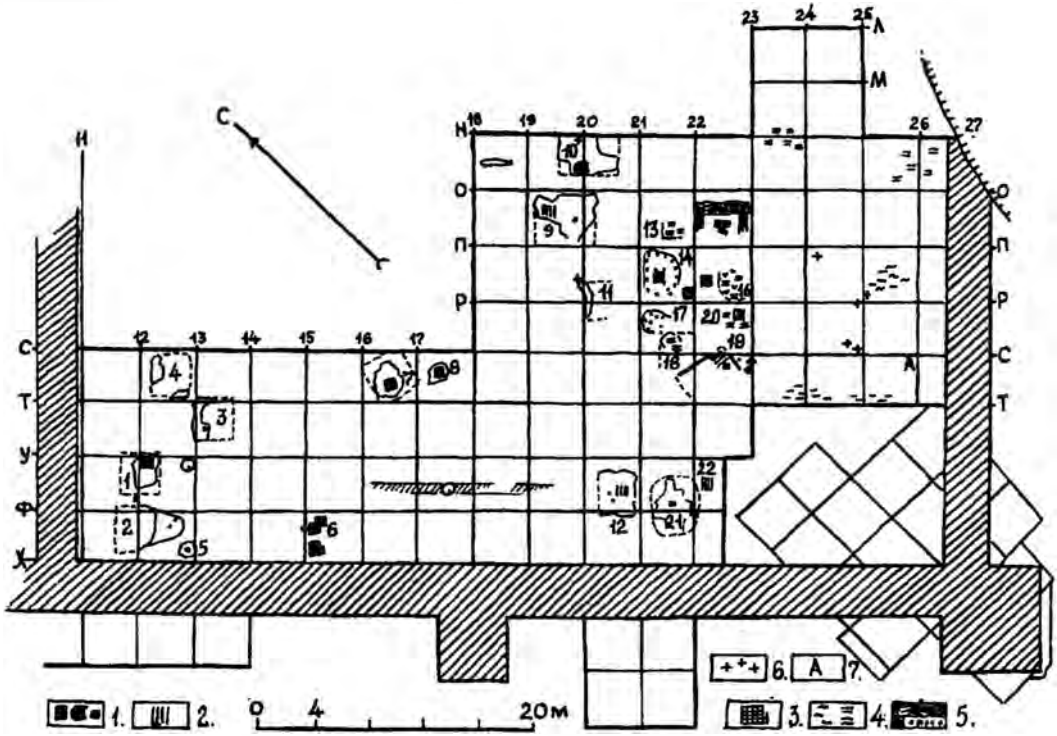

Рис. 19. Третья беловежская застройка. *1* - печи и очажки, *2* - развалы печей, *3* - кирпичные вымостки, *4* - глина и обожженная глина, *5* - сгоревшие деревянные конструкции и ямки от столбиков, *6* - мергелевые блоки, *7* - амфора XI в.

2. В кв. Х12-Ф13 на уровне +1,3 и 1,1 м (юго-западнее первого домика) находились остатки еще одного дома: пол, покрытый золой и углями и развал печи на нем (конструкция ее не определена). Под верхним полом ее прослеживались еще две подмазки полов. Вероятно, жилище перестраивалось. Однако определить границы этого комплекса, изрезанного поздними перекопами, было невозможно.

3. В кв. У13-Т14 на уровне +1,25 м сохранилась полоса глинобитного пола, срезанного перекопом. Остались нетронутыми два угла (северный и западный) и северо-западный край жилища, ориентированный углами по странам света. Расстояние между углами 2,75 м. На полу обнаружены остатки очажка, вокруг разбитых кирпичей под был сильно обожжен. При расчистке пола обнаружены обломки амфор (11), лепных сосудов (2), кости овец (143), коров (66), кабана, птиц и рыб.

4. Рядом с этим комплексом в кв.Т12-С13 на уровне +1,1 м прослеживалось довольно большое, расплывчатое, изрезанное ямами и перекопами пятно глино-

битного обожженного пола с развалом печи на нем. Размеры пятна примерно 4 х 3 м, от печи сохранился под, выложенный кирпичами и разбросанные, перемешанные с золой и обожженной глиняной обмазкой, кирпичи.

5. В кв. Х12-Ф13 обнаружено еще одно пятно обгорелого глинобитного пола, в поперечнике равное всего 1 м, с несколькими кирпичами на нем. Пятно покрыто золой и углями от дубовых и тополевых плах. Несмотря на малые размеры расчищенной площадки пола, находок на ней было много: обломки амфор (39), тмутараканских кувшинов (12), лепных сосудов (24), венчик явно привозного (крымского?) пифоса, янтарная подвеска, цилиндрический тигелек, шиферная литейная формочка, две костяные псалии, украшенные орнаментом из "полудуг", бронзовая ручка от сосудика, бронзовая накладка и кости животных — овцы (43), коровы (16), свиньи, оленя, рыб и птиц.

Следует сказать, что описанные остатки размещены на участке в ряд, ориентированный с юго-запада на северо-восток, т.е. вдоль поперечной (внутренней) стены цитадели. От этой группы построек на расстоянии 4-7 м к юго-востоку были расчищены на тех же уровнях остатки трех синхронных им комплексов.

6. В кв. Х15-Ф16 на уровнях от +1,49 до +1,4 м расчищены остатки двух, видимо, перекрывающих друг друга построек в виде двух печей и очажка (рис. 20*а*). Пол вокруг них не сохранился.

Две печи явно перекрывали одна другую, скорее всего это был результат капитального ремонта или перестройки здания. Печи абсолютно идентичны. Верхняя (поздняя) представлена квадратным глинобитным прокаленным подом, покрытым слоем золы, размеры пода 0,75 х 0,75 м, стенки были сложены из поставленных на ребро кирпичей. Из них сохранилась северо-восточная и половина юго-восточной стороны. Ориентирована печь углами по странам света. Ее западный угол находился почти в центре нижележащей печи, от которой сохранился глинобитный под и отдельные кирпичи на юго-восточной и северо-восточной стенках. Вплотную к северо-западной стороне был пристроен очажок, почти до половины заполненный золой. Очевидно он был синхронен печи и служил своеобразным "загнетком" (рис. 20*а*).

7. В кв. Т16-С17 на уровне +1,48 м были открыты остатки кирпичной печи (рис. 20*б*). Сохранился западный угол печи и две расходившиеся от него стенки, сложенные из целых и обломков вертикально поставленных кирпичей. Под печи кирпичный (3 х 3 кирпича), промазанный слоем глины, прокаленный и покрытый золой. В центре пола на ребре стоял кирпич, служивший частью опоры свода. Вокруг развала печи прослеживался участок обожженного пола. Пол и печь завалены пожарищем: сильно обгорелыми тополевыми и дубовыми бревнами, лежавшими перпендикулярно друг другу. Это были, вероятно, остатки крыши и опорных столбов стен. Под бревнами лежал слой обгорелой обмазки. Ориентировка печи углами по странам света позволяет говорить, что постройка была ориентирована также — в соответствии с остальными синхронными ей сооружениями.

При расчистке печи были обнаружены: разбитый лепной горшок, лепной светильник-мисочка, обломок стеклянного браслета, обломки амфор (некоторые с граффити), шиферное пряслице. Завал над печью и полом был насыщен обломками керамики и костями животных: амфор (98), тмутараканских кувшинов (9),

древнерусских горшков (4), лепных сосудов (16), крышка от древнерусского горшка, кости коровы (93), овцы (313), лошади (32), козы (1), сайги (7), птицы (2), рыб. Кроме того там найден бронзовый браслет и тигелек.

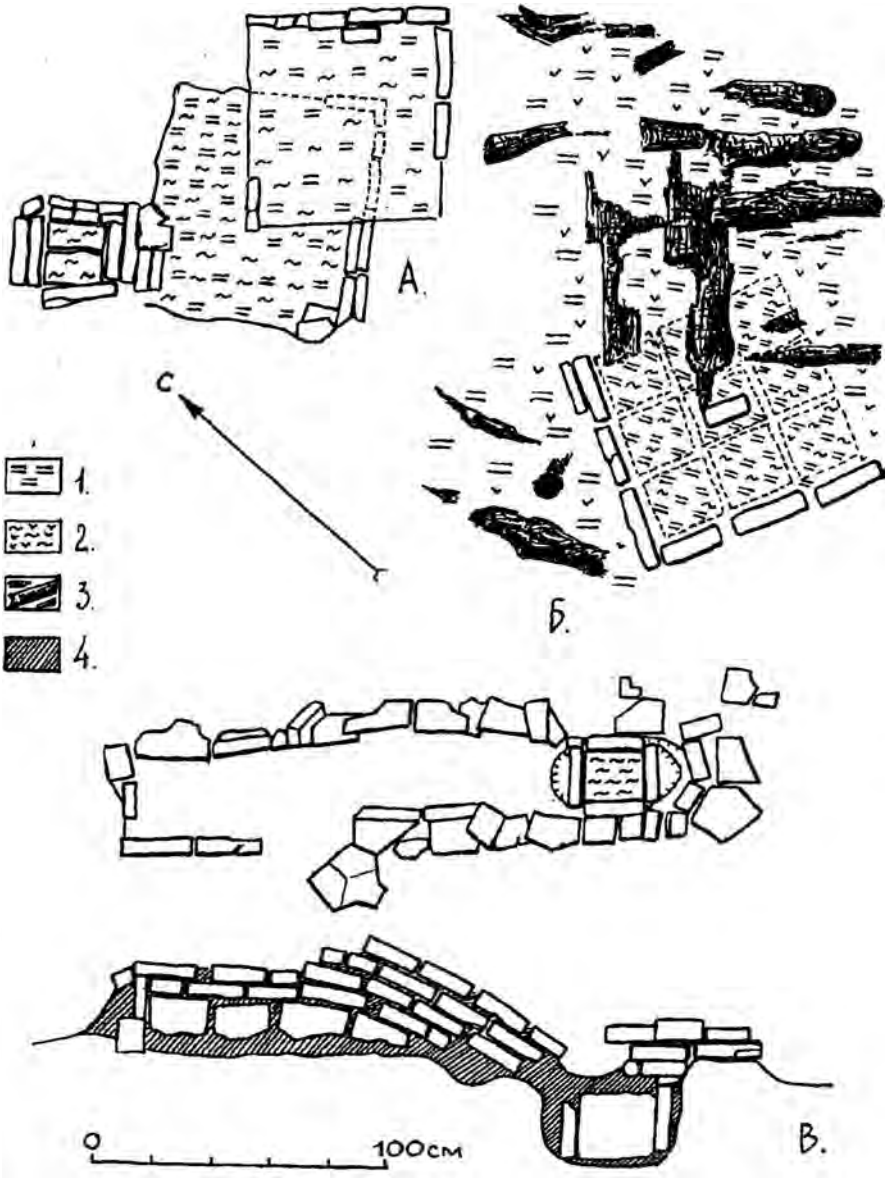

Рис. 20. Остатки комплексов третьей застройки: *А* - Перекрывающие друг друга печи и очажок (комплекс 6), *Б* - печь и рухнувшие части кровли на участке глинобитного пола (комплекса 7), *В* - "коптильня".

8. Рядом с этим завалом, в кв. Т17-С18 на уровне +1,24 м был прослежен небольшой участок обожженного глинобитного пола с остатками пода печи в виде четырех уложенных на глиняный раствор и подмазанных глиной кирпичей. Поверхность обмазки прокалена и покрыта золой. Находок вокруг печи и на полу не было.

Далее к юго-востоку вдоль линии 19 и 20 прослеживалась еще одна группа домиков, расположенных в параллельный первому ряд (рис. 19).

9. В кв. П19-О20 на уровне +1,25 м находился довольно большой участок глинобитного пола (4,5 х 3,25 м), со всех сторон сильно прорезан более поздними перекопами, поэтому ни контуры, ни размеры постройки не определены. Сохранился только северный угол, что дает возможность судить об ориентировке дома углами по странам света. В этом углу находилась печь, от которой остались обломки кирпичей и куски обожженной обмазки. В центральной части пола — большая яма от массивного столба. Жилище погибло от пожара — пол перекрыт слоем горелой глины и кусками сгоревших плах и жердей. При расчистке этого комплекса было обнаружено: обломки амфор (35), в том числе — горло амфоры с воротничком (XI в.), два венчика лепных сосудов, обломок древнерусского горшка и кусок кирпича с граффити, обломки стеклянных браслетов, бронзовый бубенчик, гвоздь, обломок янтаря и янтарный перстенек.

10. В кв. О19-Н20 на уровне +1,34 м обнаружен участок глинобитного пола от сгоревшего жилища. Пол утоптанный и обожженный в пожаре с угольками, кусками жердей и обожженной обмазки, видимо, от рухнувшей крыши. Печь почти полностью разрушена перекопом. Удалось проследить только прокаленный слой глинобитного пода, один кирпич северо-западной стенки и обожженный мергелевый блок, входивший, по-видимому, в конструкции печи.

Пол этого жилища частично перекрыт входившей, возможно, в него еще одной печью. Судя по сохранившемуся глинобитному сильно прокаленному поду (толщиной 0,1 м), обрамленному мелкими ямочками и отпечатками на обмазке, она была глинобитной на каркасе из прутьев. В плане печь овальная (1 х 0,75 м). На поду лежал толстый слой белой золы. В нем был обнаружен тигелек, куски меди и костяная пластинка-накладка с циркульным орнаментом.

11. В кв. Р20-П21 и С20-Р21 открыты остатки полов жилища: верхний уровень подмазки +1,55 м, нижний +1,42 м. Комплекс со всех сторон изрезан перекопами, сохранился только задний угол и северо-западный край пола. В углу обнаружено гнездо от довольно массивного столба, а вдоль края — остатки сгоревшего дерева, под которым открыты пять ямок от жердевого каркаса стены. Длина стены 2,60 м. У ее северо-восточного конца (вероятно, в северном углу постройки?) лежал крупный мергелевый блок (40 х 30 см). Ширина сохранившейся полосы нижнего пола не превышает 1 м, от верхней осталось еще меньше, однако видно, что при ремонте или восстановлении первоначальной сгоревшей постройки были поставлены новые столбы — в тот же угол и еще один — у юго-западной стены. Следует сказать, что постройки, поставленные в этот период нередко горели и неоднократно перестраивались.

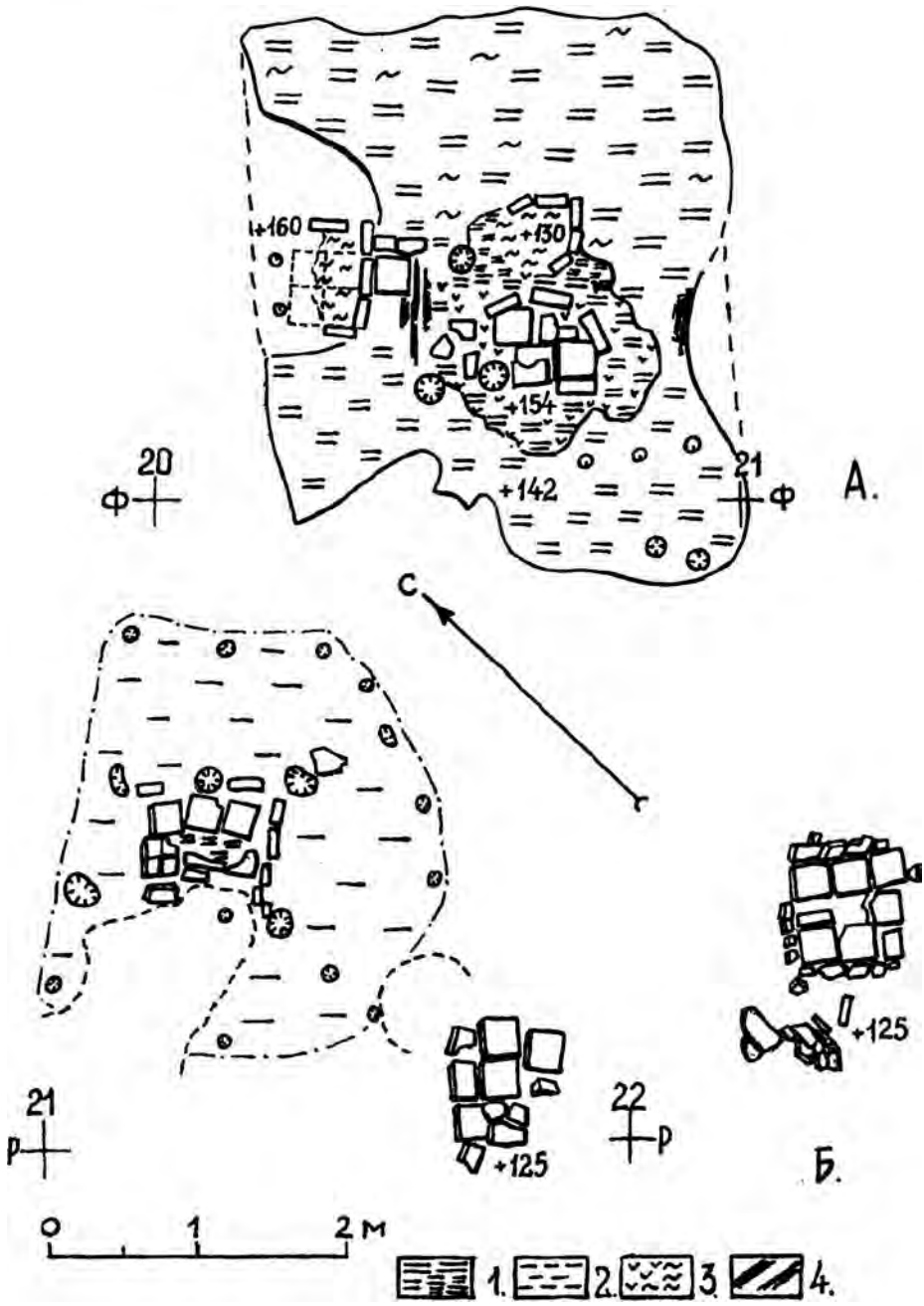

Рис. 21. Остатки наземных построек и расположенных рядом развалов двух печей: *А* - жилище № 12, *Б* - постройка № 14.

12. Примером таких многослойных перестроек может служить еще один комплекс, открытый в кв. Ф20-У21 с полами на уровнях +1,30, +1,45 и 1,60 м (рис. 21*а*). От первоначальной постройки сохранился почти полностью пол прямоугольного жилища (4 х 3 м). В центральной его части находился очажок из 4 кирпичей с глинобитным подом, а в южном углу обнаружены ямки от жердей, а вдоль юго-восточной стороны — кусок сгоревшей плахи. Жилище погибло в пожаре: пол обожжен и засыпан золой. От вторичной застройки также остался довольно большой участок пола сильно обожженного, покрытого золой и кусками обожженных плах, жердей и углем. Третья застройка — самая поздняя. Пол сохранился на участке размером 1,75 х 1,25 м. На нем обнаружен развал печи в виде уложенных плашмя четырех кирпичей (пода) и кусков обожженной глины.

При расчистке всего завала были обнаружены обломки амфор (16), лепных горшков (6), древнерусского горшка (1), один обломок амфоры с граффити (рисунок непонятен), а также шляпка бронзового гвоздя, шиферное пряслице, бронзовое височное кольцо, обломки бронзового сосуда и накладки, бронзовый бубенчик.

13. В кв. П21-О22 обнаружен двуслойный пол на уровнях +1,35 и 1,45 м. Пятно пола небольшое (1 х 1,5 м). На нем лежали обгорелые плахи, над ними куски глиняной обмазки, а вокруг — слой золы. Очевидно данное жилище тоже дважды строилось и дважды горело.

14. В кв. Р21-П22 на уровне +1,43 м обнаружены остатки постройки округлой в плане формы: глинобитный пол, в центре которого была поставлена печь (рис. 21*б*). От печи сохранился прокаленный под, сложенный из шести кирпичей, обмазанных слоем глины, усыпанной золой. Вокруг печи, вплотную к ней на углах и на середине задней стенки обнаружены ямки от столбов, видимо, от какой-то надпечной конструкции. По окружности пола были вкопаны 11 довольно больших столбов, поддерживавших плетневые стены или просто тяжелый массив крыши (навеса). Следует отметить, что кладка печи и устройство стен были небрежны, пол подмазан тонким слоем. Видимо, это была летняя времянка на дворе усадьбы?

Находок при расчистке этого комплекса было немного: бронзовые колечко и бубенчик, точильные камешки, обломок глиняного пряслица, обломки стеклянных браслетов (голубого и инкрустированного), янтарная заготовка, голубая бусина из непрозрачного стекла, глиняный тигелек с бронзовым шлаком внутри, большой разбитый поливной зеленый кувшин, обломок еще одного поливного сосуда, один обломок лепного сосуда.

15. В кв. П22-О23 на уровне +1,3 и 1,5 м было обнаружено странное сооружение из очень широких плах (рис. 19). Самая длинная (3,25 м) лежала по линии СЗ-ЮВ, ширина ее 0,85 м. Перпендикулярно к ней к обоим концам примыкает немного менее массивные доски, сохранившиеся на длину 1,9 и 1,6 м. Одна из досок перекрывает своим концом большую плаху, другая заходит на нее концом, образуя П-образную конструкцию, внутри которой помещена непонятная фигура из пересекавшихся плах. Постройка погибла в пожаре и, очевидно, более, чем на половину срезана перекопами, поэтому трудно даже предположить ее первоначальные размеры и, тем более, ее назначение.

16. В кв. Р22-П23 на уровне +1,35 м был открыт завал сгоревшего жилища: участок обожженного пола, перекрытого кусками сгоревших жердей и глиняной обожженной обмазки. В завале обнаружен венчик кочевнического горшка с орнаментом-гирляндами.

Рядом с этим завалом, немного ниже его (+1,26 м) находилась печь, от которой сохранился только под из 9 кирпичей (3 х 3 кирпича) 6 обломков кирпичей вокруг и груды больших кусков сильно обожженной обмазки. Печь соприкасается с полом завала, но поскольку уровень ее пода лежал ниже пола, не исключено, что она относилась к более раннему периоду жизни данного жилища, сгоревшего и затем отстроенного заново.

17. В кв. С21-Р22 на уровне +1,3 м был обнаружен округлый в плане участок пола равный в поперечнике примерно 2 м. Он находился всего в 1 м юго-восточнее также округлого в плане жилища (№ 14). Края пола сильно изрезаны, а по всей его поверхности разбросано много ямок от жердей. Пол немного обожжен, остатков очага или печи не прослежено.

18. В том же квадрате рядом с предыдущим жилищем располагалось в виде обожженной глины, кусков обожженной обмазки с отпечатками соломы, угля, кусков обгорелых плах, видимо, от сгоревшей кровли, перекрывавшей сильно пережженный участок пола. Под этим полом прослежен пол первой подмазки, причем также обожженный. явно жилище дважды горело и отстраивалось.

При расчистке завала обнаружены: медная монета Константина и Романа II (949-959), горло амфоры XI в. с воротничком, обломки хазарского горшка, янтаря и лепного сосуда "касожского" типа с насечками по венчику и плечикам.

19. В кв. Т22-С23, южнее описанного жилища, стояло еще одно, видимо, синхронное ему и также дважды сгоревшее: прослежено два горизонта обожженных полов (+1,04 и +1,22 м). от двух стенок частично сохранились обожженные "полоски" глины. Они дают возможность установить ориентацию постройки - сторонами по странам света, т.е. отличную от всех строений, открытых на этом участке цитадели. У северо-западного угла находилась вымостка из ряда кирпичей - возможно здесь был угловой вход в дом. На обоих уровнях полов лежали куски дубовых плах и тополевых углей от рухнувших кровель. С внешней стороны восточной стены обнаружена ямка от массивного столба, державшего крышу или турлучную стену? О том, что станы были из плетня свидетельствуют следы дотла сгоревшего дерева вдоль глиняных валиков ("полосок" стен). В северо-восточном углу находилась печь, от которой сохранился развал обожженной глины, и очажок, заполненный светло-серой золой.

При расчистке комплекса были найдены обломки амфор, лепного сосуда, нескольких точильных брусков, кусочки бронзовых мелких пластинок, а также кости коровы (5), овцы (9), кошки (1).

20. Здесь же были прослежены в кв. С22-Р23 остатки еще одного жилища на уровне +1,1 м. Это развал обожженной глины и под ним — совсем небольшой участок пола, а на нем — половина пода печи и три кирпича на ребре от стенок, засыпанные слоем золы. В этом развале были обнаружены обломки лепных горшков с защипами по венчикам и безорнаментных, обломки гончарных, по-видимому, древнерусских горшков, обломок кочевнического горшка с орнаментом в виде гир-

лянд, обломки амфор (10), тмутараканского кувшина (1), черной с белой и желтой инкрустацией бусины.

21. В кв. Ф21-У22 и частично Х21-Ф22 на уровне +1,38 м расположены остатки жилища: утоптанный (необожженный) пол (4 х 3 м) с кучами явно упавшей на него прокаленной глины со сгоревшей кровли В центральной части пола находилось большое зольное пятно и три кирпича, перекрытые завалом горелой глины, бывшие, очевидно, остатками печи. Рядом в пол был вкопан массивный столб, другой аналогичный ему столб стоял у юго-западного края пола. Оба они служили несущими опорами конька крыши. Около первого столба лежал кусок мергелевого блока, возможно, как-то крепившего столб. Следует сказать, что на полу, кроме обвалов обожженной глины, обнаружены россыпи углей, куски тополевых жердей и плах, относившихся не только к конструкции крыши, но и стен.

В завале дома обнаружены: монета дочери Константина VIII Феодоры (1055-1056), кусочки бронзы и меди, очевидно, приготовленные для переплавки, обломок точильного камешка, железное ушко котла, обломок стеклянного браслета с изображением на нем лебедя, обломок лепного светильника — плоской мисочки с вертикальными стенками, обломок амфор (7), тмутараканских кувшинов (10), лепных горшков (30), кости коровы (16) и овцы (24).

На самом полу найдены, как и в завале, обломки бронзы, а также обломок ножа, обломок синего стеклянного браслета, обломки лепных горшков с волнистым орнаментом, лепного горшка с насечкой по краю венчика и древнерусского горшка с ногтевым орнаментом по плечикам и венчиком без желобка для крышки (XI в.).

22. На том же уровне почти вплотную к развалу жилища расположена печь в виде расплывшихся обломков обожженной обмазки и глинобитного обожженного круглого в плане пода (диаметр 1 м).

Юго-восточная часть раскопа особенно сильно перекопана и отличается почти полным разрушением жилых комплексов, относящихся к этому периоду города. Здесь кое-где попадаются на уровнях от +1,04 до +1,5 м обрывки сгоревших полов, иногда двуслойных, развалы печей, обычно представленные засыпанными золой и обожженной глиной кирпичными подами, сгоревшие плахи и угольные прослойки. Нигде эти незначительные остатки не сопровождаются находками, поскольку слой вокруг и над ними фактически полностью разрушен.

Как и в предыдущем пласте, помимо остатков жилищ, на уровнях этого полупласта попадались и разные дополнительные сооружения, различного назначения.

Прежде всего это интересная конструкция, обнаруженная в кв. О18-Н19 на уровнях от +0,85 до 1,50 м (рис. 20*в*). Наиболее существенной ее часть являлся, по-видимому, очажок из пяти кирпичей, сложенный на дне округлой ямы, диаметром 0,4 м. С трех сторон эта ямка с очагом огорожена стенками, сложенными из обломков кирпичей насухо - без раствора (сохранились в высоту на пять рядов). Конструкция ориентирована углами по странам света. Две ее стенки продолжены к северо-западу на длину 2,25 м, образуя узкий (0,3 м) "канальчик" или коридор, замыкавшийся поставленными на ребро кирпичами. Следует сказать, что низ стенки в конце этого коридора составлен из вертикально поставленных кирпичей, а

поверх местами сохранились обломки, лежавшие в три ряда плашмя. Дно коридора на 0,35 м выше очажка и немного повышается к северо-западному концу. В очажке обнаружено много золы, стенки его сильно обожжены, стенки коридора закопчены. Кладка всюду с внутренней стороны выровнена, а с внешней края кирпичей торчат во все стороны. Это дает основание предполагать, что конструкция была врыта в землю (во всяком случае — дошедшая до нас нижняя ее часть). Не исключено, что это сооружение было коптильней рыбы или мяса. Вокруг него никаких следов постройки обнаружено не было.

При расчистке в окружавшем эту явно производственную конструкцию слое было обнаружено: обломков амфор (32), тмутараканских кувшинов (3), лепных сосудов (8), древнерусских горшков (2), обломки трех стеклянных браслетов, кости овцы, быка, лошади, гуся.

Возможно, что с "коптильней" следует связывать развал кирпичей, расположенных рядом — в кв. О19-Н20 на уровне +1,4 м. Это скорее всего часть развала стен, окружавших яму с очажком (верх стенок, возвышавшийся над поверхностью?).

Хозяйственное назначение имела, конечно, и кирпичная вымостка, расположенная на уровне +1,35 м в кв. Х15-Ф16, рядом с постройкой № 6. Она квадратная (1 х 0,9 м), сложенная на растворе глины из 6 целых кирпичей, нескольких половин и обломков. Под ней находился второй слой тоже квадратной вымостки размером 0,75 х 0,75 м. Все кирпичи в ней разбиты и именно по этой причине ее перекрыли новым настилом кирпичей, заровняв поверхность прежней слоем глины.

Удалось обнаружить и относившиеся к этому пласту две хозяйственные ямы. Так, в кв. Ф12-У13 на уровне +1,25 м около жилища № 1 была прослежена яма, диаметром 1,2 м, служившая, видимо, долгое время помойкой. В слое она выделялась только по заполнению, сильно насыщенному костями животных и рыб, чешуей и обломками керамики. Кости принадлежали корове, овцам (30), оленю, верблюду. В лепном маленьком горшочке найдены косточки котенка. Обломки керамики: амфор, древнерусских горшков, лепных сосудов.

Вторая яма находилась в кв. Ф17-У18. На уровне +1,35 м было расчищено устье цилиндрической ямы, диаметром 1 м, глубиной 1,15 м. В ее заполнении найдены обломки древнерусских горшков (с орнаментом, нанесенным колесиком), один обломок хазарского горшка, бронзовая небольшая круглая пуговица, кости овцы (27), коровы, свиньи, рыб. Вероятно и эта яма была превращена в помойную, постепенно заполнявшуюся мусорной, забитой отбросами землей.

Выше, при описании нескольких построек этого полупласта, были отмечены находки в них мергелевых блоков или их обломков. Помимо находок в комплексах мергелевые блоки были раскиданы на соответствующих этим комплексам уровнях: в кв. Т22-С23 на уровне +1,44 м, в кв. С24-Р25 на уровне +1,40-1,45 м, в кв. Р24-П25 на уровне +1,45 м.

Находки обтесанных мергелевых блоков в этом полупласте связаны, вероятно, со строительством в Белой Веже каких-то зданий с использованием мергеля. Такие постройки существовали. Раскопками обнаружены в соседних раскопах два больших дома на мергелевых цоколях, а также основания мергелевых башен, при-

строенных к юго-западной стене. Таким образом, датировка исследуемого полупласта с мергелевыми блоками позволяет уточнить или установить дату мергелевых построек и близких с ними комплексов, расположенных на других участках городища.

К вопросам хронологии этого полупласта и планировки поселения на его уровнях мы вернемся после рассмотрения остатков строений верхнего полупласта.

В верхние наслоения (второй полупласт) включено 12 развалов остатков домов и несколько хозяйственных ям разной сохранности и конструкции (рис. 22).

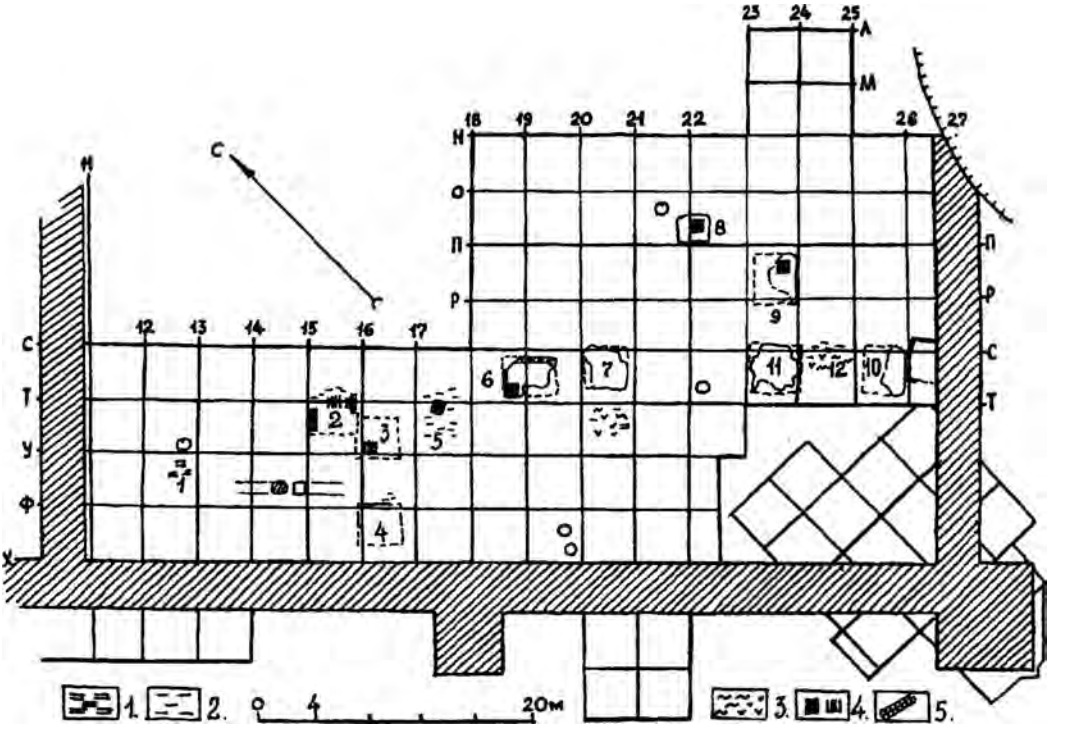

Рис. 22. Четвертая беловежская застройка. *1* - обожженная глина, *2* - глина, *3* - зола и угли, *4* - печи и их развалы, *5* - кирпичные вымостки.

1. В кв. Ф12-У13 на уровне +1,65 м обнаружено пятно обожженного пола с двумя лежавшими на нем плашмя кирпичами. Размеры пятна не превышают 1 м. Поверхность его была перекрыта слоем угля и золы толщиной примерно 0,1 м.

2. В кв. Т15-С16 (частично в кв. У15-Т16) на уровне +1,65 м были обнаружены остатки жилого дома очень плохой сохранности: небольшой участок глинобитного обожженного пола и куча кирпичей, пересыпанных золой и угольками - развал печи (рис.23*а*). По северо-западному краю пола прослежена кирпичная кладка из раздавленных кирпичей (возможно остатки завалинки?). Ширина ее - 2 кирпича, а сохранившаяся длина 1 м. На полу, рядом с печью стояла обугленная

деревянная миска с сгоревшим просом, а к юго-востоку от развала печи находилась яма. Стенки ее для предотвращения осыпи были обмазаны слоем глины и слегка обожжены. Яма была прикрыта деревянной крышкой, сбитой из пяти тополевых плах, скрепленных тополевым горбылем. Размеры ее 1,1 х 0,75 м. На крыше была оставлена массивная миска с просом и вокруг рассыпана пшеница. Все это было, как и миска с просом, сильно обуглено. Глубина ямы не прослежена. Сверху остатки сгоревшего жилища были перекрыты рухнувшими в пожаре стенами и кровлей: кусками обугленных плах и жердей, кусками обожженной обмазки с отпечатками на ней ковыля.

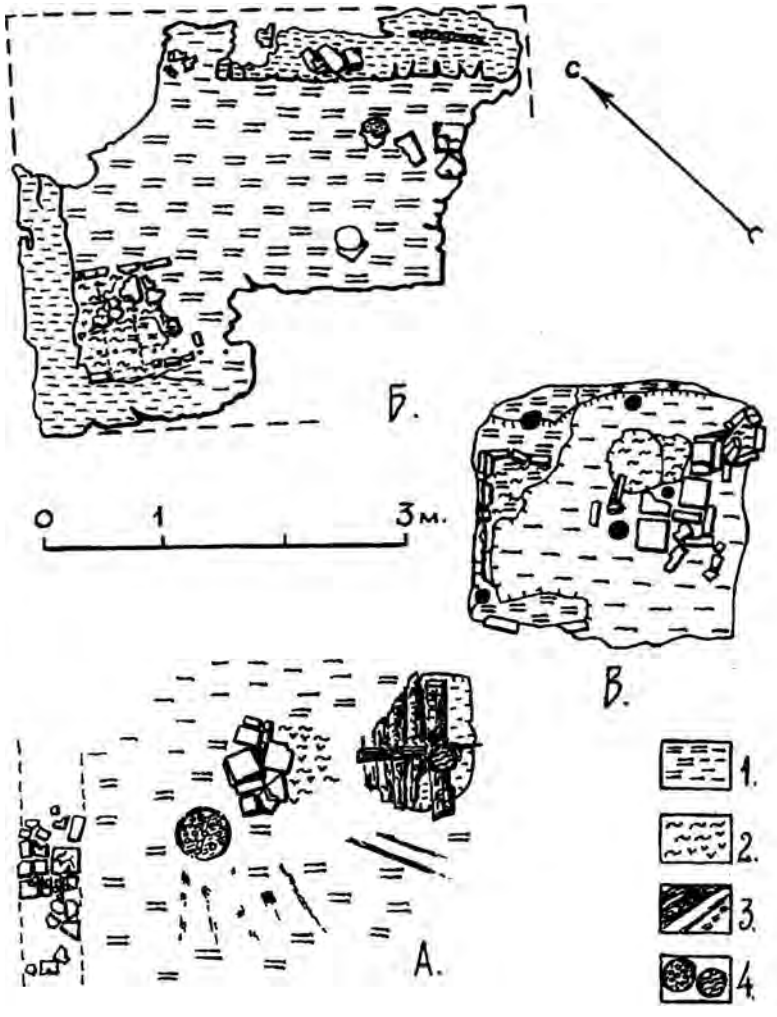

Рис. 23. Остатки жилищ четвертой застройки: *А* - № 2, *Б* - № 1, *В* - № 8. *1* - глина и обожженная глина, *2* - зола и угли, *3* - сгоревшие плахи, *4* - деревянные миски с зерном и маслом.

При расчистке этого комплекса было обнаружено довольно много обломков бронзовых предметов: пластинок, проволочек, колечек и пр., служивших, видимо, полуфабрикатами? Помимо того в завале было обнаружено шиферное пряслице и обломки керамики: амфор (15), тмутараканских кувшинов (12), лепных горшков (43), древнерусских горшков (60), обломок крышки древнерусского горшка. При разборке кирпичей "завалинки" найден лепной горшочек и горло лощеного кувшина.

3. В кв. У16-Т17 на уровне +1,74 м находились остатки аналогичного предыдущему домика в виде пятна обожженного глинобитного пола размером в поперечнике около 2,5 м. У юго-западного края этого пятна обнаружен развал печи: обломки и целые кирпичи, слой обожженной глины, обрамляющий кирпичи, и обвалившийся глинобитный верх печи, перекрывающий развал кирпичей. Рядом с печью была вырыта небольшая ямка диаметром 0,2 м, глубиной 0,13 м, заполненная чистым речным песком, вероятно, необходимым для каких-то хозяйственных или производственных работ. Слой завала стен и кровли был насыщен костями животных и обломками керамики. Кости принадлежали: корове (158), овцам (214), козе (2), свинье (1), сайге (4), волку (1), бобру (1), и рыбам. Керамика представлена обломками амфор (86), лепных горшков (19), гончарных горшков (8). Кроме того здесь были обнаружены 3 обломка стеклянных браслетов, заготовка лазуритовой подвески, зеленая бусинка и мелкие обломки бронзовых и железных предметов.

4. В кв. Х16-Ф17 на уровне +1,8 м примерно в 2 км к юго-западу от предыдущего жилища находились остатки еще одного домика: участок глинобитного пола, покрытого углем и золой и небольшой "останец" глинобитной стенки. Пол сильно изрезан, под ним были прослежены еще два уровня (две подмазки) полов, что свидетельствует о ремонтах или даже перестройках этого помещения. Находки в этом комплексе были учтены отдельно на каждом уровне пола. При расчистке первого были обнаружены обломки амфор XI в. (3), лепных горшков (6), древнерусских (3), тмутараканских кувшинов (12), бронзовая литая в виде собачки ручка от сосуда (рис. 27). На втором уровне найдены обломки амфор (13), лепных (7), древнерусских (11), пряслице из стенки сосуда, ладьевидный светильник и тонкостенная лепная чашечка. На нижнем полу обнаружены обломки стеклянного браслета и железной косы-горбуши. На двух верхних уровнях пола были обнаружены кости лошади, коровы, овцы, быка, собаки, птицы и рыб.

5. Такие же остатки перестроенного и даже перепланированного жилища были обнаружены в кв. У17-Т18 на уровнях +1,75 и +1,52 . От верхней постройки сохранился только участок пола неопределенной формы длиной около 3 м, а шириной 0,75-1,3 м. На нем прослежены две ямки от столбов, одна от жерди, возле них лежали на полу куски обожженных плах и жердей. Ни расположение ямок, ни направление лежавших сгоревших плах не дают возможности определить их назначение и направление хотя бы одной из стен.

Этот пол перекрывал печь и примыкавший к ней участок пола, размеры которого почти такие же как верхнего пола. От печи сохранилась юго-западная стенка из трех поставленных на ребро кирпичей, часть глинобитного прокаленного пода, покрытого золой и кусками обожженной глиняной обмазки. При расчистке

печи были обнаружены: обломки бронзового сосудика, лепной горшочек с отбитой ручкой, обломки древнерусских горшков и крышечки. У печи в небольшом углублении, видимо, в мешочке, лежали 54 мелких и один большой (бита) астрагалы. На полу были обнаружены кости лошади, коровы, овцы, птиц.

На верхнем полу костей было значительно больше: коровы (15), овцы (57), козы, сайги, лошади, свиньи, рыб. Кроме того, там же найдены обломки амфор, лепных горшков, лепного светильника.

6. В кв. Т18-С19 и Т19-С20 были открыты развалины дома, дающие представление как об общих размерах, так и о конструктивных особенностях этой постройки (рис. 23*б*). Размеры постройки (по внешнему контуру) 4,5 х 3,5 м, ориентирована она углами по странам света. Пол глинобитный, сильно обожженный. По трем его сторонам хорошо сохранился глинобитный цоколь стен, сложенный из сырцовых кирпичей, среди которых попадались и обожженные (из саркельских кладок). Размеры кирпичей из сырца 26 х 14 х 19 см, уложены они были длинными сторонами впритык друг к другу. Стены не сохранились, однако на полу в большом количестве попадались куски обожженной обмазки, явно выпавшей из пазов, т.к. все имели форму треугольников с двумя вогнутыми (прилегавшими к бревнам) сторонами. Печь находилась в западном углу. От стенок сохранилось только несколько обломков и два целых кирпича на двух стенках. Размеры печи 0,8 х 0,8 м, под выложен кирпичами и обмазан слоем глины. Устье печи обращено к юго-востоку.

При расчистке этого комплекса на полу были обнаружены три сырцовых кирпича, несколько обожженных (один из них был оббит в виде круга), много обмазки, обломки лепных горшков (34), лепной сковороды, венчиков древнерусских горшков. Среди сырцовых кирпичей, бывших, возможно, частью мельничного устройства, был обнаружен обломок жернова. В самой печи найдены обломки обмазки и среди них - обломки амфор, лепных горшков, одного маленького лепного горшочка, обломок ножа, железное ушко котла с медными заклепками.

Дом погиб в пожаре и был, видимо, дважды перестроен: остатки этих перестроек удалось проследить. Так, в том же квадрате, на уровне +1,77 м обнаружен развал печи. Сохранилась ее юго-западная половина, размеры которой 1,12 х 0,6 м. Стенки сложены из поставленных на ребро кирпичей, под (на уровне +1,92 м) также кирпичный — кирпичи уложены в два слоя на растворе глины. Устье печи находилось на юго-западной стороне — перед ним сохранился участок пола размером 3 х 1,25 м. Очевидно, это северо-западный край жилища, к которому относилась печь. Судя по печи и полу, жилище было ориентировано углами по странам света с очень небольшим отклонением.

На полу обнаружены обломки лепных горшков (18), древнерусских горшков, амфор, целый лепной горшочек с волнистыми линиями по тулову и насечками по краю венчика, нож и три полуобработанных рога оленя.

Это жилище также погибло от пожара и на его месте вновь был построен домик. Печь в нем сохранилась, только в отличие от предыдущей была помещена не в северном, а в западном углу. Размеры ее 1 х 0,72 м. Стенками сложены из кирпичей, поставленных на ребро, а под глинобитный, неоднократно подмазывавшийся. Рядом с ней находилась припечная яма, частично врезавшаяся в западный

угол прежней печи. Она довольно большая (0,9 х 0,75 м), углубленная в пол на 0,25 м, заполнена золой и угольками. Пол этого жилища глинобитный, в него втоптаны мелкие обломки амфоры XII в. Кроме того, на полу были обнаружены обломки лепных горшков (46), древнерусских (9), амфор (47), обломок ножа и рог оленя.

7. В кв. Т20-С21 на уровнях +1,7 и 1,65 м, всего на расстоянии 2 м к юго-востоку от предыдущего, видимо, синхронного ему дома были обнаружены остатки еще одного сгоревшего сооружения. Это — участок пола размером 2,25 х 2,3 м и примыкавшая к нему поверхность пережженной земли, заваленной остатками горелой глины, кусками обмазки с отпечатками прутьев и кусками обмазки с отпечатками прутьев и кусками сгоревших плах. В северном углу пола находилась ямка от массивного, глубоко врытого столба, а поперек его прослежена слегка закруглявшаяся линия ямок от жердей, расположенных в два ряда. Очевидно, это была плетневая (внешняя или внутренняя) стенка, обмазанная глиной. Никаких других деталей конструкции постройки и печи в ней обнаружено не было. При расчистке пола и завала найдены обломки височного колечка, бронзовая пластинка, обломки стеклянных браслетов, светильника и лепного горшка с зигзагообразным орнаментом, а также кости коровы (23), овцы (16) и лошади.

8. В кв. П21-О22, П22-О23 на уровне +1,6 м находились остатки довольно хорошо сохранившейся постройки (рис. 23*в*). Размеры ее 2,25 х 2,25 м. Пол глинобитный, ориентирована она была углами по странам света. Северо-западный край пола обрамлен рядом разбитых кирпичей, поставленных на ребро и обмазанных глиной (обмазка сильно обожжена). Остатки такой же конструкции прослежены и до половины юго-западной стороны пола. В западном и северном углах прослежены ямки от крупных столбов. Третий аналогичный столб был врыт на середине северо-восточной стенки, четвертый — в центре пола. Все они служили, вероятно, опорой кровли. Вдоль северо-восточной стороны прослежена полоса обожженной обмазки.

У юго-восточной стенки располагалась печь, от которой сохранилось четыре кирпича пода и нижние части стоявших на ребре кирпичей от стенок. Устье находилось с северо-восточной стороны - перед ним была врыта небольшая предпечная яма, заполненная золой. К восточному углу печки вплотную пристроен обычный четырехкирпичный очажок (с глинобитным подом), игравший, вероятно, роль загнетка. Постройка в целом очень небольшая возможно, она не была жилой. скорее всего, это хозяйственное надворное сооружение свидетельствует об относительной "фундаментальности" здания и довольно значительной его утепленности.

При расчистке пола были обнаружены: шиферное пряслице, костяная трубочка, бронзовый бубенчик, янтарный перстенек и отпиленный кусок рога.

9. В кв. Р23-П24 сохранились остатки полов и печей еще одного жилого комплекса на уровнях +1,43 и +1,63 м.

От верхней постройки остались печь и полоса обожженного пола длиной 3,5 м, шириной всего 0,25-0,75 м. Печь, ориентированная углами по странам света, с прокаленным глинобитным подом и стенками из поставленных на ребро кирпичей (сохранилось два). Размеры ее 0,5 х 0,5 м. Судя по ориентировке печи и сохранившемуся краю пола, жилище было ориентировано углами по странам света.

Остатки нижнего жилища формально относятся к предыдущему полупласту, однако очевидна была явная преемственность между двумя уровнями этого строения: жилище сгорело, затем было вновь выстроено на месте пожарища и снова погибло в пожаре. Печь в раннем жилище конструктивно абсолютно та же, что и первая: с глинобитным подом, обставленным кирпичами. Только размеры ее больше — 0,8 х 0,8 м. Ориентирована она также углами по странам света.

10. В кв. Т25-С26 на уровне +1,66 м был обнаружен кусок обожженного глинобитного пола длиной более 4 м, шириной 1,5-2 м. Сохранились южный и восточный углы этой постройки, вся северо-западная половина которой была уничтожена перекопом. На полу найдены: пряслице, льячка с остатками меди, собачий клык с просверлиной, часть горлышка стеклянного сосуда, черная с белыми разводами бусина.

11. В кв. Т23-С24 на уровне +1,7 м расчищен участок обожженного глинобитного пола размером примерно 3 х 2 м. Сохранился восточный угол и прослеживаются направления трех стен, поэтому можно уверенно говорить о традиционной ориентировке постройки — углами по странам света. Пол перекрывал еще два уровня полов этого, дважды отстроенного после пожаров, домика.

12. В кв. Т24-С25 на уровне +1,72 м, в непосредственной близости от предыдущего строения было обнаружено пятно глинобитного пола со следами золы и углей на нем, а под ним были прослежены полы еще на двух уровнях.

Подобные следы построек не вполне ясного назначения были разбросаны на уровнях верхнего полупласта по всему раскопу. Особенно много таких неопределимых остатков в юго-восточной его части. Так, уголь, сгоревшие плахи, зола, обожженные куски глины, пятна глинобитных полов прослежены были на кв. Р25-П26, О25-Н26, С23-Р24, У21-Т22.

Тем не менее, относительная сохранность части развалов позволяет нам сделать ряд выводов о конструктивных особенностях зданий периода отложений верхних наслоений — верхнего полупласта.

Все жилища были наземные с хорошо утрамбованными глинобитными полами. Стены, как правило, турлучные с очень толстой обмазкой глины. Иногда особенно массивной с обеих сторон она бывала в нижней части стен (№ 8). В хорошо сохранившемся доме (№ 6) прослежен сложенный из сырцовых кирпичей цоколь (завалинка?). Завалинки сооружались и из обожженных кирпичей — остатки таковой обнаружены в одном комплексе (№ 2). Кровли сооружались довольно тяжелые, двускатные, из массивных плах, жердей, камыша и глиняной обмазки.

Печи были в каждом жилом строении, однако развалины их встречаются не на всех глинобитных полах, а в ряде случаев развалы таковы, что судить по ним о конструктивных особенностях печи невозможно. Только в четырех развалах несколько раз перестроенных жилищ были обнаружены остатки печей, позволившие говорить об их устройстве. Типологически они делятся на две группы: с подом, выложенным кирпичом (№№ 6, 6а, 6б, 8); с глинобитным подом (№№ 5, 6в, 9а, 9б). Нижняя часть стенок печей обеих групп сложена из кирпичей, поставленных на ребро. В одной из полностью разрушенных печей с разбросанными кирпичами (№ 6) удалось проследить глинобитные остатки верхней части печи (№ 3). Интерес представляет и сооруженная рядом с печью конструкция — очажок-загнеток

(№ 8), а возможно, и нижняя часть дымовой трубы? Это самая поздняя находка такого устройства, появившегося в Белой Веже, как мы увидим ниже, в более раннее время.

Никаких особенностей интерьера домиков из-за их очень плохой сохранности обнаружить не удалось. Исключением является только одна цилиндрическая хозяйственная яма, вырытая внутри жилища (№ 2). Стенки ее обмазаны глиной, а сама была закрыта деревянной крышкой из массивных досок или плах.

Помимо жилых и хозяйственных строений к этому полупласту можно отнести несколько хозяйственных ям и полупогребов.

Типологически по основному признаку — использованию кирпичей для обкладки стен и дна, они объединены в одну группу. Четыре из них были обнаружены на уровнях нижних напластований культурного слоя. От двух сохранились только круглые, выложенные кирпичом площадки диаметрами 1,15 м, открытые в кв. Х19-Ф20 на уровнях +0,67 и +0,87 м. Если глубина их не превышала 1 м, можно считать, что обе относятся к периоду образования верхнего полупласта, хотя, конечно, их могли соорудить и позже.

Две ямы сохранились лучше — от них остались не только донца, но и часть стенок, выложенных кирпичом (рис. 24*а,б*). Открыты они на уровнях +1,07 м (яма в кв. П21-О22) и +1,13 м (кв. Т22-С23), но было очевидно, что верх у них разрушен примерно на половину глубины, а следовательно их устья находились где-то на уровнях +1,70 и +1,80 м. Аналогичные остатки еще одной кирпичной ямы были обнаружены на уровне +1,57 м (кв. У12-Т13). Она сужается ко дну, т.е. как и одна из предыдущих (рис. 24*б*) была "бочковидная". Глубина сохранившейся части около 1 м, поэтому вполне вероятно, что яма также относилась к этому полупласту.

Помимо обычных круглых в плане бочковидных или конусовидных ям, довольно небрежно выложенных кирпичом на глиняном растворе, а то и насухо, сооружались и весьма искусно облицованные ямы.

Таков небольшой квадратный погребок, открытый в кв. Ф14-У15 на уровне +1,74 м (рис. 24*в*). Размеры его устья 0,6-0,75 м, стенки сложены из 13 рядов кирпичей на глиняном растворе, причем второй ряд сверху был немного выдвинут в виде карниза, служившего опорой для деревянной крышки. Общая глубина погребка 1,14 м, он немного расширяется ко дну, размеры которого 0,8 х 1 м. Интересно, что погребок был, вероятно, надстроен — на его стенки было положено еще два ряда кирпичей, отличающихся от основной кладки небрежностью и иным раствором глины. Очевидно, надстройка стала необходима в результате роста культурного слоя вокруг погребка. В результате надстройки глубина погребка увеличилась на 0,13 м. Дно погребка выложено кирпичами, которые являлись ровным фундаментом для его стен. Заполнение мусорное с большим количеством костей животных, углей, золы, обломков кирпичей и обломками посуды. Кости принадлежали лошади, овце, корове, птице, рыбам, а керамика представлена обломками амфор (6), лепных горшков (8) и ручки поливного зеленого сосуда. Кроме того, здесь были обнаружены: половинка шиферного пряслица, сердоликовая круглая и реберчатая стеклянная бусины.

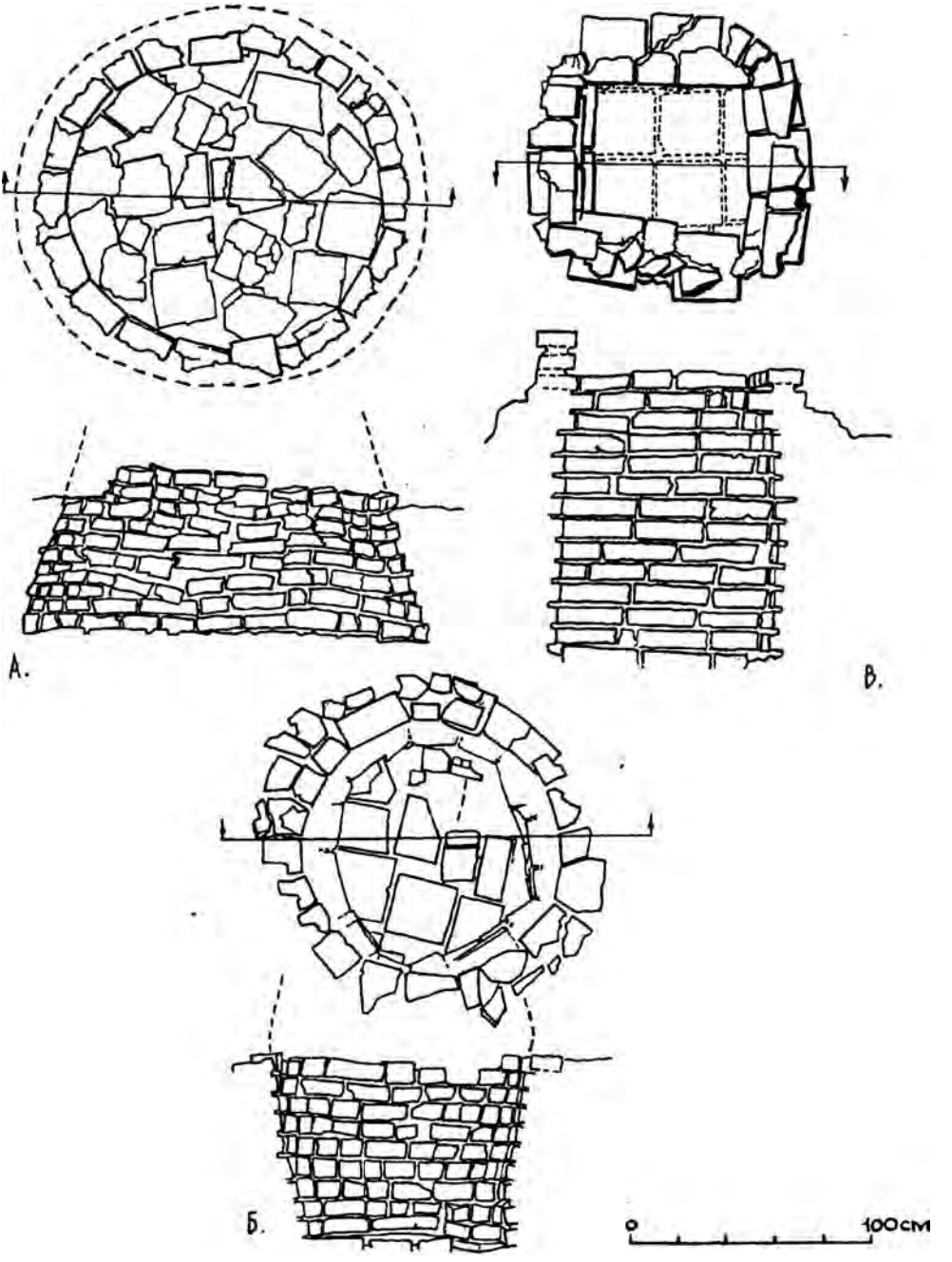

Рис. 24. Нижние части хозяйственных ям, облицованных кирпичом (*А, Б*), погребок с кирпичной облицовкой (*В*).

Остатки другого кирпичного "погреба" или какой-то неясного назначения углубленной в землю квадратной хозяйственной постройки были обнаружены в кв. Т26-С27 на уровнях +1,8 и +1,65 м. Она вплотную примыкала к юго-восточной крепостной стене, которая служила в ней четвертой стенкой. Три остальные были сложены из кирпича на глиняном растворе. Размеры этого сооружения 2,5 х 2,5 м, глубина всего 0,6 м (7 рядов кирпичей). Пол в нем плотный глинобитный.

Облицовка кирпичами стенок и дна стала практически необходима в период, когда их приходилось выкапывать в рыхлом слое, накапливавшемся очень активно.

Правда, изредка ямы все же сооружались и без кирпичей. Мы уже говорили о яме в жилище № 2, в которой стенки и дно для предохранения от осыпи обмазаны слоем глины. У аналогичной ей большой ямы, обнаруженной в кв. Ф14-У15 на уровне +1,74 м, стенки были закреплены толстым слоем зеленой глины, а дном ее служила подровненная поверхность кирпичной кладки саркельского здания.

Возможно, что стенки ям, от которых остались только круги, выложенные кирпичом, тоже были покрыты глиной и поэтому, заполненные тем же слоем, в котором их выкопали, не были замечены и зафиксированы на вышележащих уровнях.

Подведем итоги. Несмотря на крайне плохую сохранность строений в обоих полупластах этого пласта, мы можем уверенно говорить, что никаких существенных изменений сравнительно с нижележавшими наслоениями, т.е. более ранним временем, в домостроительстве не произошло. Это все те же наземные жилища с глинобитным полом, турлучными стенами и массивными крышами. Печи сооружались с подами, выложенными кирпичами, хотя продолжали бытовать и с глинобитными подами. Во втором (верхнем) полупласте реже стали попадаться очажки, почти исчезли кирпичные вымостки, а ямы облицовывались кирпичами, что в более раннее время не делалось.

Размещение жилых домиков на раскопанной площади несомненно подчинено определенному порядку — рядами. Постройки нижнего полупласта выстроены в ряды, ориентированные с СВ на ЮЗ. Это ряд из №№ 1-5 и ряд из построек №№ 9-12, к которому примыкают, вероятно, в качестве дополнительных надворных построек №№ 14, 17. Дома, относящиеся к верхнему полупласту, составляют ряд, ориентированный в направлении с СЗ на ЮВ: №№ 2, 5, 6, 7, 10, 11, 12. Это принципиальное изменение направлений рядов на разных уровнях четвертого (от "0") пласта и стало основной причиной разделения его на два полупласта. Была и некоторая разница в вещевом комплексе построек обоих полупластов, на чем мы остановимся ниже.

Выявленная рядность охватывает, к сожалению, только 16 построек в полупластах. Размещение остальных представляется беспорядочным, хотя сохранность их весьма затрудняет определение размеров и местоположение жилищ, а значит и соотношение друг с другом.

Разбросанные вокруг рядов остатки синхронных построек, погребов и ям затрудняют выявление проездов (дорог) вдоль них, т.е. возможности предположить наличие уличной планировки. Однако рядность и вероятность существования (или начала формирования?) улиц дают основание считать, что Белая Вежа превращалась из поселения в город. Вещевой комплекс, как нам кажется, подтверждает это.

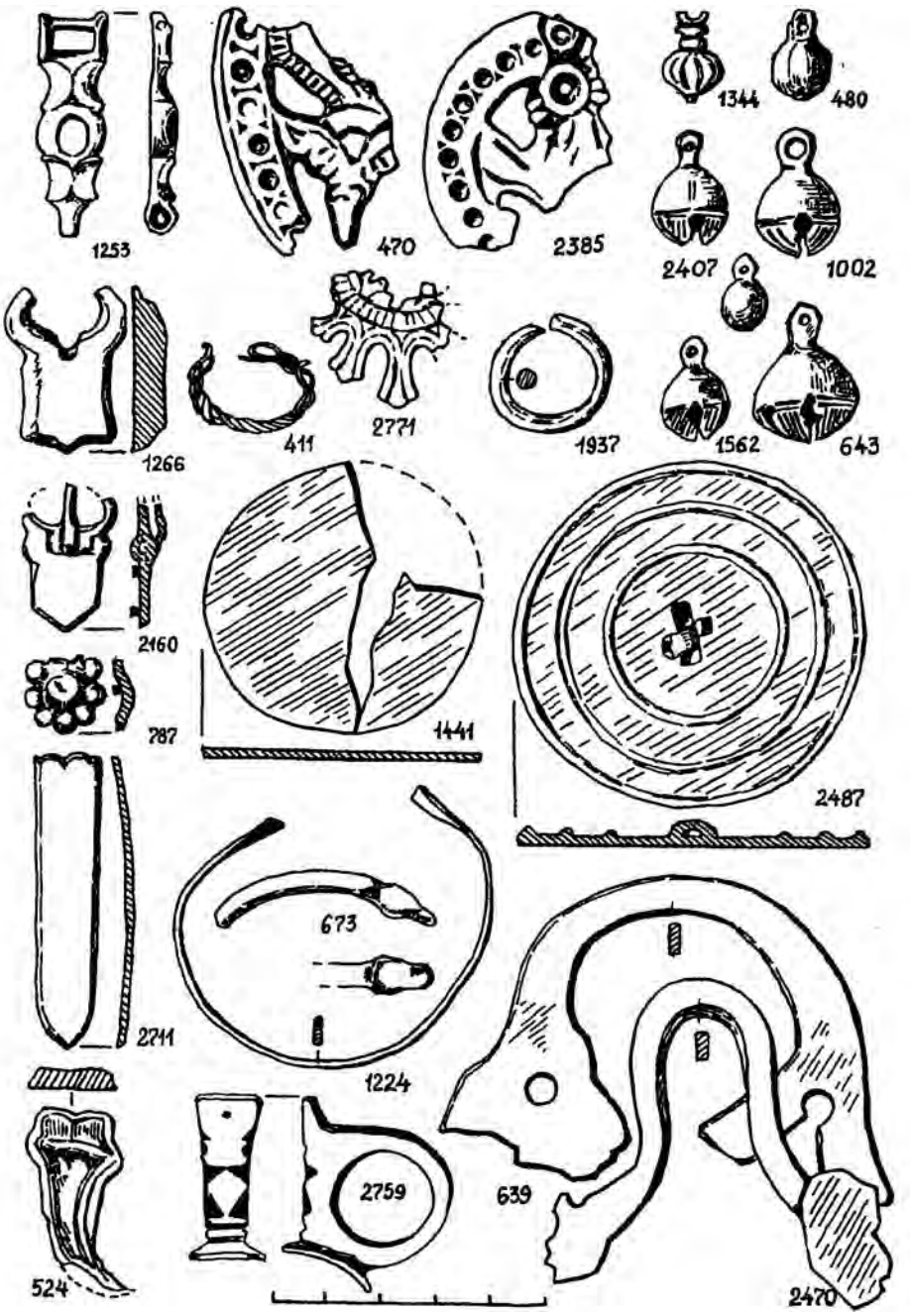

Рис. 25. Вещи из бронзы, характеризующие вещевой комплекс слоя третьей беловежской застройки.

В громадной массе обломков сосудов превалируют обломки тарной керамики, привезенной в Белую Вежу из Крыма (Херсонеса), иногда из Византии и с Таманского полуострова, в основном из Тмутаракани. В отличие от предыдущего пласта, в котором преобладали тарные тмутараканские кувшины, в данном пласте преобладают обломки амфор (их более 3000). Наиболее распространенным типом амфор были разные варианты так называемых "амфор с воротничком", четко датирующиеся XI в. Одна из таких амфор (раздавленная) была обнаружена в кв. Т23-С24 на уровне +1 м, т.е. на границе этого пласта с нижележавшим.

Обломков тмутараканских кувшинов почти в 10 раз меньше амфорных (всего 400). Их еще продолжали делать в Крыму и Тмутаракани, только немного изменился их облик: тулово стали формовать более раздутым, горло - более коротким с широким раструбом-венчиком, иным стал обжиг — сосуды из темно-красных стали оранжевыми, более тонкостенными и хрупкими. Именно обломки этих, немного видоизмененных, кувшинов и попадались в слое Саркела XI в.

Факт явного преобладания обломков тарной привозной посуды, датирующейся XI в., говорит о постоянном торговом общении Белой Вежи с провинциями, тесно связанными с Византийской империей. Очевидно, налаженная еще в саркельское время торговля с этими регионами продолжалась почти с той же интенсивностью и в Белой Веже.

Принципиальным новшеством в бытовом керамическом комплексе является появление в слое обломков древнерусских горшков (около 400). Попадаются они и в развалах домов: в нижнем полупласте меньше и реже, чем в верхнем (соответственно 10 обл. в 40 % развалов и 32 обл. - в 67 % развалов). Естественно, что горшки не везли через сотни степных километров в Белую Вежу. Они изготовлялись в этом городке, а это значит, что в нем появилось несколько ремесленников-гончаров (8, с.270).

Почти все обнаруженные в слое и комплексах обломки относятся к типичным для XI в. горшкам, что подтверждает дату, полученную при рассмотрении привозной тарной посуды.

Одновременно с производством древнерусской посуды практически полностью исчезли ремесленники, изготовлявшие хазарские кухонные горшки и лощеную посуду. В слое обломки тех и других попадаются только в перекопах, а в развалах жилищ их совсем нет.

Наиболее распространенной посудой в слое была лепная (более 1500 обломков). Сделана она из рыхловатого теста с примесью дресвы и нередко — травы. Обычно это горшки яйцевидной или яйцевидно-баночной формы со слабо отогнутым венчиком, гладкостенные — без орнамента и с орнаментом, составленным из отдельных элементов, так называемого "роскошного" стиля (арок, кружков, гирлянд). Размеры их весьма разнообразны — от маленьких детских (игрушечных) до крупных 2-3-х литровых сосудов (8, с.230-237). Многие из них с большой массивной ручкой, что сближает их по форме и назначению с кувшинами тем более, что у некоторых венчик немного изогнут, образуя своеобразный слив-носик.

К группе лепных сосудов относятся и так называемые "детские горшки", укреплявшиеся с помощью горизонтального венчика к люльке, а также многочисленные разнотипные светильники и игрушечные маленькие сосудики — неумелые и грубоватые копии больших лепных горшков.

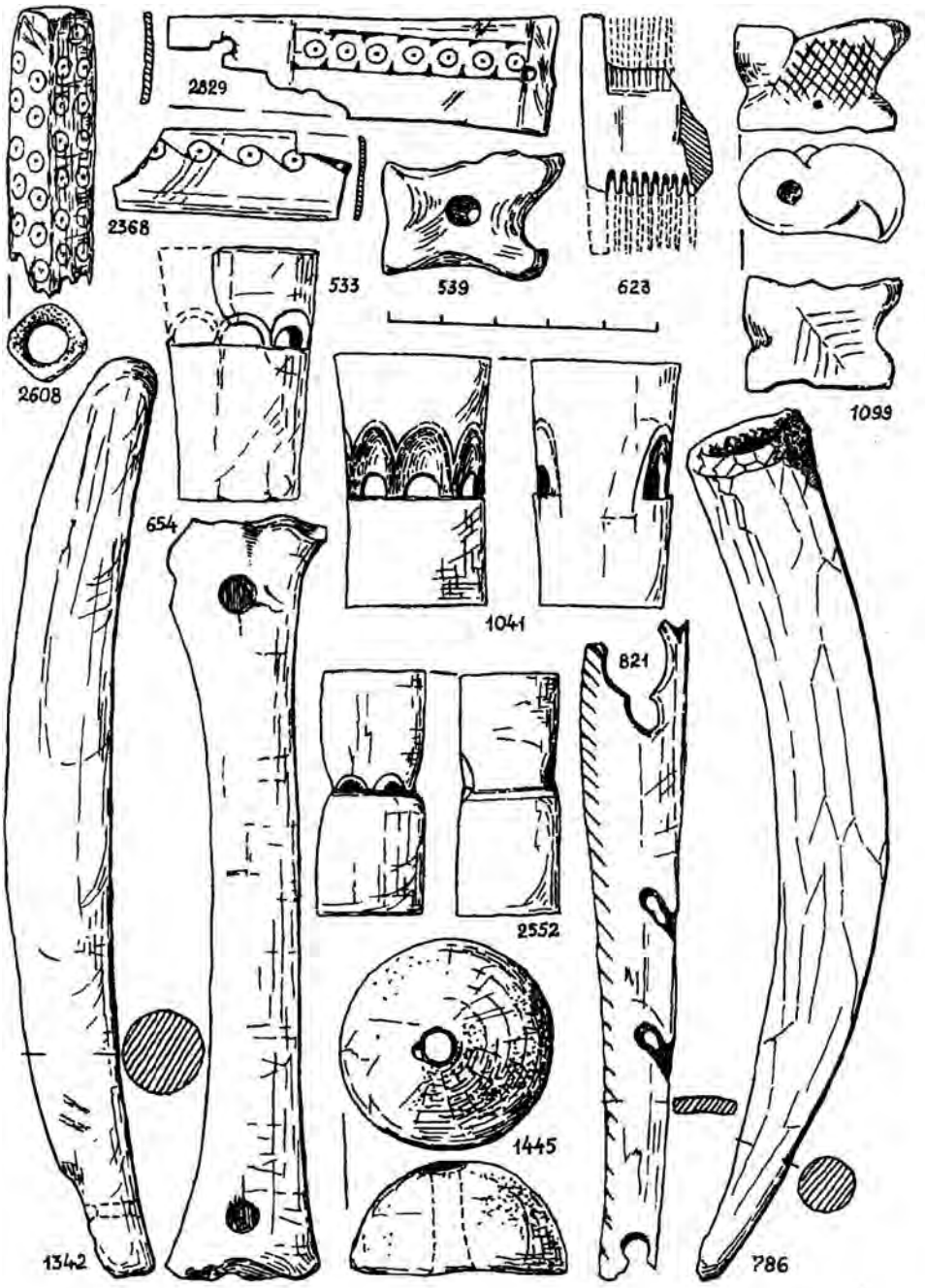

Рис. 26. Вещи из кости и рога из слоя третьей беловежской застройки.

Остальные находки, относимые также к категории массовых, не противоречат дате (XI в.), полученной нами при анализе керамических материалов. Таковы обломки стеклянных браслетов (46, в том числе 10 — в развалах домов). Как правило, браслеты синие или голубые, иногда - черные плоские с росписью, явно византийского производства. Кроме того, в слое попадались обломки маленьких детских браслетиков и три стеклянные перстенька. Как в любом древнерусском городе, стеклянные браслеты сопровождались находками шиферных пряслиц, хотя здесь их нередко заменяли и керамические, выточенные из плотных оранжевых амфорных черепков.

Следует отметить, что пряслица, изготовленные из черепков амфор или (реже) из стенок тмутараканских кувшинов — обычная находка на хазарских и постхазарских поселениях Тамани и Крыма, Предкавказья и Дунайской Болгарии в синхронных слоях и памятниках. Распространены они также на роменских и боршевских поселениях, а также в Волжской Болгарии (15, рис.52,*9*; 16, с.350; 17, рис.37 и др.).

Наряду с этими находками, которые обычно квалифицируются как массовые, хотя их в слое не так уж много, в нем попадалось и несколько десятков различных редко встречающихся в поселенческих и городских слоях предметов (рис. 25-27). Некоторые из этих вещей довольно точно датированы по многочисленным аналогиям из раскопок средневековых поселений и могильников. Это — радимичское височное кольцо XI-XII вв. (18, с.13), лазуритовые изделия XI в. (19, с.134), поливной кувшин XI-XII вв. (12, с.279). Для датировки слоя большое значение имеют находки двух византийских монет, обнаруженные в развалах комплексов нижнего (раннего) полупласта: одна из них херсонесского чекана монета Константина Багрянородного и Романа II (945-959) из комплекса № 18, вторая — монета Феодоры дочери Константина VIII (1055-1056) из комплекса № 21).

Таким образом, по совокупности всех данных датировка пласта в целом, т.е. нижнего и верхнего полупластов, не вызывает сомнений — вторая половина XI - начало XII вв.

Следует сказать, что помимо планировки поселения (различий в ориентировке рядов) удалось проследить и некоторые различия в вещевых комплексах развалов домов, относящихся к нижнему и верхнему полупластам.

Так, в большинстве жилищ первой половины XI в. часто попадаются следы какой-либо производственной деятельности: лощило (№ 1), тигельки (№№ 5, 120,14), литейная формочка (№ 5), бронзовый "лом", собранный, вероятно, для переплавки (№№ 12, 19, 21), янтарный лом и заготовки (№№ 5, 9, 14, 18). В этих же жилищах были найдены вещи, как-то связанные с всадничеством: костяные псалии (№ 5) и костяные накладки, украшавшие, видимо, колчан (№ 10). Добавим, что в культурном слое вокруг жилища № 10 было обнаружено несколько целых и обломков литейных форм для отливки деталей разных украшений.

Во второй половине XI в. остатки производства встречены в четырех развалах, причем только в виде "лома", а янтарных находок "сырья" нет совсем. Зато встречена лазуритовая заготовка (№ 3), что дает некоторые основания для уточнения даты лазуритовых поделок — второй половиной XI в.

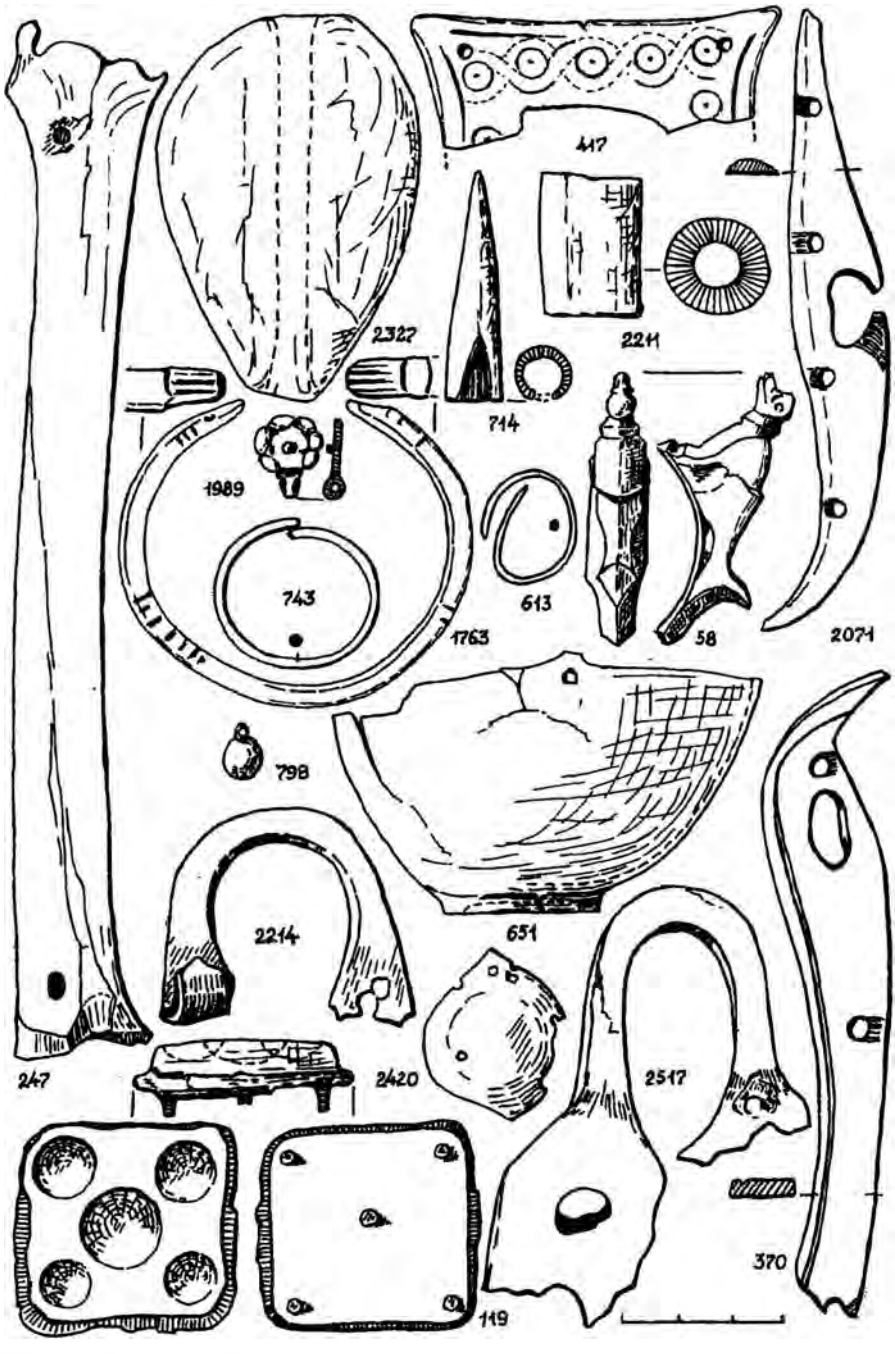

Рис. 27. Вещи из бронзы, кости и рога, характеризующие вещевой комплекс слоя четвертой беловежской застройки.

Следы сельскохозяйственной деятельности зафиксированы были в виде сгоревших запасов пшеницы и проса (в раннем периоде их нет). В слое попадались обломки жерновов и один верхний целый, а также крупное чересло, аналогичное череслам хазарского времени (9, с.168, рис.18; 20, с.132, рис.23,*4,6*).

Видовой состав домашних и диких животных, судя по обнаруженным и определенным зоологами костям, очень разнообразен. Домашние животные: овцы (более 4000 костей), коровы (более 1500), лошади (более 250). Верблюд, свиньи, козы, собаки и кошки представлены незначительным количеством костей (от 1 до 20-40). Столь же небольшое количество зафиксировано остатков диких животных, в основном - промысловых: кабана, сайги, оленя, лося, бобра, лисы, волка, барсука, разных птиц. На двух участках в раскопе - у юго-восточной стены (с внутренней стороны) и у стены цитадели были обнаружены кучи (свалки) рыбоперерабатывающего производства: масса слежавшейся чешуи, кости и даже целые рыбьи скелеты. Такие же свалки попадались в некоторых ямах, превращенных в помойки. Совершенно очевидно, что лов рыбы, заготовка ее (в основном копчение) и получение драгоценного рыбьего клея было одним из ведущих производств в Белой Веже XI в.

Мы видели, что все постройки второго полупласта погибли в общем большом пожаре. Этот пожар следует, по-видимому, связывать со взятием половцами Белой Вежи и уходом беловежцев "в Русь" в 1117 г., о чем нам сообщает русская летопись (21, с.202). Там на Черниговском пограничье была поставлена ими небольшая крепостица, названная Белой Вежей (22, с.5 - карта).

Однако не все беловежцы бросили свой степной городок. Остались жители, которые продолжали жить в разоренном укреплении. Об этом свидетельствуют материалы последнего, т.е. верхнего пласта культурного слоя городища.

6. Белая Вежа в XII веке

После снятия дернового слоя, иногда всего лишь в 0,1 м от поверхности и нигде не глубже 0,4 м, по всему раскопу, а особенно в его юго-восточной части, обнаружились остатки построек со стенами из сырца или самана. В большинстве случаев они представлены бесформенными расплывшимися массивами сырца, в которых с трудом можно было выделить отдельные сырцовые кирпичи (рис. 28).

1. Расчистка большого завала общей площадью около 50 кв.м раскрыла в кв. С23-Р24, С24-Р25 и Р24-П25 на уровне +2,3 м часть сырцовой стены длиной 2,5 м и толщиной 1,25 м. Высота этого "блока" достигала 0,5 м. Стена была поставлена параллельно юго-восточной стене крепости. К ней примыкал участок глинобитного пола, покрытый угольками и золой, а вдоль стены лежал кусок обгоревшей плахи, видимо, от перекрытия.

На полу были обнаружены развалы двух печей. От первой остались кусок пода из трех половинок кирпичей и три целых кирпича стенки, стоявших на ребре. Вокруг них — зола и натеки глиняной обмазки. От второй печи сохранились три кирпича — один от пода и два на ребре, а также несколько разбросанных кирпичей и рассыпанные вокруг зола и угли.

Под этим полом и ниже — под тонкой, подстилавшей его, углистой прослойкой, насыщенной костями животных (овцы, коровы, лошади и рыб), выявле-

ны следы пола второго слоя (примерно на уровне +2 м). Рядом, на этом же уровне был обнаружена вымостка из кирпичей (целых и обломков), уложенных небрежно, но сверху обмазанных раствором глины. У вымостки находился глиняный, слабо обожженный, круг диаметром 0,6 м, толщиной в центре 6 см, у краев 2 см. Тесто, из которого сделан круг, замешено на просяной мякине. Одна сторона его выпуклая, заглаженная рукой, другая плоская. На ней видны следы вращения в виде концентрических процарапанных линий. В центре круга — отверстие. По-видимому, круг служил утяжелителем нижнего диска ножного гончарного круга. Поблизости от него в полу были прослежены глубокие ямки от столбиков.

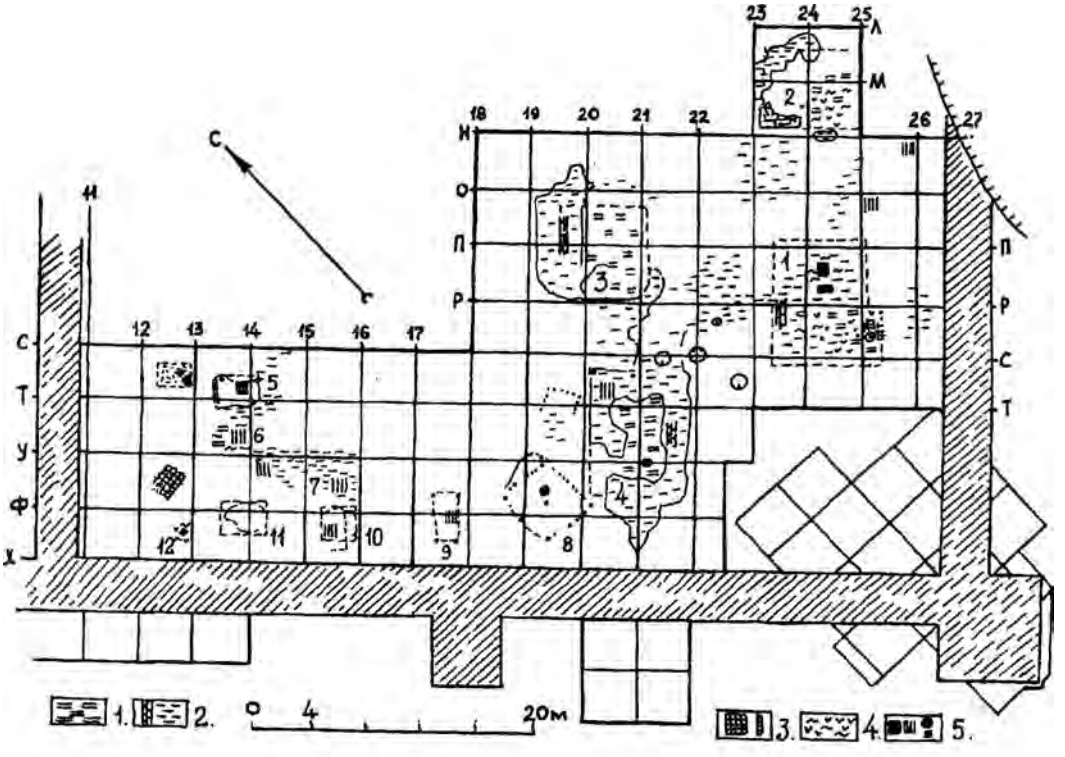

Рис. 28. Пятая беловежская застройка.
1 - обожженная глина, *2* - блоки сырцовых кладок и "разливы" глины, *3* - кирпичные вымостки, *4* - угли и зола, *5* - печи, очаги, развалы печей.

В целом, это довольно большое помещение (пол прослеживался на площади 8 х 6 м) могло быть гончарной мастерской. В таком случае понятно наличие в постройках двух печей: одна была хозяйственной, другая, находившаяся ближе к гончарному кругу, использовалась, вероятно, для подсушивания снятых с круга изделий.

Находки на полу, вокруг круга и второй печи в основном представлены обломками посуды: древнерусских характерных горшков XII в. (36) и одного разби-

того горшка, лепных толстостенных грубых горшков (31), амфор с высокими ручками XII в. (23), тмутараканских кувшинов (4). Кроме того, были обнаружены 16 обломков стеклянных браслетов, хрустальная круглая бусина, шиферное пряслице, обломок энколпиона и роговая крупная петля от колчана. Все находки позволяют датировать постройку первой половиной XII в.

2. Второй завал сырца был расположен северо-восточнее предыдущего и местами (разливами глины) даже смыкался с ним. Хорошо сохранился западный угол сырцовой постройки, одна стена которого ориентирована СЗ-ЮВ, перпендикулярно юго-восточной стене крепости. Длина стены 3 м, толщина 0,6 м, в высоту она сохранилась на три кирпича. Уровень ее основания +2,1-2,5 м. Другая стена этой постройки сохранилась хуже, но угол прослеживался очень четко. Кирпичи в этой кладке разной величины, длина из 0,3-0,5 м, ширина 0,15-0,25 м, а для сдвига швов иногда пользовались и кирпичами меньших размеров. Толщина кирпичей около 10 см. Остальные стены здания превратились в бесформенные развалы сырца. Внутреннее пространство постройки не было завалено глиной, т.к. стены обвалились наружу. Удалось расчистить значительный участок глинобитного сильно обожженного пола, покрытого золой и углями. На полу были обнаружены обломки амфор XII в.(75), тмутараканских кувшинов (5), древнерусских горшков XII в. (5), лепных горшков (3), а также два лепных толстостенных светильника (мисочки) и широколезвийный плотницкий топор с обгоревшим дубовым топорищем.

3. Третье сооружение с частично сохранившимися сырцовыми стенами, находилось в кв. Р19-П20, П19-О20, О19-Н20, Р20-П21, П20-О21 на уровне от +1,9 до +2,4 м. Остатки сырцовой стенки длиной всего 1,5 м, шириной 0,75 м сохранились на высоту в два-три ряда кирпичей. Кирпичи, как и в двух вышеописанных постройках, зеленовато-серые, а связующий их раствор красноватый. В этом здании он очень тонкий (1-2 см), кладка выложена тщательно в отличие от первого здания, в котором красным раствором иногда забивали пространства между небрежно уложенными кирпичами (толщина забивки достигала иногда 10 см).

Следует сказать, что и размеры кирпичей третьей постройки более стандартные: 25 х 18 х 10 см. Помимо описанного останца "блока", остальные стены постройки представлены комками деформированных кирпичей со следами красноватых прослоек или же просто разливами сырцовой глины толщиной около 0,4 м. Под завалом был расчищен обожженный глинобитный пол, покрытый углями и золой. Он, несмотря на поздние ямы, врезавшиеся в него, прослеживался на довольно большой площади: 3,8 х 4,5 м, однако определить границы этого здания по очертаниям пола не удалось. На полу был обнаружен развал печи, от которого осталось четыре кирпича пода и один от стенки.

В завале над полом и на полу были разбросаны обломки амфор, древнерусских горшков, кости коровы, лошади и овец, у печки найдены 12 сильно обожженных астрагалов. Кроме того, на полу обнаружены двусторонний гребень с накладкой XII в. (13, рис.5) и кость с глубокими нарезками, использовавшаяся при обработке кожи.

4. Четвертый завал сырца расположен на большой площади (более 100 кв.м) в кв. Х20-С22. Контуры этого завала весьма причудливы и извилисты, какие-то

более или менее определенные очертания стали улавливаться только в процессе расчистки. Так, был обнаружен один небольшой останец стены в длину 1,2 м и в два кирпича в высоту. Пол этого помещения был выявлен на уровне +2 м, он, как и в других постройках, глинобитный и довольно сильно обожженный. В северном углу в полу обнаружена ямка от массивного (25 см) столба, вдоль северо-восточного края — куски обожженной обмазки с отпечатками прутьев, куски сгоревших плах, угли, ямки от жердей, а на расстоянии 2,5 м от углового столба — ямка от аналогичного крупного столба. Здесь же в северном углу находилась, видимо, и печь, от которой сохранилось на полу пятно прокаленной глины диаметром около 0,6 м.

Сильная изрезанность этого комплекса не позволяет восстановить его контуры, однако по обрывкам пола можно предполагать, что размеры его равнялись примерно 7 х 10-12 м. Возможно, что постройка была разделена на два помещения, поскольку кроме остатков печи в юго-западной части пола находился второй очаг в виде тарелкообразного прокаленного углубления, заполненного золой, угольками и пережженными разбитыми костями животных.

При расчистке пола было обнаружено большое количество обломков амфор и древнерусских горшков XII в. Кроме того найдены венчик лепного кочевнического сосуда, украшенный "пышным" орнаментом, обломок лепного светильника-мисочки со сливом, шаровидная сердоликовая бусина, "трехбугорчатая" бусина из заглушенного стекла, обломки синих стеклянных браслетов, а также кости коровы, лошади, овец, сайги.

Все четыре описанных выше жилища располагались в юго-восточной части раскопа. Верхний слой северо-западного участка отличался худшей сохранностью строительных остатков. Сырцовые завалы здесь представлены бесформенными грудами глины, причем сравнительно небольших размеров.

5. Один из таких завалов, обнаруженный на уровне +2.4 и +2.6 м в кв. Т13-С14 и У13-Т14 и состоявший из глины, смешанной с обломками кирпичей, перекрывал глинобитный пол, площадью 3 х 2,5 м. Края пола неровные, но ясно, что постройка была прямоугольная, ориентированная углами по странам света. Вдоль северо-западного края пола прослежен ряд саркельских кирпичей. Под полом был обнаружен ровный, специально насыпанный слой кирпичной щебенки (толщиной в 6-8 см), служившей своеобразными "фундаментом" (прокладкой) под пол и сырцовые стены. В северном углу постройки обнаружена ямка от массивного столба, а у северо-восточной стенки находилась, видимо, печь, от которой остались шесть разбросанных в беспорядке кирпичей.

В развале были обнаружены немногочисленные обломки амфор и древнерусских горшков, костяной конек-лощило и много костей животных: овец (65), коров (45), лошади (9), собаки (8), рыбы.

6. Юго-западнее этого сооружения, в кв. У13-Т14 на том же уровне располагалось еще одно аналогичное жилище, от которого остался небольшой развал глины и под ним развал кирпичей вокруг зольного пятна (остатки печи). К печи примыкал участок глинобитного пола (2 х 1,2 м), подстилавшегося кирпичной щебенкой. На полу были обнаружены обломки амфор и древнерусского горшка, а также большое количество костей животных.

7. Еще один завал глины конструктивно близкого сооружения был расчищен в кв. Ф15-У16 и Ф14-У15. Размеры завала — 2,5 х 8 м. Очевидно он перекрывал два находившихся рядом жилища. От обоих остались на уровне +2 м участки глинобитных полов с развалами печей, а под полами обнаружены кирпичные подсыпки.

Одна из печей представлена развалом кирпичей, обломками кирпичей и обожженной обмазкой вокруг сильно обожженного глинобитного пода, покрытого золой. На поду была обнаружена маленькая раздавленная бронзовая мисочка.

Вторая печь сохранилась лучше. Она округлая в плане, сложена из половинок кирпичей на глиняном растворе (сохранилось в высоту два-три ряда). На глинобитном обожженном поду в центре лежал один кирпич, служивший, видимо, основанием поддерживавшего свод печи столба. Обломки и половинки кирпичей, перемешанные с золой, перекрывают эти остатки печи. Устье ее повернуто на юго-запад, с северо-западной стороны к печи примыкала низкая (в один горизонтально положенный кирпич) оградка, овальная в плане. Внутри ее находился слой слежавшейся золы толщиной 10 см.

Вокруг печи и в ней было обнаружено много костей животных: коровы, овец, лошади, кошки, попадались обломки амфор XII в. и горшков, видимо, древнерусских (стенки без орнамента). Там же найдены обломки точильного камня и мергелевой литейной формочки, куски шлака, заготовки из оленьего рога, листовидная стрелка с обломком древка.

Кроме построек с сырцовыми стенами в верхнем пласте, примерно на тех же уровнях, были обнаружены остатки построек с иной конструкцией стен.

8. Наиболее выразительным комплексом этой группы жилищ является сооружение в кв. Ф18-У19 и Ф19-У20, пол которого находился на уровне +2 м (рис. 29*а*). Пол глинобитный, сильно обожженный, толщина его 0,1 м. На нем — тонкий слой сажи, угольков, золы. В плане площадка пола прямоугольная, размеры ее 4,5 х 5 м, ориентирована сторонами по странам света. По периметру пола прослежены ямки-гнезда массивных столбов (диаметр до 0,3 м и такой же глубины). Находились они в углах и на середине каждой стороны. Кроме того в нескольких местах между столбами были вбиты ямки от обычных жердей. Вход находился на северной стороне, на ней вместо одного столба в середине стояли два на расстоянии 1 м друг от друга. Пол у входа был сильно утоптан. В центре пола была еще одна ямка от толстого столба, который вместе с двумя столбами на восточной и западной сторонах поддерживал конек крыши. Кроме столбов других остатков стен не сохранилось, возможно, они были плетневые из ивовых прутьев или тростника и с обеих сторон обмазаны глиной. Такой же была и крыша. Завал глины на полу, перемешанной с кусками кирпичей, обожженной глины, углей был, вероятно, остатками стен и крыши.

Печь не сохранилась, видимо, она была в южном углу, срезанном перекопом. В центральной части постройки напротив входа, рядом с центральным столбом находился характерный открытый "тарелкообразный" очаг диаметром 0,6 м, заполненный золой и угольками.

Слева от входа этого жилища было пристроено небольшое помещение, от которого сохранился глинобитный пол и две ямки от столбиков.

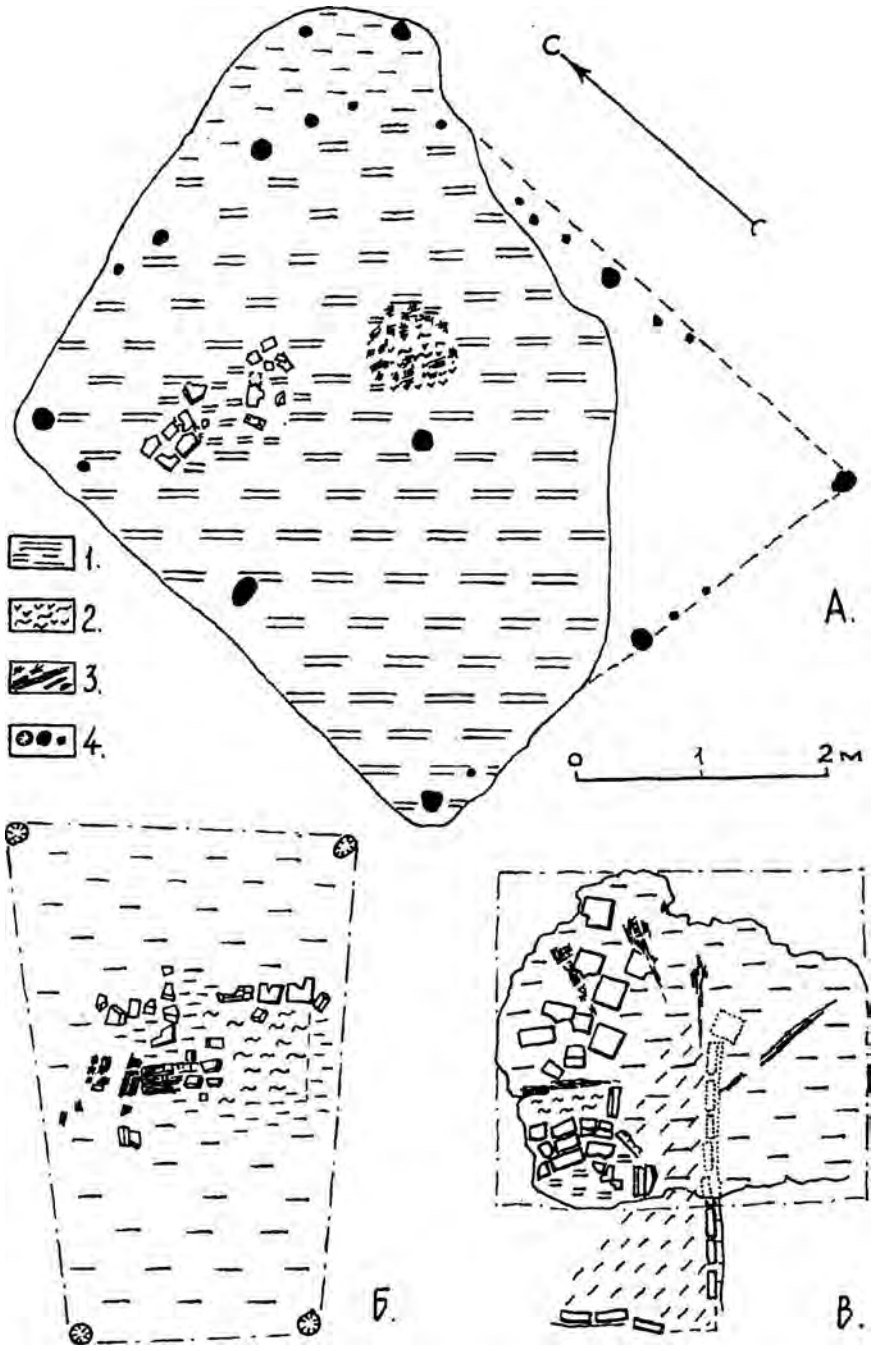

Рис. 29. Остатки наземных жилищ пятой застройки: *А* - № 8, *Б* - № 9, *В* - № 10.

В слое рухнувшей крыши в большом количестве были обнаружены кости животных: коровы, лошади, свиньи, козы, кабана, разных птиц и рыб. Там же найдены обломки амфор (14), хазарских горшков (11), лепных сосудов, один обломок древнерусского горшка и часть цилиндрического замка.

На полу при расчистке найдены: обломок амфоры, обломки хазарских горшков (5), древнерусских горшков (11), лепных сосудов (8) и окислившаяся и развалившаяся бронзовая бляшка, а под полом — обломки амфор XII в. (18), древнерусских горшков (21), лепных сосудов (31).

9. Остатки другой типологически близкой столбовой постройки расположены невдалеке от предыдущей в кв. Х17-Ф18, примерно на том же уровне (+1.85 м). Они были представлены сильно поврежденным ямами полом трапециевидного в плане сооружения (размеры его 4 х 1,85-2,6 м) с ямами от столбов по углам (рис. 29*б*). Ориентировано оно углами по странам света, т.е. как большинство обнаруженных в раскопе построек. На середине пола было скопление золы, а у юго-восточной стенки — следы очага или печи в виде обожженного пятна на полу и обломков кирпичей и глиняной обмазки вокруг. У северо-западной стенки лежали в беспорядке куски обугленных жердей. Крыша постройки держалась очевидно на угловых столбах и была односкатной. Стены же, судя по сгоревшим жердям, были плетневые на жердевом каркасе.

Находки на полу этой постройки немногочисленны: обломки амфор (5), древнерусских горшков XII в. (3), кочевнического лепного сосуда с насечками по краю венчика и фестончатым орнаментом, обломок светильника-мисочки. Кости животных, обнаруженные в жилище, принадлежали четырнадцати коровам и трем овцам.

К этому же типу наземных построек относились, по-видимому, остатки еще трех жилищ.

10. В кв. Х15-Ф16 обнаружен пол из двух слоев глинобитных подмазок размерами 2.,5 х 2,5 м (рис. 29*в*). На верхнем полу, на уровне +2,19 м в западном углу находился развал печи, стенки которой сложены из разбитых кирпичей. Под печи глинобитный прокаленный, покрытый золой. Вокруг печи на полу много золы и углей, а в них — остатки сгоревших жердей, расположенных радиально (возможно, от шатрового перекрытия?).

Ниже пола этого жилища примерно на 0,2 м находилась какая-то плохо сохранившаяся непонятного назначения оградка из поставленных на ребро кирпичей. Одна ее сторона длиной в 9 кирпичей (2,25 м), другая в 5 (1,25 м). Пространство между ними, шириной в 1,5 м было покрыто глиняной подмазкой. Ею же были обмазаны с внутренней стороны кирпичи оградки. Уровень ее совпадал с уровнем второго слоя подмазки жилого комплекса. Очевидно, эта постройка неоднократно перестраивалась и только в последний период она стала жилищем, поскольку только на верхней подмазке пола удалось обнаружить следы печи. Непонятная корытообразная оградка, связанная со второй подмазкой, имела какое-то производственное назначение и, возможно, помещение первоначально использовалось как производственное или хозяйственное.

11. В кв. Ф13-У14 на уровне +1,9 м открыт слой глинобитного пола, сильно обожженного, толщиной 8 см. Под ним прослежена угольная прослойка, а под ней

— еще один слой глинобитного обожженного пола. Размеры этого дважды горевшего помещения небольшие: 2,35 х 1,7 м. Уголь между полами тополевый, на втором полу обнаружены мелкие обломки бронзовой чашечки.

12. В кв. Х12-Ф13 на том же уровне, на очень небольшом участке сохранившегося пола, был обнаружен очажок, сложенный из двух кирпичей и половинки жернова. Устьем он обращен на север. В очажке и вокруг него много золы и углей. Под очажка глинобитный, прокаленный. Находки — незначительное количество обломков керамики: амфор XII в. (6), тмутараканских кувшинов (3), лепных горшков (4) и один обломок толстостенного пифоса, а также масса костей животных: овец (81), коров (34), лошади (7), бобра, птиц и рыб.

В отличие от предыдущего слоя, для которого были характерны ямы с кирпичными обкладками, здесь, несмотря на равные условия (рыхлость культурного слоя), стенки и дно ям не закреплялись никакой облицовкой. Это практически сделало почти невозможным их фиксацию и, хотя бы отчасти, исследовать.

Только на одном участке удалось открыть и расчистить три "земляные" ямы (кв. Т21-С23), относящиеся к этому пласту. Все они бочковидные или скорее — грушевидные, большие (диаметры устий 1 м, дна 1,5 м, глубина 1,5-1,75 м). Вокруг них был насыпан и утрамбован слой плотной коричневой глины, благодаря чему их заметили.

Значительный интерес имеют остатки еще двух комплексов, обнаруженных на уровнях этого пласта, относящегося к финальному этапу истории Белой Вежи.

В кв. Т12-С13 на уровне +2,6 м лежал скелет лошади без черепа и костей ног, разбросанные вокруг кости коровы (45) и овец (79), второй лошади (15), собаки (22), рыб (69), сломанные конек-лощило и костяная рукоятка ножа. Все это было .засыпано рыбьей чешуей, а в завале обожженной глины, видимо, от стен этой постройки было обнаружено также большое количество костей животных: овец, коровы, быка, лошади, собаки, рыб и птиц (рис. 30*а*). Обломков керамики немного: амфор XII в. (7) и древнерусского горшка (3).

Представляется очевидным, что открытые остатки не были развалом жилого помещения. Возможно, конечно, что это просто хозяйственное сооружение, но не исключено и иное объяснение — здесь находилось жертвенное место (небольшое святилище покровителя стада основных домашних животных).

Еще одно близкое предыдущему сооружение в верхнем слое на этом раскопе было обнаружено в кв. Ф12-У13 на уровне +2,3 м в виде довольно большого кирпичного завала, частично "сползшего" в более поздние ямы. По существу, это сильно разрушенная кирпичная вымостка на глиняной подмазке, состоявшая из целых кирпичей и обломков. И на кирпичах, и на подмазке много обгорелого дерева (тополя) и кусков извести, масса костей животных: овец (345), коров (115), собаки (42), лошади (12), рыбы (44), птиц, бобра и сайги, а также обломков керамики: амфор (55), лепных горшков (21), древнерусских горшков (9). Там же в завале обнаружены вставка из перламутровой раковины, обломок синего стеклянного браслета, кирпич с процарапанным на нем изображением "лабиринта".

Итак, в верхнем слое Белой Вежи (уровни от +1,9 до +2,6 м) на раскопе в южной части цитадели были обнаружены и исследованы остатки 12 жилых помещений различной сохранности, группа из трех ям, две постройки неясного (сакрального?) назначения.

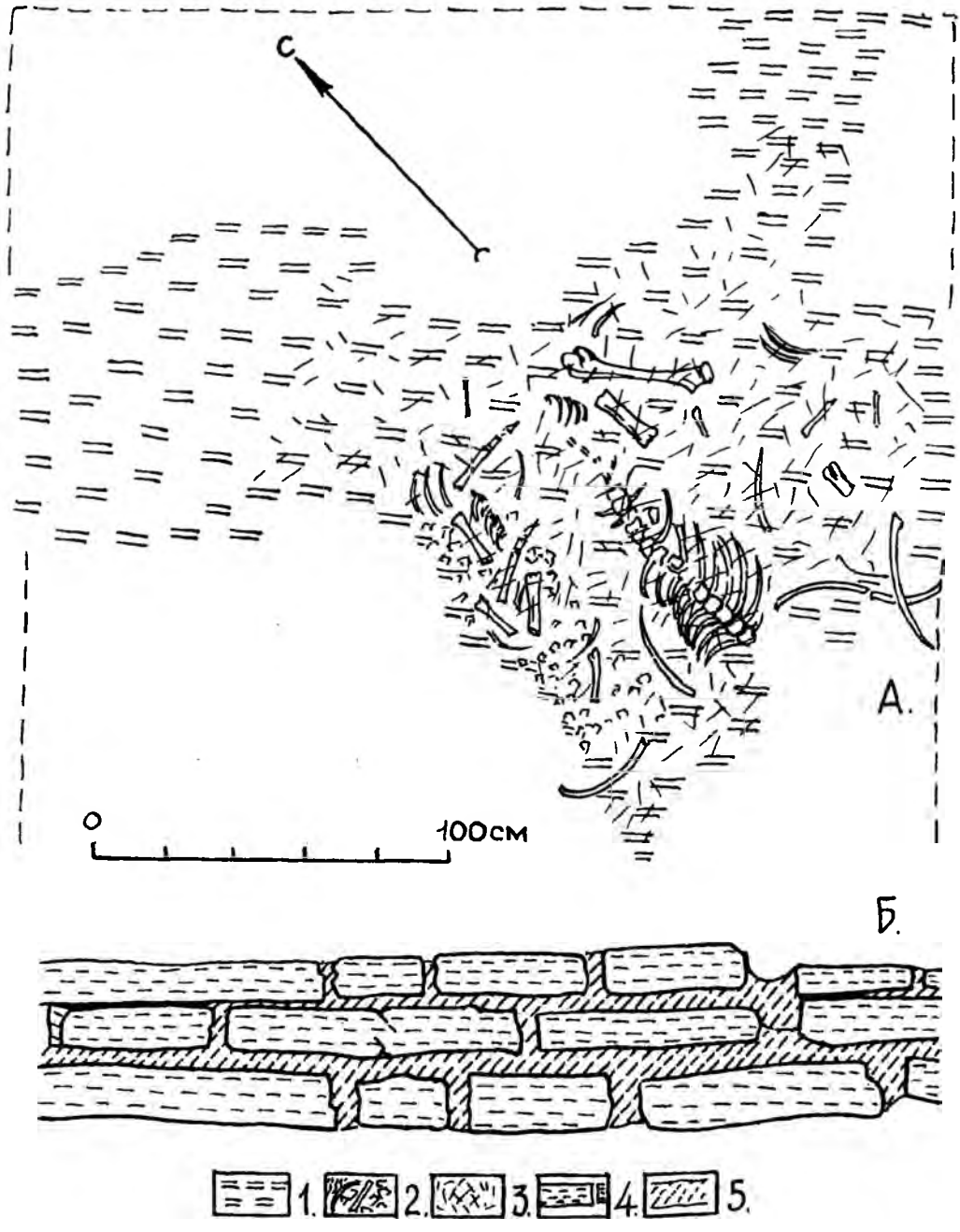

Рис. 30. Остатки "ритуального комплекса"(*А*) и фасировка блока сырцовой стенки дома № 2. *1* - обожженная глина, *2* - кости животных, *3* - кости и чешуя рыб, *4* - сырец, *5* - раствор глины.

Все жилые постройки относятся к группе наземных, а по конструкции стен они четко делятся на два типа. К первому следует отнести здания с сырцовыми массивными стенами, сложенными из серовато-зеленого сырца на глиняном красном растворе (рис. 30*б*). Поверхность стен изнутри, судя по находкам сгоревшей обмазки с отпечатками прутьев в одном из развалов домов, иногда обкладывалась плетнем и поверх его обмазывалась глиной. Размеры домов были, как правило, довольно значительны: площадь самого небольшого здания равнялась 16 кв.м, а самого крупного — более 70 кв.м. Полы в таких домах глинобитные ровные. В нескольких из них под полом насыпан слой мелкодробленой кирпичной щебенки, служивший своеобразным "фундаментом" (основой) не только для пола, но и для тяжелых стен. Кровли, состоявшие из крупных плах-стропил, промежуточных "перевязов"-жердей, камыша и глиняной обмазки опирались на эти стены, выдерживавшие тяжесть крыш без дополнительных креплений-столбов. Остатки и следы печей сохранились не во всех жилищах, но то, что удалось открыть и исследовать, позволяет говорить о двух типах печей. Первый — с подом, выложенным кирпичами и стенками из вертикально поставленных (на ребро) кирпичей, второй — с глинобитным подом и стенками из обломков кирпичей и камней, обмазанных глиной.

Второй тип жилых построек представлен остатками домов со стенами турлучной конструкции, т.е. плетневыми, промазанными с обеих сторон глиной. Столбы и жерди, поддерживавшие стены и кровлю, как правило, довольно глубоко вбивались в пол. Размеры этих домиков много меньше сырцовых: наибольший размер — 22 кв.м, наименьший — всего 4 кв.м. Полы в них глинобитные, но под ними ни разу не встречено щебневой подсыпки. Отопительные устройства довольно сильно отличались от печей жилищ с сырцовыми стенами. Во-первых, под печей, по существу, являлся частью пола, окруженной битыми кирпичами (или их половинками), обмазанными глиной, во-вторых, в одном из жилищ очажок был сооружен только из двух боковых кирпичей и половинки жернова, в-третьих, в другом жилище отопительное устройство представляло собой "тарелкообразное" углубление в полу, расположенное в центре жилой части помещения.

Характерно расположение разнотипных жилищ на раскопанном участке. "Сырцовые" преобладали в восточной части, "столбовые" — в юго-западной.

Несмотря на очевидные различия, ориентировка построек, за одним исключением, всегда была углами по странам света, т.е. соответствовала ориентировке крепостных стен. А это значит, что последние в то время еще в той или иной степени еще возвышались над поверхностью.

Весьма существенен тот факт, что все открытые на раскопе жилые комплексы, относящиеся как будто к последнему периоду жизни в этой полуразрушенной крепости, погибли в пожаре (а некоторые несут следы двух пожаров) и после этого были еще перекопаны многочисленными ямами. Последние, как нам представляется, не являлись результатом работ по выемке кирпичей, т.к. грабительские траншеи были хорошо видны на поверхности и зафиксированы археологами до раскопок. По-видимому, даже после тотального уничтожения жилищ здесь еще продолжалась жизнь. К сожалению, поздние ямы совершенно не прослеживались в грунте, очертания ям неопределенны и обнаружить их наличие удавалось только тогда, когда они врезались и разрушали остатки сгоревших построек. Назначение их, естественно, неопределимо.

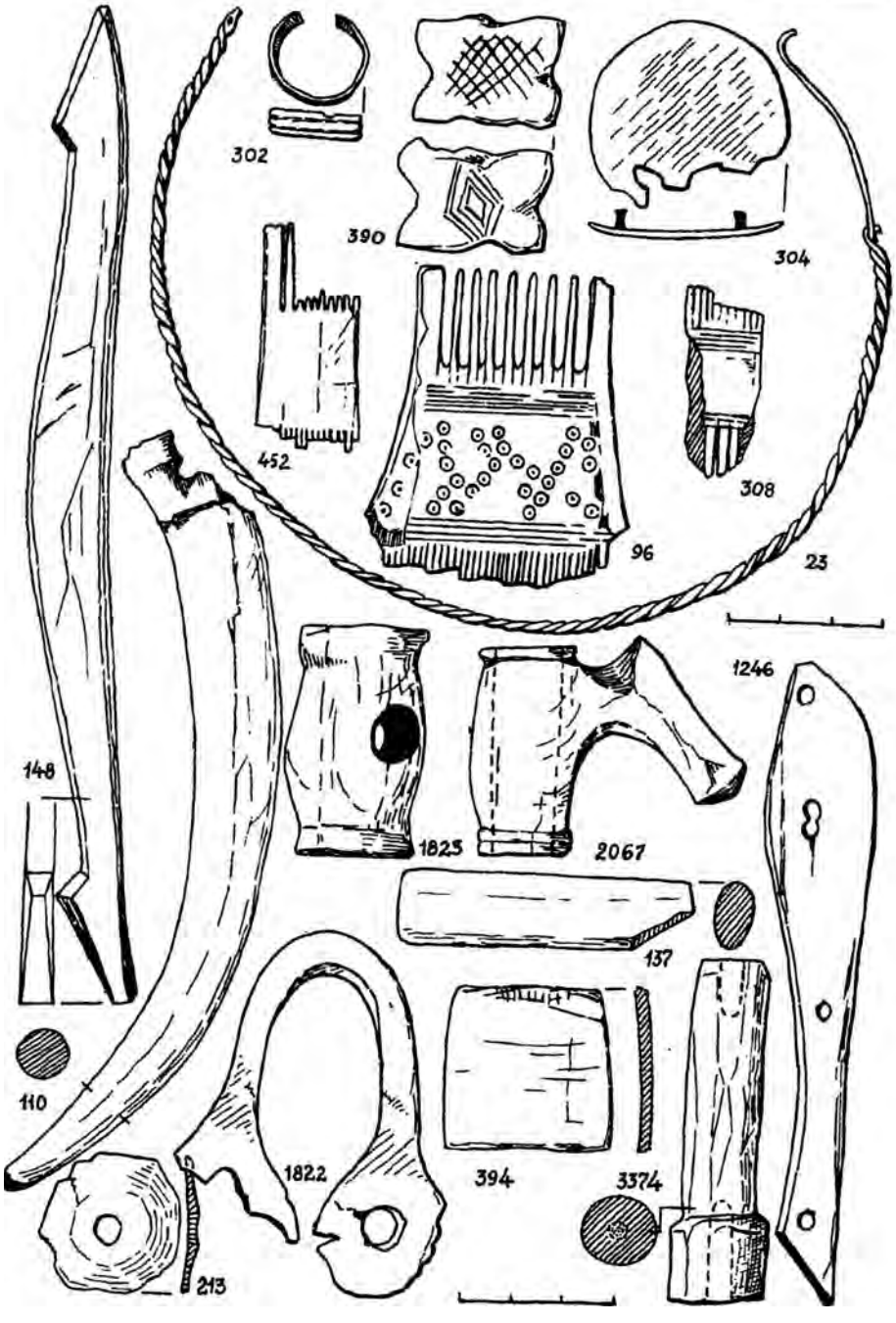

Рис. 31. Вещи из бронзы, кости и рога из пятого (верхего) слоя застойки Белой Вежи.

Датировка комплексов с достаточной уверенностью устанавливается по находкам в них (на полу и в слое разрушения) обломков амфор с высокими ручками XII в. и древнерусских горшков того же времени. Несмотря на то, что во всех комплексах, наряду с предметами XII в. попадались и более ранние, принадлежность построек к XII в. не вызывает сомнений. Состав находок в слое, окружавшем сгоревшие строения, аналогичен обнаруженному в комплексах. Керамика представлена обломками древнерусских горшков, хорошо сформованных и обожженных, с характерным для XII в. выделенным бортиком на профилированном венчике. Орнамент на них чаще всего нанесен "колесиком" в два-три ряда. Наряду с обломками горшков попадались и крышки от них с таким же орнаментом или украшенные волной и насечками. Другой, не менее характерной группой является тарная посуда: обломки амфор XII в. Одна целая амфора этого типа была обнаружена на груде обожженной глины в кв. Т15-С16 на уровне +2,46 м. Наконец третьей, типичной для этого слоя керамической группой является лепная керамика, обломки которой встречались даже чаще древнерусских. Как правило, это обломки сковородок, мелких (детских? игрушечных?) сосудиков, довольно грубых баночных горшков. Для уточнения датировки слоя, как нам кажется, может служить одна из наиболее поздних находок на городище: сельджукидская монета Масуда (1133-1152). Правда, найдена она была в более ранних напластованиях (на уровне +1,21 м). Очевидно, монета попала в незамеченный археологами перекоп (яму). Как бы там ни было, но верхняя дата монеты является, видимо, датой, наиболее близкой к окончанию жизни на развалинах этой крепости.

Остальные находки (обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица), как в комплексах, так и в слое, соответствуют устанавливаемой для них дате — первая половина XII в. (рис. 31).

Интерес представляют также и обнаруженные в слое кости животных, среди которых преобладают кости овец (717), коров (325), лошадей (более 70), собак (90) и рыб (более 150). Кости других животных попадаются в слое в небольшом количестве (1-5), но они важны при определении видового состава окружавшей жителей Саркела фауны. Это домашние животные: кошки, свиньи, козы, верблюды и дикие: сайги, олени, кабаны, лисы, бобры, барсуки и разные птицы.

Отметим распределение в этом пласте массовых находок (обломков керамики и костей) на раскопе. Поквадратные подсчеты показали, что скопления их сосредоточены снаружи вдоль крепостных стен (это были, видимо, места свалок-помоек), что является дополнительным свидетельством существования и даже вероятного частичного использования стен в качестве оборонных рубежей вплоть до полного запустения поселения.

7. Заключение

В начале работы, анализируя профили, мы показали крайнюю разрушенность культурного слоя Левобережного Цимлянского городища. Этот факт привел нас к необходимости строить стратиграфические исследования на основе "распластования" слоя, т.е. рассмотрения остатков жилых и хозяйственных построек и находок по глубинам (уровням залегания) в слое. Опираясь на эти тщательно зафиксированные в поле данные, удалось, как нам кажется, создать обос-

нованное деление слоя на пласты и даже полупласты (полуслои). В процессе работы с материалами оказалось, что это первоначально условное (априорное) деление фактически почти всегда соответствовало реальному нарастанию культурных напластований на изучаемом участке городища.

В отличие от подавляющего большинства археологических памятников (древних городов и поселений), начало и конец которых и, тем более — какие-либо крупные события в их жизни, неизвестны и приходится устанавливать их путем изучения и датировки слоя, основные вехи истории Саркела - Белой Вежи известны благодаря сохранившимся письменным свидетельствам. Последние стали для археологов хронологическими "реперами", которые позволяют уточнить датировки напластований этого памятника. Так, первым репером является обстоятельное сообщение императора Константина Багрянородного, из которого следует, что крепость Саркел была поставлена на берегу Дона в 30-е годы IX в. (833-837 гг.) (23, с.171-173). Второй репер, значительно менее подробный, а следовательно - и важный, это перечень в письме царя Иосифа (середина X в.) городов Хазарского каганата, в числе которых упомянут "Ш-р-кил" (Саркел) (24, с.102). Третий репер — запись в русской летописи под 965 годом о взятии Саркела князем Святославом Игоревичем (21, с.47). Наконец, четвертый репер — еще одна летописная краткая запись о переселении беловежцев на Русь в 1117 году (21, с.202).

Следует сказать, что именно все эти описания и упоминания в письменных источниках, сопоставленные с данными разведки и последующих затем небольших раскопок на Левобережном Цимлянском городище позволили М.И.Артамонову еще более 60 лет назад идентифицировать этот археологический памятник с развалинами хазарского Саркела и древнерусской Белой Вежи. В результате в наше время уже стало забываться первоначальное название городища "Левобережное Цимлянское". Практически общепризнанно стали считать и именовать его Саркелом - Белой Вежей.

Однако много большее значение имели письменные реперы для "чтения" культурного слоя — для его хронологической периодизации.

IX век представлен на раскопанном участке только кирпичными зданиями. Долгое время цитадель не застраивалась, поскольку в ней обитали воины гарнизона, жившие в казарме, и их начальник — хозяин донжона. Гарнизон из 300 воинов, согласно сообщению Константина Багрянородного менялся каждый год, поэтому воины не селились в цитадели, а несли службу в крепости. Видимо, поэтому не сохранилось здесь ни обломков керамики, ни других менее распространенных вещей (хотя бы обломков сбруи или оружия), ни даже самих "культурных" напластований: ясно, что площадка у казармы и вокруг донжона тщательно убиралась. Этот первый период полного использования кирпичных построек Саркела и на других участках крепости отличался малой бытовой застроенностью. Однако там все-таки разрешалось селиться и заниматься ремеслами (25, с.188-190).

В начале X в. обстановка изменилась. Многие кирпичные сооружения в Саркеле были заброшены, стены их разбирались для хозяйственных нужд, а некоторые здания частично, после небольших перестроек использовались в качестве жилищ. В цитадели, как мы видели, прекратила существование казарма, внутри и вдоль нее поставили несколько хозяйственных и жилых строений. Донжон же

продолжал функционировать и его окружили небольшие домики, вероятно, принадлежавшие семьям воинов или челяди. Вот в этот период отложились в цитадели первые 10-20 см культурного слоя, перекрытые мощным пожарищем, которое мы можем связывать с разрушениями Святослава в 965 году. Этот слой разгрома, забитый разбитой посудой в значительной степени был перемешан со строительным мусором новой застройки новыми жителями Белой Вежи (боршевцами и отчасти печенего-гузами).

Первая беловежская (боршевская) застройка довольно быстро сменилась новой. Котлованы полуземлянок были засыпаны и на освободившейся площади начали ставить наземные весьма характерные в саркельское время домики с турлучными стенами и кирпичными печами. Очевидно, в новой застройке приняли самое активное участие вернувшиеся на пепелища уцелевшие саркельцы, о чем свидетельствует также преобладание в этих домиках хазарского керамического комплекса. Появились в цитадели и первые кочевники с женами, лепившими собственные горшки и украшавшие их "роскошным" орнаментом и сооружавшие из кирпичей в домах и рядом с ними маленькие квадратные очажки. В этот период разрушен был и донжон, нижние части стен которого еще использовались, правда, в качестве стен новых построек.

Так, на месте цитадели, занятой привилегированной частью населения крепости во времена Саркела, в Белой Веже возникло многоэтничное поселение. Занятия его жителей, как и во всей крепости, были весьма разнообразны. Здесь жили ремесленники, скотоводы, рыболовы и охотники, земледельцы и торговцы. Не было, видимо, только воинов. Во всяком случае от них в цитадели никаких "следов пребывания" не сохранилось. Надо сказать, что жизнь в Белой Веже того времени была неспокойная. Трудно сказать, по какой причине в ней случались частые пожары. Несколько домов горело и отстраивалось два-три раза. По-видимому, есть основания считать эти пожары результатом вражеских набегов на крепость, которая еще имела крепкие стены и башни, особенно в юго-восточной части, т.е. в цитадели. Но домики во время осады наиболее защищенной части, поджигали летящими зажженными стрелами, не захватывая поселение целиком.

Весьма существенно, что поселение того периода, т.е. во второй половине X в. не имело рядной планировки. Даже в хазарский и "боршевский" периоды застройка шла в соответствии с ориентировкой крепостных стен — на данном участке — вдоль юго-западной стены. Здесь же, несмотря на то, что дома были всегда ориентированы, как и крепость, углами по странам света, рядности в их расположении проследить не удалось. Застройка была беспорядочной или же, возможно, "гнездовой", но и "гнезда" практически не выявляются.

Изменения произошли в следующий беловежский период, относящийся к XI в. (слой IV). Прежде всего уже в первой половине XI в. наметилась "рядность" в расположении жилищ по линиям СВ-ЮЗ, а во второй половине этого века — по направлению СЗ-ЮВ, т.е. вновь вдоль юго-западной стены, как ставили свои домики первые поселенцы на территории цитадели.

Существование рядности и, возможно, улицы (сплошного проезда вдоль линии домов), появившейся во второй половине XI в., является одним из городских признаков.

Конструкции самих домиков не претерпели существенных изменений. Это были прежние небольшие наземные строения, преимущественно с турлучными стенами, глинобитными полами и печками, сложенными из кирпичей. Существенно, что среди них попадались и овальные в плане постройки и даже изредка "тарелкообразные" очаги в центральной части пола. В то же время кирпичных очажков стало заметно меньше.

Резко изменился керамический комплекс. Кухонная хазарская керамика исчезла из употребления. Вместо нее широко распространились древнерусские горшки. Естественно, исчезла из употребления лепная славянская (боршевская) керамика, хотя лепная кочевническая посуда с "роскошным" орнаментом продолжала изготовляться, только орнамент на ней стал менее пышным.

Заметно возросло количество обломков стеклянных браслетов и шиферных пряслиц, находки которых наравне с древнерусскими горшками сближают беловежский слой со слоями всех раскапываемых городов Древней Руси XI в. — от Новгорода и Владимира до Киева, Рязани и Тмутаракани. С последней сходство особенно велико, поскольку Белая Вежа насыщена обломками амфор, аналогичных тмутараканским и постоянно поступавшим в оба города из Крыма и других византийских провинций. Однако в Тмутаракани древнерусской посуды много меньше, чем в Белой Веже, поскольку во второй половине XI в. этот город фактически был уже отрезан и оторван от русской метрополии половцами, захватившими южнорусскую степь и все дороги, связывавшие его с Русью (26, с.69-70) .

Что касается Белой Вежи, то этот небольшой торгово-ремесленный городок на протяжении всего XI в. оставался древнерусским. Представляется весьма вероятным, что тогда была построена вторая линия обороны вокруг крепости, состоявшая из громадного проточного рва, отрезавшего в два раза больший участок берега, чем это сделано было при строительстве Саркела (рис. 1). Вдоль внутреннего края рва начали сооружать не менее грандиозный вал. К сожалению, он не был прорезан и мы не можем сказать о тех конструктивных приемах, которые использовали строители при его сооружении. Создается впечатление, что не везде он был полностью достроен, т.к. в некоторых местах его расплывшиеся очертания не удалось проследить. Зато великолепно видны вдоль всей длины рва выкиды из него, которые не успели или не захотели разровнять, так же, как не успели или не захотели достроить вал. Возможно, что широкий проточный ров вполне удовлетворял все потребности обороны — отрезанный им кусок берега практически стал мало доступен и без вала, а выкиды явно усложняли подход к нему, служа дополнительной оборонной цепью. Выкиды, особенно у южного конца рва, где они самые мощные, т.к. ров в этой части должен был быть значительно глубже уровня реки, стали в первую очередь использоваться как городское кладбище. Самые ранние погребения на нем относятся к началу XI в. (27, с.101-107). Это позволяет датировать строительство второй линии обороны не позже этого времени. Возникновение первого отдельного кладбища на специально отведенной для него земле вне города также, как и намечающиеся улицы, свойственно городам с развитыми экономической и бытовой культурой. До этого мертвых хоронили прямо в крепости среди домов или у ее стены, следуя, очевидно, еще хазарским традициям, согласно которым погребения нередко совершались на территории поселений (28,

с.49,65,67, рис.21 и 31; 29, с.8, рис.2).

Весьма интересен факт появления примерно в это же время рядом с южным беловежским кладбищем кочевнического (печенего-гузского) могильника (30, с.43-61). В нем погребали тех кочевников, которые начали селиться в растущем городке. Их пустили в него на условии несения службы по охране города, на что справедливо указывал М.И.Артамонов (3, с.76-78). В качестве основного контингента беловежского гарнизона они были помещены на землю прежнего (хазарского) гарнизона - в цитадели, что в значительной степени обусловило своеобразие облика бытовой культуры цитадели, заметно отличавшейся от культуры остальных районов крепости. Это выражается, во-первых, в наличии здесь небольших овальных домиков, во-вторых, в большем, чем на остальной площади, количестве кирпичных очажков, в-третьих, в массе лепной керамики, украшенной "роскошным" орнаментом и связанной с миром печенего-гузских древностей (8, с.230-238), в-четвертых, именно в цитадели сосредоточено подавляющее большинство всех найденных в Белой Боке лазуритовых изделий, характерных для кочевников евразийских степей XI в., а также обломков типичных в печенего-гузских древностях копоушек с фигурными ручками, многочисленных железных петельушек для подвесных железных казанов и пр.

Еще более выразительным подтверждением преобладания в цитадели оседающих кочевников являются, по нашему мнению, редкие находки, связанные с земледелием, и в то же время очень развитое полукочевое или скорее — отгонное скотоводство, о котором мы судим по составу костного материала из слоя. Несмотря на то, что в целом состав стада почти аналогичен стаду, восстанавливаемому по костям животных со всей раскопанной территории Белой Вежи, в цитадели процент овец в стаде заметно выше (соответственно 40 % и 60 %).

Мы неоднократно говорили о том, что пожары были постоянным бедствием в Белой Боже и в X, и в XI вв. Слой XI в. пронизан их прослойками и нет практически ни одного развала, в котором не было бы признаков гибели постройки в пожаре. Однако интерес представляет тот факт, что домики верхних горизонтов этого слоя явно погибли в единовременном мощном пожаре, который хорошо заметен и на профилях. Вслед за М.И.Артамоновым мы можем уверенно связывать его с беловежским пожаром 1117 г., после которого беловежцы, по данным русской летописи, ушли из города, а на следующий год половцы разбили на Дону соединенные силы печенегов и торков (гузов) и те также последовали к русским границам, вслед за первыми переселенцами, и вероятно, осели там поблизости от новой Белой Вежи.

После этих событий, свидетельствующих как будто о прекращении жизни в Белой Веже, в летописи под 1149 годом вновь упоминается Белая Вежа, но на этот раз с "поясняющим" эпитетом "Старая" (31, с.377). Логично предположить, что в данном случае имелась в виду не пограничная крепостица Черниговского княжества, а прежняя Белая Вежа, т.е. бывший Саркел — развалины старого городка (32, с.98). Следовательно, Белая Вежа продолжала существовать в половецких степях вплоть до середины XII в., несмотря на уход из нее части населения и охранявшего город гарнизона печенегов-гузов, разгромленных половцами.

Это прекрасно подтверждается, как мы видели, археологическими данными.

Слой первой половины XII в. перекрывал пожарище начала этого века. Городок второй раз на протяжении своей 300-летней истории возродился буквально из пепла. Очевидно хазарские правители очень верно рассчитали выгоду его расположения на скрещении сухопутных дорог (6, глава 5), многие из которых продолжали функционировать и в XII в. Место буквально притягивало к себе торговый и ремесленный люд. Городок вновь, как и в X в., был заселен прежними, оставшимися в живых жителями, вернувшимися к своим сгоревшим домам. Археологи хорошо знают, что периоды бедствий, как правило, отмечены бывали захоронениями кладов. Несмотря на большую вскрытую на городище площадь и два тотальных разгрома, кладов в Саркеле - Белой Веже, за одним исключением, обнаружено не было. Исключение относится к первому разгрому — взятию Саркела князем Святославом в 965 году.

Клад был обнаружен в западном углу крепости и к цитадели не имел отношения. Для нас он представляет интерес только как пример "невостребованного" владельцем сокровища. Владелец, видимо, не вернулся, т.к. был убит, защищая Саркел. Обычай зарывать (прятать) дорогие вещи в годину опасности повсеместен. Поскольку кладов в Белой Веже нет, мы можем объяснить это тем, что жители, как правило, не уничтожались полностью — им удавалось скрыться и затем - вернуться к брошенному (спрятанному) имуществу. О возвращении жителей на обжитые места обитания свидетельствуют и сохранение строительных традиций, и антропологические данные: основная масса населения в оба исторических периода относилась к группе брахикранов среднеазиатского междуречья (27, с.104).

Возвращение на пепелища произошло после пожара и разгрома Саркела, то же случилось и после 1117 года. Следует сказать, что возрождение в оба раза сопровождалось появлением каких-то новых черт в культуре (в домостроительстве, керамике и пр.), становившихся, наряду со старыми, характерными признаками новой эпохи. Наиболее яркой, ранее неизвестной в Белой Веже особенностью в XII в. стали постройки, стены которых сложены из саманных кирпичей. Разливы самана разлиты по всей площади Белой Вежи, но в цитадели саманные дома сохранились лучше, местами остались даже небольшие отрезки кладок. Наряду с ними строились и обычные дома с дощатыми (или плетневыми) стенами, укрепленными столбами и обмазанными глиной. Внешне они, должно быть, были почти одинаковы с саманными. Можно, конечно, предполагать, что разные типологически постройки принадлежали разным этническим группам. Однако керамический материал с преобладанием в нем древнерусских горшков XII в. и находки иных менее массовых предметов, характеризующих обычно древнерусский слой (стеклянные браслеты, шиферные пряслица) встречаются в развалах домов обоих типов. Существенно, что в городе даже, видимо, не прерывалось производство кухонных древнерусских горшков, причем в них, как и в гончарных мастерских метрополии, появились и укоренились характерные нововведения: изогнутый край венчика, образующий желобок для крышки, орнамент колесиком, начавший входить в моду еще до "падения" Белой Вежи, но получивший особенное распространение после 1117 г. Очевидно, бытовая культура населения не изменилась, не изменился и этнический его состав. Благодаря записи 1149 года в русской летописи,

мы знаем, что осталось прежним и название города — Белая Вежа.

Приток новых этнических группировок (отдельных семей?) не был значительным, хотя не исключено, что появление саманных домов можно связывать с какими-то среднеазиатскими строительными традициями, принесенными в Белую Вежу с половцами. На городском кладбище одной из южных насыпей была погребена среди обычных беловежских захоронений целая семья, глава которой (монголоид) был похоронен с соблюдением половецких обычаев (головой на восток). Рядом с этой насыпью был насыпан небольшой курганчик с погребением богатой женщины, тоже, возможно, половчанки, датирующийся по сопровождающим вещам не ранее XII в. Таким образом, половцы в городе бывали и некоторые из них, вероятно, селились в нем, но Белая Вежа не стала становищем половцев. В течение не менее 30-35 лет она оставалась древнерусским городом среди моря половецких кочевий. И только примерно к середине XII в. жизнь в ней прекратилась, видимо, почти полностью. О какой-то деятельности на территории городища могут свидетельствовать только многочисленные ямы неясного или невыясненного назначения, которые разрушили слой Белой Вежи в ряде мест на глубину более 1 м, т.е. до +1,5 и даже +1,7 м.

Подводя итоги нашего исследования культурного слоя части Саркела - Белой Вежи, мы видим, какие важные, порой принципиальные уточнения позволяют сделать археологические источники, существенно дополняя краткие и не всегда ясные письменные свидетельства.

Переворачивая слой за слоем (пласт за пластом) в поле, естественно сверху вниз, а при кабинетной обработке материалов наоборот — снизу (от материка) вверх, мы получаем картину жизни памятника в развитии:

1. 30-е гг. IX в. — строительство Саркела.
2. Первая половина X в. — Саркел перерастает в укрепленное торгово-ремесленное поселение городского типа.
3. 965 г. — взятие Саркела Святославом.
4. 60-70-е гг. X в. — на развалинах Саркела возникает славянское-боршевское поселение.
5. 80-е гг. X в. - первое десятилетие XI в. — в крепость возвращаются уцелевшие от разгрома Святослава местные жители, активно заселяющие цитадель.
6. XI в. — формирование и расцвет торгово-ремесленного городка — древнерусской Белой Вежи.
7. 1117-1118 гг. — уход беловежцев на Русь, разгром торко-печенегов половцами.
8. Первая пол. XII в. — возрождение Белой Вежи после половецкого побоища.
9. Середина XII в. — затухание жизни в городке.

Итак, из 9 выявленных этапов в жизни Саркела - Белой Вежи только три известны нам благодаря письменным источникам. Остальные мы получили, переворачивая земляные тяжелые страницы на Левобережном Цимлянском городище — Саркеле - Белой Боже.

Думается, что наш труд еще раз доказывает огромное значение стратиграфических исследований, почти неиссякаемого источника информации. Это прекрасно демонстрировалось в течение более 50 лет новгородскими археологами. Сохранность дерева и палеографические особенности берестяных грамот дали им велико-

лепные возможности для стратиграфических исследований слоя и вместе с тем — для истории этого северного города (33, с.3-238). Однако не меньший интерес, хотя много более трудоемкий, представляет изучение слоев южных городов, значительно хуже сохранившихся, перекопанных, с меньшим количеством информативных находок. Таковы, в частности, слои Таматархи - Тмутаракани, а также слой в древней болгарской столице Плиске. Характер напластований и находки в них особенно близки Саркелу - Белой Веже (26, с.62-72; 34, с.37-41). Раскопки на этих памятниках помогли авторам разобраться в хитросплетениях саркело-беловежского слоя.

Дальнейшие исследования материалов Саркела - Белой Вежи на всей его раскопанной площади позволят воссоздать полную картину жизни этого города в динамике, а также послойно (поэтапно) рассмотреть его меняющуюся во времени внутреннюю топографию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. 1935. Вып.131.
2. Артамонов М.И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // СА. 1940. VI.
3. Артамонов М.И. Саркел - Белая Вежа // МИА. 1958. №62.
4. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
5. Белецкий В.Д. Жилища Саркела - Белой Вежи // МИА. 1959. №75.
6. Плетнева С.А. Саркел и "шелковый путь". Воронеж, 1996.
7. Раппопорт П.А. Крепостные сооружения Саркела // МИА. 1959. №75.
8. Плетнева С.А. Керамика Саркела - Белой Вежи // МИА. 1959. №75.
9. Сорокин С.С. Железные изделия Саркела - Белой Вежи // МИА. 1959. №75.
10. Плетнева С.А. О домашних оберегах в Саркеле - Белой Веже // РА. 1994. №1.
11. Львова З.А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела - Белой Вежи // МИА. 1959. №75.
12. Шелковников Б.А. Поливная керамика Саркела - Белой Вежи // МИА. 1959. №75.
13. Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М., 1982.
14. Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топорики // РА. 1992. №2.
15. Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. 1958. №74.
16. Левенок В.П. Пряслица городища Саркел - Белая Вежа // МИА. 1959. №75.
17. Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.
18. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981.
19. Макарова Т.И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X-XI вв. // АСГЭ. Л., 1962. Вып.4.
20. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
21. Повесть временных лет. М.-Л., 1950. Ч. I.
22. Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск, 1996.
23. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
24. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
25. Плетнева С.А. Маталургический и кузнечный комплексы Саркела // РА. 1996. №2.

26. Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
27. Артамонова О.А. Могильник Саркела - Белой Вежи // МИА. 1963. №109.
28. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
29. Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж, 1991.
30. Плетнева С.А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела - Белой Вежи). М., 1990.
31. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1962. Т.2.
32. Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.
33. Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
34. Плетнева С.А. Стратиграфические исследования Плиски // Плиска-Преслав. Шумен, 1992. № 5.

O.A.ARTAMONOVA, S.A.PLETNEOVA

STRATIGRAPHIC RESEARCH OF SARKEL - BELAYA VEZHA

Summary

The left-hand bank of Tsimlianskoe hill-fort, known since the 19th century represented the ruins of Khazar Sarkel fortress and the old Russian town of Belaya Vezha. Their identity was proved by M.I.Artamonov more than 60 years ago. He began excavations of this hill-fort in 1934- 1936 and went back to this monument in 1949-1951. He managed to obtain extremely interesting materials which became a significant contribution to the golden fund of our archaeology.

The main part of this material was processed in the 1950s (MIA № 62, 75, 109). But no one studied the stratigraphy of a powerful cultural layer of this hill-fort. We made an attempt to fill in this gap. The layer is divided into 7 different periods of construction (2 - Sarkel ones, and 5 - Belaya Vezha ones), their dating is based on differences in pottery and things complexes and is proved by finds of rare Byzantine coins. Each period is characterized by more ruins of brick buildings, emerging new trades, innovations in building housing apartments and planning settlement which became "row", perhaps, "street".

So, due to stratigraphic research of the layer we could turn some heavy ground pages of this unique monument.